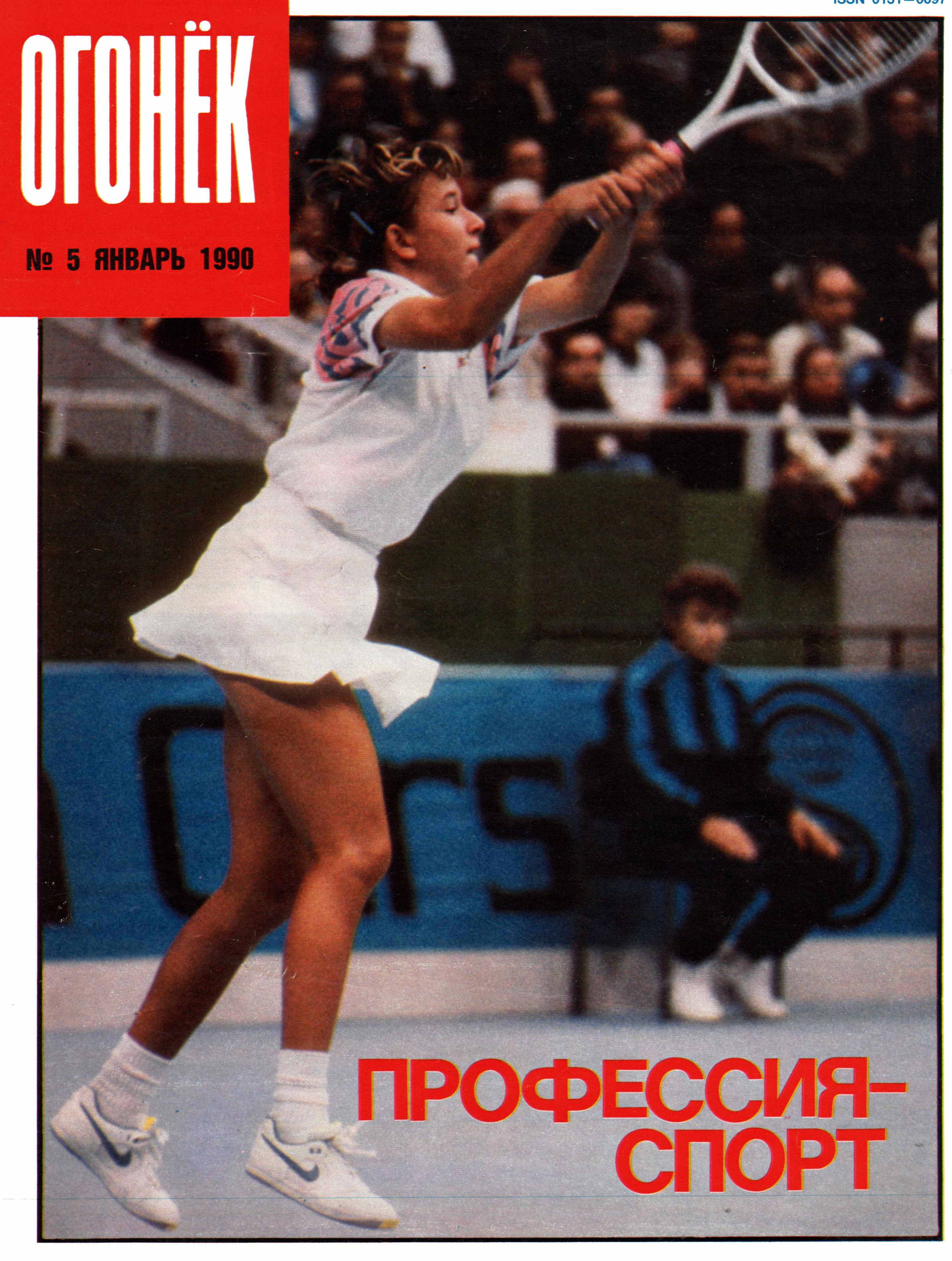
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 5 ЯНВАРЬ 1990

ПРОФЕССИЯ—СПОРТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (3262)
27 января — 3 февраля

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Лидер советского тенниса Наташа Зверева (см. в номере материал на стр. 31).
Фото Анатолия БОЧИНИНА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 08.01.90. Подписано к печати 23.01.90. А 09404. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 1747. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ОБЕЩАНИЯМИ СЫТ НЕ БУДЕШЬ

Предлагаем Вашему вниманию исследование общественного мнения, проведенное ВЦИОМом, посвященное проблемам снабжения населения продуктами.

ВОПРОС:
Что больше всего осложняет Вам приобретение продуктов питания?

Много времени уходит на поиски и очереди	61,0%
Приходится ездить за продуктами в другой город, район, область	16,1%
Приходится покупать на колхозном рынке по более дорогим ценам	34,4%
Приходится самому производить продукты питания в личном подсобном хозяйстве	14,8%
Что-либо еще	1,9%
С трудностями не сталкиваюсь	5,1%

ВОПРОС:
Какая часть Ваших доходов уходит на покупку продуктов питания?

Почти все	22,1%
Больше половины	38,2%
Примерно половина	24,6%
Затрудняюсь ответить	5,7%

ВОПРОС:
Как часто Вы ощущаете недостаток необходимых Вам продуктов питания?

Не ощущаю	6,9%
Довольно редко	16,1%
Довольно часто	43,4%
Постоянно	29,7%
Затрудняюсь ответить	4,1%

ВОПРОС:
Что Вас больше всего не устраивает в Вашем питании?

Однообразие питания	25,9%
Низкое качество продуктов питания	41,5%
Наличие вредных веществ в продуктах питания	23,6%
Отсутствие дешевых продуктов	43,2%
Нет деликатесных, праздничных продуктов	21,3%
Что-либо еще	2,8%
Все устраивает	4,6%

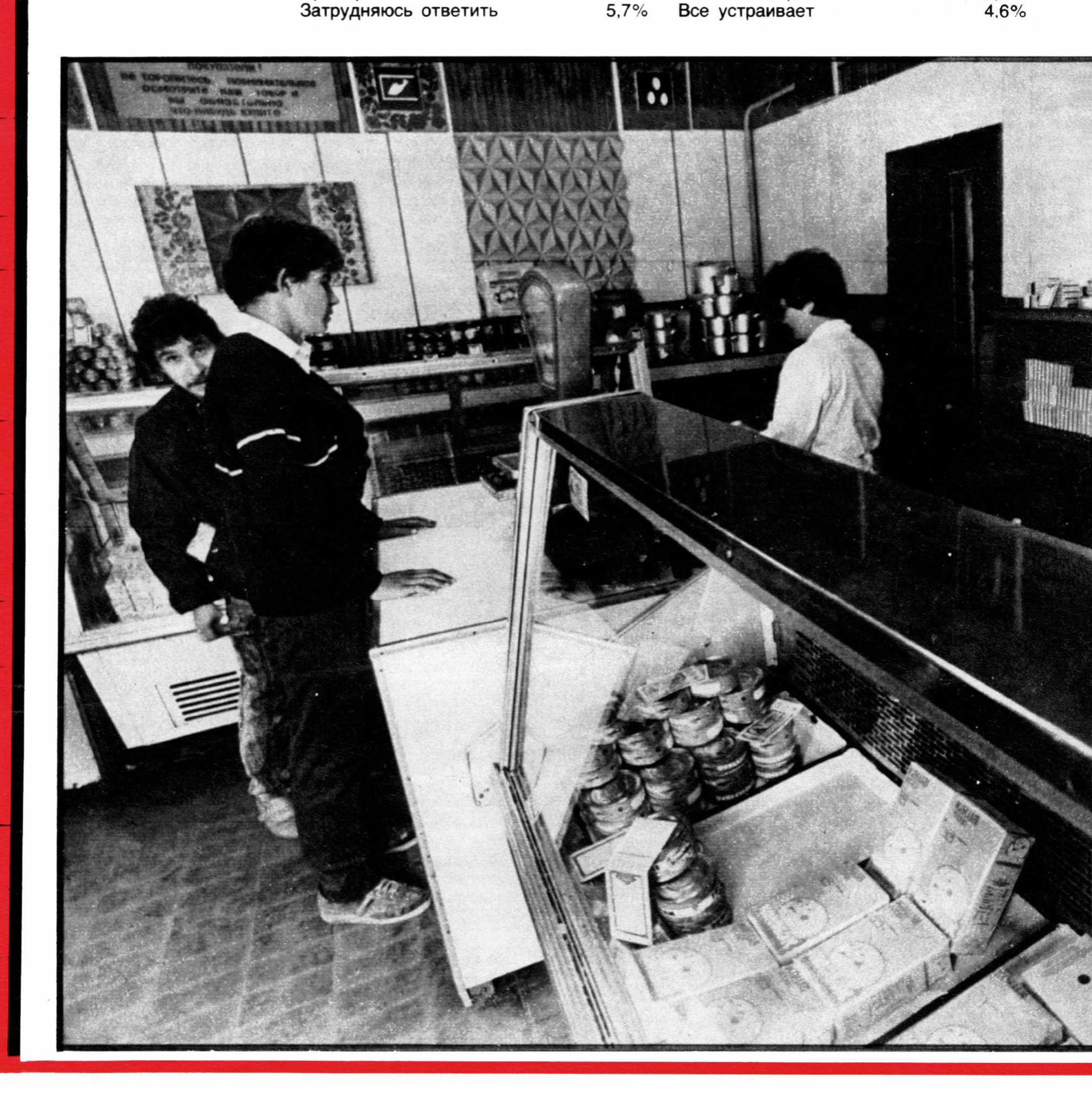

Фото Э. ЭТТИНГЕРА и В. КРЕХАЛЕВА

ВОПРОС:
Хватает ли Вам хлеба, макарон, круп?

Не хватает	6,2%
Достаточно	82,8%
Слишком много	7,3%
Затрудняюсь ответить	4,2%

ВОПРОС:
Хватает ли Вам растительного, животного масла, сала?

Не хватает	23,5%
Достаточно	67,0%
Слишком много	1,9%
Затрудняюсь ответить	7,8%

ВОПРОС:
Хватает ли Вам мяса, рыбы, птицы?

Не хватает	76,8%
Достаточно	19,0%
Слишком много	0,3%
Затрудняюсь ответить	4,2%

ВОПРОС:
Хватает ли Вам овощей, фруктов, ягод?

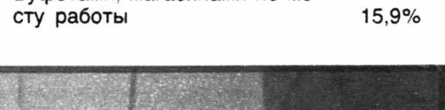
Не хватает	63,6%
Достаточно	30,5%
Слишком много	1,3%
Затрудняюсь ответить	4,7%

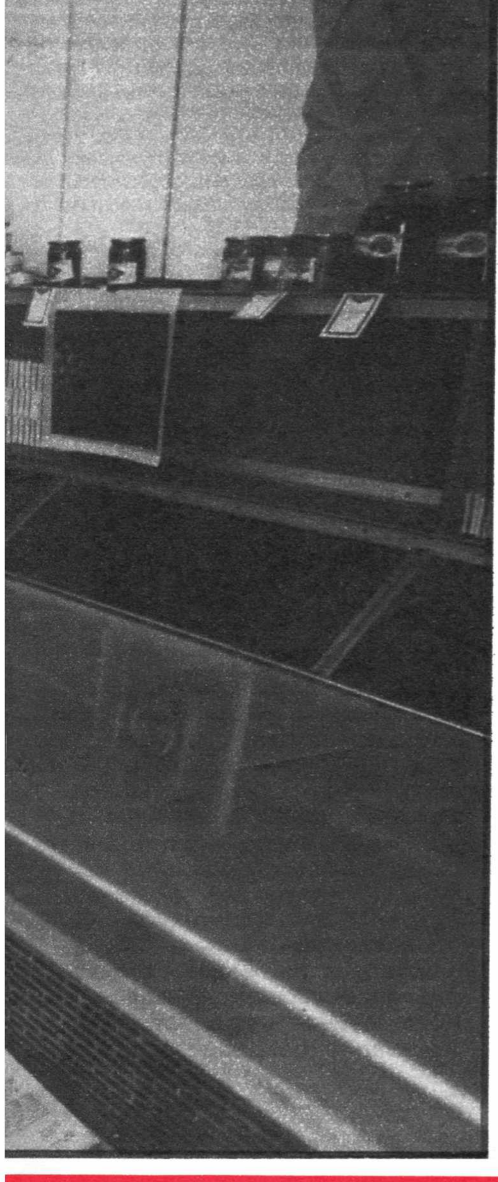
ВОПРОС:
Как Вы относитесь к распространению талонов, карточек в условиях дефицита продуктов питания?

Положительно	50,7%
Безразлично	5,9%
Отрицательно	34,4%
Затрудняюсь ответить	9,2%

ВОПРОС:
Какими формами распределения продуктов питания Вы пользуетесь

Продовольственными заказами по месту работы	7,4%
Буфетами, магазинами по месту работы	15,9%
Специальными отделами, магазинами по месту жительства для обслуживания ветеранов, инвалидов и т. д.	9,0%
Разовыми продовольственными талонами по месту работы	6,1%
Продуктовыми карточками по месту жительства	18,2%
Чем-либо еще	11,4%
Ничем из перечисленного не пользуюсь	40,7%

ВОПРОС:
Какая форма распределения продуктов питания Вам кажется наиболее удобной?

Разовые талоны по месту работы	9,5%
Продуктовые карточки по месту жительства	24,0%
Продовольственные заказы по месту работы	20,5%
Буфеты, магазины по месту работы	17,5%
Специальные отделы, магазины по месту жительства для обслуживания ветеранов, инвалидов и т. д.	8,3%
Другая форма	9,7%
Затрудняюсь ответить	17,9%

ВОПРОС:
Как Вы в целом оцениваете свое питание?

Достаточное по количеству и хорошее по качеству	18,1%
Достаточное по количеству, но плохое по качеству	26,7%
Недостаточное по количеству, но хорошее по качеству	9,0%
Недостаточное по количеству и плохое по качеству	30,9%
Затрудняюсь ответить	15,9%

■

Возвращение советского гражданства Мстиславу Ростроповичу и Галине Вишневской поднимает весьма пошатнувшуюся веру в успех перестройки, со всех сторон саботируемой ее опытными и имеющими большую власть врагами. Хочется верить, что за этим событием последует возвращение гражданства Александру Солженицыну, Льву Копелеву, Александру Зиновьеву, Владимиру Войновичу, Василию Аксенову и другим лучшим представителям русской интеллигенции, ставшим жертвами старого, прогнившего аппарата власти. Решение этой постыдной для нашей страны проблемы было одним из главных пунктов программы Н. Н. Губенко перед его вступлением на министерский пост. Радостно, что между его назначением и свершившимся актом справедливости прошло так немного времени. Возрождение духовной жизни страны станет возможным только тогда, когда слова «простите нас» будут произнесены еще при жизни великих людей, а не после их смерти, как случилось это с Андреем Дмитриевичем Сахаровым.

Николай ПЕТРОВ,
народный артист РСФСР

■

Однажды был опубликован коротенький материал о 501-й сталинской стройке, как именовалась она в ту пору.

В 1947—1951 годах я училась в Салехардском педучилище, поэтому была невольным очевидцем этой стройки. Время было, как теперь говорят, темное: наши юные души воспитывались на имени Сталина, на изнурительном труде, на лубочных кинофильмах. Речь Жданова изучали как основу литературы, согласно кивая головами, охаивали творчество Ахматовой и Зощенко.

В то время вышел в свет роман В. Ажаева «Далеко от Москвы». Читали мы его, захлебываясь от восторга. Вот это богатыри, вот это комсомольцы! Да нам с такими героями коммунизм построить — раз плюнуть! Из солидарности с содержанием книги мы даже кинофильм не пошли смотреть, так как там неполно раскрывались характеры героев!

Наша обаятельная, молодая классная руководительница В. Г. Балина каким-то образом узнала, что начальником и главным инженером 501-й стройки назначили тт. Барабанова и Чхеидзе — прототипов Батманова и Беридзе в романе «Далеко от Москвы».

Решили мы лично встретиться со знаменитыми строителями. Ездили не один раз, наконец застали т. Чхеидзе в управлении стройки и пригласили его вечером к нам в педучилище. Надо ли говорить, с каким волнением мы ждали его удивительного рассказа о строительстве нефтепровода. Около двух часов длилась наша конференция. Реальность далеко не соответствовала содержанию книги. Мало там было энтузиазма комсомольцев, зато много жертв, адского труда и холода.

В тот зимний вечер пятидесятого года мы впервые задумались о происходящей абсурдности в Салехарде. Стала доходить до сознания нелепость затеи: соединить Салехард с Норильском железной дорогой.

Вскоре эти два строителя исчезли из Салехарда, куда — не знаю. Вполне возможно, что судьба их была повернута круто и жестоко. Салехард жил тогда очень неспокойно. Постоянные побеги заключенных, убийства, комендантский час и патрулирование — все это мы видели и пережили. Светлым воспоминанием были концерты заключенных артистов на мрачном фоне жестокой жизни.

Сжимается сердце от собственной абсолютной беспомощности и беззащитности. Хочется верить, что наши потомки не будут такими послушными и доверчивыми, какими были мы.

А. М. РУДНИК,
ветеран труда
Ачинск

■

В моем любимом разделе «Слово читателя» почти не встречается писем учителей, а жаль. Им есть что рассказать. Я, проработав директором подмосковной школы № 9 в Одинцове, после ухода на пенсию в течение 5 последующих лет работала учителем в знаменитой Барвихе.

Мне пришлось наблюдать воспитание детей обслуживающего персонала, проживающего в различных санаториях и на дачах для сотрудников ЦК. Это был основной контингент школы. Высокомерные, циничные, грубые в своем большинстве, им ничего не стоило бросить в лицо товарища гранатом или апельсином, демонстративно на уроках жевать дорогие конфеты, которых лет 10 уже нет в продаже. Все это с того самого барского стола, который обслуживают мамы-папы. Им, детям, все дозволено. Да и как же иначе? Они не могут быть другими, ибо все то, о чем им говорится на уроках, является полной противоположностью того, что они видят в действительности.

Так, в течение одной осени-зимы 1987 года прямо напротив школы день и ночь солдаты строили дачу для очередного босса. И выстроили: один кирпичный дом для хозяина, второй — для караула. Во дворе сауна и еще какие-то постройки. Все обнесено забором. К школе 20 лет не могли проложить дорогу через лес, а тут прямо-таки повезло. В течение месяца и дорога готова, ибо путь к даче лежит мимо школы. Школьный двор тыльной стороной упирается в забор санатория ЦК, рассчитанного на 170 отдыхающих при обслуге около 600 человек. Сама территория огороженного санатория намного превышает территорию самого поселка. И таких примеров немало. И ведь это не только в Барвихе. Но если повсюду слова расходятся с делом, как же учителю смотреть в глаза своим ученикам? Кого мы вырастим?

Э. В. САЛАМАТОВА,
отличник народного просвещения СССР, педстаж 40 лет
Одинцово

В № 3 «Литературной газеты» опубликована заметочка «Как ни странно» — «дежурного цитатчика-начетчика» Вл. Волина, про корректорскую опечатку в «Огоньке». Благодарим за пристальное чтение, понимаем: сотрудников в «ЛГ» в три раза больше, чем у нас (при таком же объеме издания), надо же что-то делать. Если такие заметочки помогут некогда любимой газете вернуть миллионы потерянных подписчиков — будем рады: «Огонек» всегда готов выручить коллег.

За то, что опечатку заметили,— спасибо, радость по этому поводу — дело ваше. Если вас продолжает интересовать такое блохоловство, откройте тот же номер «ЛГ» на 2-й странице, отсчитайте шестую колонку и посмотрите в одном из последних абзацев корреспонденции В. Янелиса: «В воскресенье мы УЗАЛИ о новых...» — и т. д. И резвитесь на здоровье. В рабочее время.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

ДЕТИ Ш
ГОД СПУСТЯ

— Сердечное, дайте сердечное... Они сказали, что я... что меня...

Ей за семьдесят. Она спускается по широкой лестнице Центрального Дома литераторов, не отрывая рук от перил. Ее качает. Ноги в старомодных туфельках срываются со ступеней, как с обрыва.

— Там драка... это нацисты...

Рослый старшина милиции, поигрывая резиновым жезлом, уже прозванным в народе «демократизатором», неспешно направляется наверх. И теряется где-то в холле. В зале милиция появится много позже. Но напрасно председательствующий станет со сцены взывать к стражам правопорядка. Их трое или четверо. А погромщиков с полсотни.

Те пришли заранее. Точнее, их провели заранее. (Вход в ЦДЛ по писательским билетам.) Кто провел? Это уже выяснять следствию. Выяснит?

Что их привело?.. Совсем недавно в этом самом зале случился тот шабаш, который официально именовался VI пленумом правления Союза писателей РСФСР.

Потом более трехсот московских писателей поставили свои подписи под письмом, протестующим против речей и духа того пленума. И призвали секретариат правления СП СССР осудить расистскую выходку «патриотов». Орган СП РСФСР «Литературная Россия» тоже пытался протестовать. Только совсем по другому поводу. Там напечатана «патриотическая» версия того собрания. В ней все было пристойно и чинно: клей и редакторские ножницы весьма талантливо превратили даже наиболее одиозных витий почти в гуманистов.

На полемику в печати, на публичное разоблачение респектабельных идеологов «Памяти» те ответили погромом в цедеэловском зале. Разумеется, мы не станем утверждать, что беснующиеся молодцы были мобилизованы по повесткам правления СП РСФСР. Это было бы наивно. Это было бы некорректно. Но «идеологи», взвинчивающие расистскую истерию «теоретическими» разысканиями в сфере «русофобии», «засилья иудомасонов» и т. д., планомерно и расчетливо стравливающие людей по национальному или какому-то иному принципу, готовящие своими публикациями в массовых изданиях «российский Сумгаит», должны ответить в конце концов и за действия тех, кого они взрастили. Раньше или позже легальные расисты и их покровители ответят за все.

Потому что боевики вскормлены их отравленным млеком.

Потому что погромщик только марионетка, трусливый Шариков, спущенный с поводка умелой и жестокой рукой.

Он не умеет скрывать оскал за цитатой из классика. Не может рассуждать о корнях «русофобии» и «национальной идеи»... Он прост, как кастет, откровенен, как цепной пес, которому наконец-то сказали: «Фас!..»

В зале избили известного русского прозаика. За что? За то, что обратился к Шарикову на человеческом языке. Одного из старейших писателей ударили по лицу. Всемирно известному поэту, фронтовику, семнадцатилетний подонок пытался выкручивать руки. Женщин из лап беснующейся толпы приходилось буквально вырывать. (Как утверждают очевидцы, в 83-м отделении милиции с погромщиками обращались бережно и отпустили раньше, чем писателей.)

За спиной коренастого, с потной лысиной человека, командовавшего парадом штурмовиков в мегафон, стояли два милиционера. И можно было подумать, что это не наряд, вызванный для наведения порядка, а телохранители главаря. Они позволили ему наораться вдоволь, потом проводили к выходу и отпустили на все четыре стороны. «А как же,— ухмыльнулся один из милиционеров,— у нас плюрализм и свобода слова». (Об этом эпизоде рассказывает в письме в редакцию писатель А. Путко.)

Нескольких «шестерок», бесновав-

КОММЕНТАРИЙ ДОКТОРА РОЛЬФА-ДИТТЕРА КЛУГЕ, ПРОФЕССОРА ИЗ ФРГ, ПРИСУТСТВОВАВШЕГО В ЭТОТ ВЕЧЕР В ЗАЛЕ

Для меня, как для иностранца, все увиденное было совершенно неожиданным. И лозунги, и угрозы, которые произносились этими людьми, пришедшими в зал незаконно. Все это было чисто фашистским.

Такое надо вовремя останавливать. Эти фанатики в ФРГ проходили бы минимум по десяти статьям Уголовного кодекса; это ведь серьезное нарушение Конституции! Член совета «Апреля» Вадим Соколов предложил

АРИКОВА

шихся в зале, для вида задержали, но вскоре отпустили.

Остальные шариковы ушли сами (просто в зале почти не осталось писателей). Они уходили, как герои, уходили с сознанием выполненного «соцзаказа», лоснящиеся самодовольством. Хорошо поработавшие наемники. И скорее для порядка огрызались напоследок: «Жиды, убирайтесь в свой Израиль!», «Народ долго вас терпел!», «Погром назначен через несколько месяцев!»

Они даже называли дату. Простые такие хлопцы...

И мы, все, кто видел погром впервые (или кому «посчастливилось» уже наблюдать «репетиции» в 1985 году в московском ДК имени Горбунова, в 1989-м в ДК «Правды»),— мы дали им уйти. Кстати, это была та же группа «Памяти», что и в ДК «Правды» год назад. («Огонек» № 3, 1989 год).

А после нескольких сотен литераторов вновь стали просачиваться в зал. Почти тайком, через сцену. Как на нелегальную явку.

И что здесь самое стыдное, трудно сказать.

Собрание все-таки состоялось. Собрание писателей в поддержку перестройки, где решалась судьба Всесоюзной писательской ассоциации «Апрель» (в рамках СП СССР). Кто-то, видимо, воспринял это как подрыв сталинского Союза. Не зря ж рычал в мегафон один из вожаков стаи шариковых:

— Мы не дадим в обиду наш аппарат!

И покуда их аппарат (как бы его ни называли — административно-командный, партийно-бюрократический или как еще) не сломлен, он будет ставить на шариковых. (С тем, чтобы потом — по достижении цели — расправиться и с ними, как всегда расправляются со штурмовиками). Потому что иных защитников, кроме цепных, у него не осталось. И национальность здесь ни при чем.

Владимир ВИГИЛЯНСКИЙ,
Олег ХЛЕБНИКОВ,
Андрей ЧЕРНОВ

им высказаться, но с ними говорить нельзя. Они кричали с пеной у рта в буквальном смысле слова. Самое ужасное, что я от них там услышал: «Сегодня мы пришли с мегафоном, а в следующий раз — с автоматом». Одной женщине грозили: «Мы набьем твою жидовскую морду». Ужасно.

Я думаю о прошлом своего народа — там тоже были подобные проявления. Если бы с самого начала на них реагировали жестче!..

ЦДЛ, 18 ЯНВАРЯ 1990 ГОДА. 18.40—19.10

(Расшифровка диктофонной записи)

Человек с мегафоном («Память»): ***...Вы, отколовшиеся от русских писателей, жидомасоны, можете убираться из этого зала. Товарищи евреи, покиньте зал, вы не писатели — писатели Распутин, Астафьев, Белов. Мы в своей стране, а вы, пришельцы, покиньте зал...***

...Давайте, давайте, уходите со сцены. Мы проведем свой митинг. Кстати, кто знает, кому принадлежало это помещение до революции, это построено на народные русские денежки... И сионистам здесь делать нечего в этом зале... Давайте убирайтесь из российского зала, мы здесь проведем свой митинг!

Нас никто не будет выводить, мы хозяева страны, поняли, ублюдки?!. Еврейские и русскоязычные литераторы, убирайтесь из зала, я вам стихи Евтушенко прочту, а, кстати, где сам, где Гангнус-то, мы пришли ради Гангнуса, где Гангнус скрывается?!.

. . . .

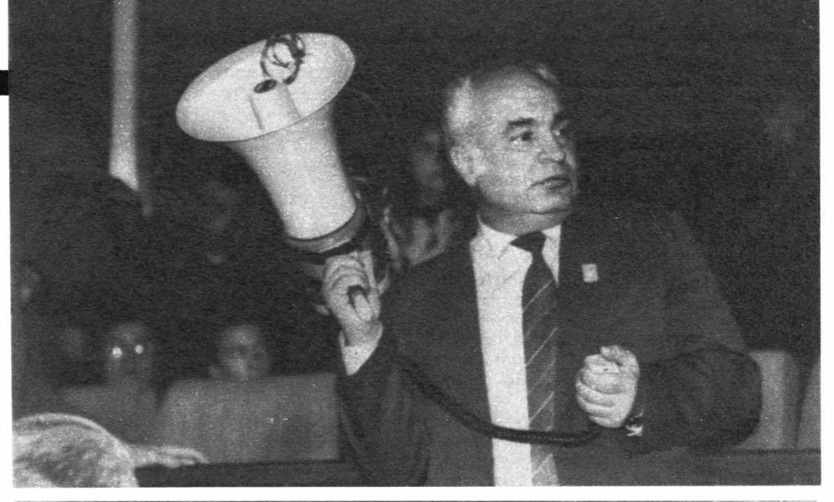
Кончилось время, когда вы единолично определяли статус русского народа. Надо русско-еврейский вопрос поднять на высоту... Товарищи евреи, которые являются писателями, пройдите в малый зал, мы вас перепишем и зафиксируем всех!

...Кончилось ваше время, ни милиция, ни КГБ, ни партия вам не помогут, теперь мы будем хозяева страны, а вы, пришельцы, убирайтесь в Израиль... До каких пор можно терпеть вашу русофобию?.. Желающие получить по морде — подходите сюда... Товарищи «апрелевцы» вы беспомощны. Мы вам обещаем, что на все ваши собрания будем приходить...

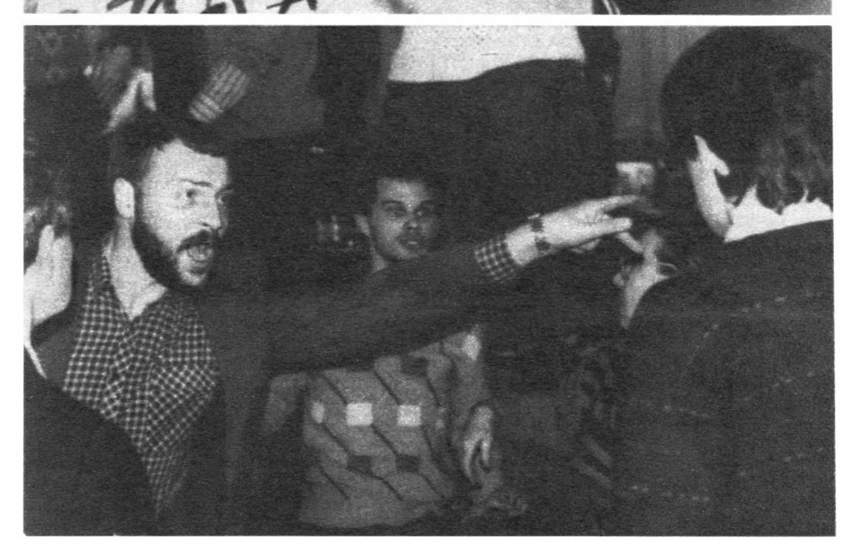
Товарищи русские люди, патриоты, мы одержим еще одну победу, если мы будем так себя вести!.. И призывы к милиции, к КГБ не помогут, кончилась их власть. (Аплодисменты.) ...Я кандидат в депутаты от Первомайского района, девятого округа Смирнов, пожалуйста, я кандидат в депутаты!..

Фоторепортаж А. ДУБНОВА

Мы предъявляем вашему вниманию всю эту мерзость с одной лишь целью: спросить, что же должен был кричать господин с мегафоном, дабы оказаться привлеченным к уголовной ответственности?

ПРОШУ СЛОВА!

АРМИЯ ДЛЯ СТРАНЫ ИЛИ СТРАНА ДЛЯ АРМИИ?

Георгий АРБАТОВ, академик, народный депутат СССР.

Журнал «Огонек» оказался сегодня на переднем крае дискуссии по военным вопросам. В своем выступлении на втором Съезде народных депутатов СССР в эту дискуссию попытался включиться и я. И потому, естественно, предложил журналу настоящие заметки, идущие как бы в продолжение выступления.

Начну с пояснения. Я выступил на втором Съезде народных депутатов СССР против наших нынешних, с моей точки зрения, чрезмерных военных расходов по следующим четырем причинам.

Первая. Важная часть перестройки — новое политическое мышление, новые подходы к внешней политике. В том числе к военной силе, к ее роли, к возможности ее применения. Я не хочу сказать, что раньше мы выступали за использование оружия в политике, за войну. В принципе в идеале социализма нет места войне, и совсем не случайно первым законом молодой Советской власти был Декрет о мире. Но, как и во многих других вопросах, мы здесь не всегда были на уровне своих высоких принципов и идеалов. Отвергая в целом идею «экспорта революции», в политической практике не раз с нею заигрывали, допускали уступки звонкой «революционаристской» фразе. Не раз шла наша политика и на поводу имперских амбиций. Сегодня, когда получили принципиальную оценку секретные договоренности Сталина с Гитлером в 1939 году, применение Советским Союзом и его союзниками вооруженных сил в Чехословакии в 1968 году, решение о вводе войск в Афганистан в 1979 году, это едва ли надо доказывать.

Но изменение политических подходов и установок ведет (и уже привело) к снижению военной опасности и к изменению военных доктрин и стратегии: Новая политика, естественно, не требует таких больших вооруженных сил (а значит, и военных расходов). Избыток военной мощи при этом — отнюдь не «запас прочности». Он вреден для новой политики, ибо другая сторона судит о твоих намерениях не столько по твоим словам, сколько по твоим военным возможностям. Военной силы должно быть «разумно достаточно» — не больше и не меньше того. То есть достаточно для твоей обороны, для того, чтобы не вводить в искушение другую сторону (тем более, когда имеешь дело с США, не расставшимися со старым политическим мышлением, «дипломатией канонерок»). Но недостаточно для того, чтобы напасть на другую сторону и ее победить. Чтобы не боялась она и чтобы не вводить «в искушение» собственных политиков. Такая политическая и военная концепция нами провозглашена. Теперь стоит задача привести в соответствие с нею наши вооруженные силы и расходы на оборону.

Вторая причина — это наше тяжелое экономическое положение. Когда ты в долгах, когда не хватает на самое необходимое, естественно начинать с элементарной вещи, известной каждой домохозяйке: жить по средствам, решительно отказаться от расточительства, от лишних расходов. Для государства должен действовать, я считаю, тот же самый рецепт. Оно обязано прежде всего отказаться от всех и всяких излишеств и экстравагантностей. К ним наряду с немыслимо большими капиталовложениями, не обещающими быстрой отдачи, с содержанием фантастического по размерам бюрократического аппарата и выпуском ненужной продукции низкого качества относятся и непомерные военные расходы. Они сегодня, по моему убеждению, выходят за рамки реальной угрозы безопасности и разумной достаточности.

Третья причина. Мы допустили непозволительную для социалистического общества милитаризацию многих сторон своей жизни — экономики, науки, во многом воспитания и других сфер духовной жизни. Во многом это естественное наследие сталинизма, оборотной стороной которого всегда был милитаризм (да и вся административно-командная система вышла своими корнями из военного коммунизма). Это вместе с тем порождение периода застоя, когда маршалы и генералы, с одной стороны, и генеральные конструкторы из военной промышленности, с другой, получили полную свободу рук, стали бесконтрольными. Под руководством таких, беззастенчиво получавших в мирное время высшие воинские звания и боевые награды «великих полководцев», как Брежнев, Устинов и Гречко, они создали невероятную по размерам и стоимости (не раз к тому же удивлявшую нас в последние годы своей низкой эффективностью) военную машину.

Чего мы добились, создав этого гиганта? Прежде всего сумели в 70-е годы, несмотря на политику разрядки, напугать весь мир и сплотить против себя такую коалицию всех ведущих держав, которой не имел, пожалуй, никто со времен Наполеона. (Один поразительный факт, ставший только что известным из нашей официальной прессы: СССР имеет почти 64 тысячи танков, что, насколько можно судить, больше, чем у всех остальных стран мира, вместе взятых.) Далее, мы обескровили, деформировали, подорвали свою экономику и финансы, сделав неизбежными снижение уровня жизни народа и обострение социальных проблем. В результате разрыв между нами и экономически развитыми странами Запада начал увеличиваться. Наконец, мы объективно помогли, проклиная его на словах, американскому империализму, военно-промышленному комплексу США на добрых 15, а то и больше лет продлить «холодную войну», затормозить начавшийся процесс разоружения и демилитаризации международных отношений.

Все это, вместе взятое, означает, что открытое, честное обсуждение проблем вооруженных сил, военной политики и военных расходов назрело и даже перезрело. Оно вместе с радикальным оздоровлением всей этой сферы стало важной составной частью перестройки.

И с этим связана четвертая причина, побудившая меня выступить на Съезде народных депутатов. Состоит она в том, что часть высшего командного состава Вооруженных Сил пытается всеми силами сорвать такое обсуждение. В том числе и прибегая к недозволенным методам — сокрытию информации или ее фальсификации, попыткам личной дискредитации критиков, навешивания им политических ярлыков и т. д. Не будучи уже в силах отрицать существование проблем и недостатков в военной сфере, они пытаются оградить ее от всякой критики, от взгляда «извне» — мол, мы сами во всем разберемся, сами перестроимся. Такая линия, проводимая шумно, напористо, даже агрессивно, не отвечает интересам страны, да и интересам самих Вооруженных Сил. Я считал поэтому очень важным перенести дискуссию по военным вопросам и на трибуну парламента, трибуну Съезда народных депутатов. Тем более что пока не оправдываются надежды на Комитет по вопросам обороны и государственной безопасности Верховного Совета СССР. Он был укомплектован в значительной мере представителями руководства военного ведомства и военной промышленности, стал скорее их лобби, чем органом парламентского контроля.

Выступая на Съезде, я, конечно, отдавал себе отчет в том, что мои предложения о более радикальном сокращении военных ассигнований получат отпор со стороны представителей военного руководства. И меня поэтому не удивили выступления адмирала Чернавина и генерала Овчинникова. А вот что для меня, признаться, было приятной неожиданностью — так это очень широкая поддержка моего выступления и предложений со стороны офицеров (а частично — и генералов) как и на самом Съезде, так и вне его.

Вместе с тем хотел бы все же коротко ответить одному из критиков — генерал-лейтенанту А. И. Овчинникову. Не на личные выпады в моей адрес и попытки обвинить меня в «клевете на армию». Отвечать на такие выпады (даже если они делаются с самой высокой в стране трибуны) я считаю ниже своего достоинства.

Но вот мимо попытки опровергнуть мое утверждение, что в последние годы в США сокращаются военные ассигнования, а Советские Вооруженные Силы по численности намного превосходят американские, я пройти не могу. И дело здесь отнюдь не в оскорбленном «ораторском самолюбии». Уж очень прозрачны цели генерал-лейтенанта Овчинникова. Споря со мною, он пытается доказать, что США, наоборот, продолжают увеличивать военные расходы и имеют по численности (правда, с учетом еще и союзников) бо́льшие вооруженные силы, чем мы. Я мог это понять однозначно: как попытку поставить под сомнение советскую политику сокращения численности Вооруженных Сил и военных расходов. Потому считаю необходимым обратиться к фактам.

Правда ли, что американские военные ассигнования в последние годы не сокращаются, а растут (как утверждает генерал Овчинников)?

Нет, неправда. Я не знаю «официальной справки» конгресса США, на которую ссылается генерал, впервые вижу упомянутую им цифру роста военного бюджета на 1990 год (в сравнении с 1989 годом) на 6,7 миллиарда долларов. Но могу вновь со всей ответственностью повторить, что начиная с 1985 года военные ассигнования США — они называются там «полными бюджетными полномочиями» — постоянно снижаются (хотя, на мой взгляд, как и в СССР, слишком медленно). Если, конечно, считать по-научному, в реальных ценах, с коррекцией и инфляцию. Вот официальные цифры в постоянных ценах 1989 года: 1985 г.— 325,5 млрд. долл., 1986 г.— 311,9 млрд. долл., 1987 г.— 301,8 млрд. долл., 1988 г.— 292,8 млрд. долл., 1989 г.— 290,8 млрд. долл., то есть на 35 млрд. долл. (более чем на 10%) меньше, чем пять лет назад. О 1990 годе говорить пока рано — еще нельзя точно оценить инфляцию.

С 1987 года сокращаются в США и военные расходы (они в силу существующей там системы составления бюджета идут отдельно от ассигнований) в постоянных, а в последний год и в текущих ценах.

Все эти данные взяты из официальной статистики, я за это полностью отвечаю.

То же самое относится и к моему заявлению, что даже после завершения полумиллионного сокращения наши Вооруженные Силы будут на полтора миллиона превосходить по численности американские. Нет, говорит товарищ Овчинников, не на 1,5 миллиона, а «только» на 460 тысяч. Откуда идет это разночтение, читатели «Огонька» уже знают из Открытого письма редактору журнала маршала С. Ф. Ахромеева и редакционного комментария к этому письму. Многоуважаемый Сергей Федорович Ахромеев приплюсовал к 2,1 миллиона американских военнослужащих национальную гвардию и заодно резервистов, хотя у нас не учел не только резерв, но и пограничные и внутренние войска.

На некорректность таких комбинаций указывалось уже в редакционном комментарии «Огонька». Я мог бы добавить лишь одно: если С. Ф. Ахромеев считает правомерным приравнять американских резервистов и территориальные, ополченческие по типу, формирования национальной гвардии к нашей регулярной армии, почему не позаимствовать их систему? И для страны дешевле, и для экономики полезнее, и население воспримет с удовлетворением — особенно призывной контингент (плохо ли — живешь дома, на сборах проводишь от одного до сорока дней в год, а служба идет!).

Не меняет дела и попытка генерал-лейтенанта Овчинникова перевести вопрос в плоскость сравнения войск НАТО и Организации Варшавского Договора. Сюда опять же вошли некорректно засчитанные в регулярные войска США 1 миллион 200 тысяч американских резервистов и национальной гвардии и какие-то аналогичные «формирования» (по официальным американским данным, численность войск ОВД на миллион человек превосходит НАТО).

Вот так обстоит дело в действительности. Ну, а кроме того, не США, а мы приняли на вооружение доктрину «разумной достаточности». Что заставляет нас — тем более в условиях больших экономических трудностей — очень серьезно задуматься о многих вещах. В частности, о приоритетах и о том, откуда исходит сегодня реальная опасность — от иноземного нашествия или от нарастающих экономических трудностей, которые, если не переломить тенденцию, могут постепенно оттеснить нас в число развивающихся стран. И, разумеется, о вещах более конкретных. О том, например, почему у нас и сегодня самые большие в мире по численности Вооруженные Силы и почему мы расходуем на военные цели самую большую среди крупных держав долю ВНП (даже если принять за стопроцентно правильные официальные цифры военного бюджета). А также о том, почему мы больше всех в мире производим почти всех видов оружия и вышли на первое место в мире по его продаже.

И, что, может быть, особенно важно, задуматься о том, кто же и на основе каких законов должен у нас руководить Вооруженными Силами, устанавливать в них порядки, выделять им военные ассигнования и все это проверять? Думаю, все эти вопросы, равно как вопрос о составе и деятельности соответствующего Комитета Верховного Совета СССР, должны возможно скорее занять достойное место в повестке дня нашего парламента. На втором Съезде народных депутатов СССР дискуссия по военным вопросам началась. Но она, по-моему, должна быть продолжена Верховным Советом, доведена до законов, политических и бюджетных решений. Этого требуют интересы самих Вооруженных Сил, интересы страны, ее экономики и ее обороноспособности.

Политику определяет политическое руководство в соответствии с конституцией и законом. Целям политики отвечает соответствующая военная стратегия и военная доктрина. А политике, стратегии и доктрине — количество, качество и структура Вооруженных Сил, военные ассигнования и военные программы. А не наоборот.

На Съезде группой офицеров-депутатов был распространен очень интересный документ — «Концепция военной реформы». Он, по моему глубокому убеждению, показывает, что в этих важных вопросах возможна общая точка зрения как военных, так и невоенных. Начавшаяся дискуссия уже дает свои плоды.

Размышления в канун выборов о втором Съезде народных депутатов СССР и современной политической ситуации в стране

Рисунок Сергея ПОЯРКОВА

Игорь КЛЯМКИН

ТРУДНЫЙ СПУСК С ЗИЯЮЩИХ ВЫСОТ

Начало Съезда наводило на грустную мысль, что он, как особый политический орган, себя исчерпал, едва успев родиться. Когда он весной прошлого года собрался в первый раз, такого ощущения не было. Конечно, многое смущало и тогда, но — совсем другое. Тогда смущало, что наша «верхняя палата» (Съезд), появившаяся на свет раньше «нижней» (Верховный Совет со своими двумя палатами), слишком уж похожа на всесоюзный митинг перед телекамерами и совсем не похожа на учреждение, призванное создавать законы. Второе собрание высшего органа власти сразу же попробовало придать себе парламентскую солидность, основательность и пунктуальность, потратив целый рабочий день, да еще удлиненный сверхурочными часами, на обсуждение повестки дня. И сразу стало ясно не только то, что большинство Съезда остается послушным президиуму, что никаких принципиальных изменений в составленный заранее сценарий внесено не будет и что обсуждение законов, которых ждет вся страна, откладывается до лучших времен. Ясно стало и другое, а именно, что собрание двух с четвертью тысяч человек для законотворческой работы совершенно непригодно. Более того, постепенно многие утверждались в мысли, что главный недостаток первого Съезда, то есть его безудержная митинговость, был его главным достоинством и что второй только тогда и был интересен, когда начинал походить на первый. А раз так, то неизбежно возникал и требовал ответа один-единственный вопрос: нужен ли нам такой, пусть временами и интересный, но дорогостоящий митинг с очередями к микрофонам, в то время когда

всесоюзная очередь начинает, кажется, выстраиваться уже даже у булочных?

На этот вопрос я, хотя и не без колебаний, отвечаю утвердительно: да, Съезд нужен, причем именно сейчас, когда все спуталось и смешалось в нашем доме. Потом, когда разберемся и наведем порядок, обойдемся и одним Верховным Советом, как, впрочем, по части законотворчества иногда обходимся уже сейчас. Вы помните, конечно, что некоторые принятые Верховным Советом законы начинали действовать до утверждения их Съездом, и возможность этого, как было подтверждено самим Съездом, не исключается и впредь. Но пока сохраняется обстановка всеобщей неупорядоченности, нам нужно, необходимо просто политическое зеркало, нужна открытая трибуна, где непосредственно сталкиваются различные социальные силы, где позиции выражаются общедоступным и резким политическим, а не юридическим языком, который большинству из нас не очень понятен и который не столько выявляет, сколько вуалирует реальные интересы. Если вспомнить, что высшие институты партийного представительства, обсуждая вопросы, которые касаются не только их, но и нашей общей судьбы, демонстрируют свою сплоченность испытанным способом обнародования не речей ораторов, а списков их фамилий и единодушно принятых постановлений, то можно позволить себе быть категоричным в утверждении: Съезд народных депутатов — это на сегодня единственный орган, который хотя бы в первом приближении позволяет судить о том, кто есть кто в различных эшелонах власти и каково соотношение политических сил в стране.

Что же увидели мы на экранах своих телевизоров?

НОВЫЕ ЗАЩИТНИКИ НЕ НОВЫХ «ПРИНЦИПОВ»

Сейчас, после Съезда, вряд ли приходится сомневаться в том, что примерно с осени прошлого года конфликт различных социально-политических сил снова переместился в сферу идеологии, что происходит своего рода возвращение к весне 1988 года, когда появилась известная статья «Не могу поступаться принципами». Конечно, в жизни ничего не повторяется буквально, в ней, как нас в свое время долго и упорно учили, все движется не по кругу, а по спирали, и потому одно и то же в разное время — это не совсем одно и то же. Так и в нашем случае.

В статье Нины Андреевой и в ответах ей речь шла только о «принципах», только об идеологии, об оценках вчерашнего и позавчерашнего бытия (гордиться нужно им или каяться), потому что в то время больше не о чем было и спорить: экономики и политики перестройка тогда еще не коснулась. Сегодня же обращение к идеологическим «принципам» — это реакция определенных общественных сил на неудачи реформ в экономике и способ самозащиты от продолжающейся демократизации в политике.

«Куда мы идем?» — так поставлен теперь вопрос, и ставящие его намекают или говорят открыто, что идем явно не туда, а потому и не может нам улыбнуться удача. Понятно, что это настроение, которое попытались донести до нас некоторые депутаты со съездовской трибуны, возникло не только что. Ведь не случайно же — это слишком бросалось в глаза, чтобы быть незамеченным,— последние месяцы ушедшего года руководитель государства и инициатор перестройки во всех выступлениях и интервью особо выделял слово «социализм», заверяя сомневающихся, что оно по-прежнему остается нашим знаменем, смыслом и целью наших забот. Похоже, однако, что этим заверениям поверили не все, в связи с чем, возможно, и появилась обобщающая статья Горбачева «Социалистическая идея и революционная перестройка». Но вопрос не был снят, и на Съезде народных депутатов Председатель Верховного Совета снова счел нужным отвести упреки и дать новые заверения насчет того, что перестройка не означает разрыва с социализмом и его ценностями. Правда, многие заметили, что упреки идут с правой стороны, а ответ дается тем, кто находится слева и упрекает совсем не в этом. Кое-кто сделал отсюда вывод, что правые сегодня настолько сильны, а «центристы» так сильно боятся прослыть потакающими левым, что вынуждены ругать вторых даже тогда, когда хотят возразить первым. Возможно, что именно так дело и обстоит.

Не надо быть пророком, чтобы предвидеть: все это нам предстоит наблюдать еще не раз. Потому что за вопросом «куда идем?», за тревогами и опасениями насчет того, что идем не туда, скрываются ущемленные интересы и поверженные репутации находящихся у власти групп, причем не столько в центре, сколько на местах, где накапливается недовольство центром.

Да, под ударом сегодня оказался прежде всего местный партийный и государственный аппарат, особенно его руководители. Вспомните речи некоторых из них на Съезде: экономические методы не действуют, но и командовать не разрешают; нас призывают к самостоятельности, но центральные ведомства монополизировали право распоряжаться сырьевыми ресурсами и валютными поступлениями от их продажи; все разваливается, народ не работает, даже когда не бастует, а виноватыми оказываемся мы, местные власти; вкалываем до одури, а в глазах людей все равно остаемся «бюрократами» и «врагами перестройки»; ясно, что на предстоящих выборах мы обречены.

Вот в них-то, в выборах, все и дело. Центральная власть, по крайней мере на уровне партийного руководства, пока еще не испытала зависимости от избирателя. Ее можно критиковать в печати или в представительном органе, но человек с бюллетенем ей не грозит. А что шутки с этим человеком плохи, стало очевидно в марте прошлого года, когда были подведены итоги выборов народных депутатов СССР.

На состоявшемся сразу после этого апрельском Пленуме ЦК КПСС представители мест открыто (хотя и осторожно) заявили о своем недовольстве центром, и в унисон с ними, но еще не сливаясь, прозвучали как духовное завещание уходящей эпохи голоса отставляемых идеологов об опасности размывания идейных устоев социализма потоками буржуазной и прочей зарубежной пропаганды.

Центр, не отказываясь от общей линии, вскоре кое в чем уступил: местные выборы были передвинуты с осени прошлого года на весну нынешнего, а решение Всесоюзной партконференции о совмещении руководящих постов в партийных и советских органах, которое, как выяснилось, не столько укрепляло «руководящую роль», сколько ставило жизнь и судьбу первых секретарей в полную зависимость от неуправляемого и враждебно настроенного человека с бюллетенем, было объявлено необязательным. Так как решение конференции о совмещении постов было крайне непопулярным, его не совсем законная отмена, брошенная, как спасательный круг, тонущим функционерам, сопротивления общественности не вызвала и прошла почти незамеченной.

Но чем ближе выборы и глубже кризис, тем выше напряжение в кабинетах обкомов и облисполкомов, прилагающих отчаянные усилия для того, чтобы недовольство избирателей ходом перестройки переадресовать в центр и укрепить тем самым свою политическую репутацию. На нашумевшем митинге коммунистов в Ленинграде лозунги, призывающие хранить верность «принципам» и отдавать себе отчет в том, «куда идем», впервые соединились с лозунгами, требующими отчета от ЦК и Политбюро.

Разумеется, эту политическую смелость можно было бы только приветствовать, если бы она толкала центр вперед. Но она толкает его назад. Неудачи перестройки создают благоприятную атмосферу не только для радикальной, но и для консервативной критики. И по мере того, как в обществе накапливается усталость, первая слабеет, а вторая усиливается. Закончившийся Съезд народных депутатов, несмотря на решимость, проявленную членами межрегиональной группы, не оставляет в этом никаких сомнений. Впервые, пожалуй, со столь высокой трибуны мы услышали о том, что при застое было не так уж плохо, во всяком случае, люди работали, соблюдали порядок, а сейчас все катится неизвестно куда. И говорили это не функционеры, не «аппаратчики», а «рядовые труженики и труженицы», и я не уверен, что пели они только с чужого голоса.

Похоже, перенесение срока выборов было тактической ошибкой. Оно позволило местному «аппарату» создать себе социальную опору среди населения, которое, к тому же, наблюдая за работой наших «парламентских» учреждений, успело утратить свои иллюзии насчет того, что новые люди в законодательных органах могут что-то быстро изменить к лучшему. Поэтому его избирательная активность падает, а все это, вместе взятое, приводит к тому, что падает престиж депутатской деятельности, что многие честные, энергичные и способные к такой деятельности люди не хотят выдвигать свои кандидатуры, облегчая тем самым политическую карьеру очередному поколению «проверенных» и «надежных».

Потеряно главное — темп. Сегодня мы могли бы уже иметь обновленные Советы с обновленным аппаратом на местах, как имеем в центре, могли бы иметь политические органы перестройки, сплачивающие вокруг себя все живые силы. А так мы имеем на местах старый советский аппарат, сросшийся со старым партийным, причем оба они успели оправиться от прошлогоднего весеннего шока и не всегда безуспешно, если судить по прессе, держат оборону в начавшейся выборной кампании.

Конечно, исход избирательной борьбы отнюдь не предрешен, конкуренция кандидатов в депутаты, кроме поселковых и сельских Советов, достаточно высока. Конечно, свободные, демократические выборы были и остаются лозунгом всех демократических сил. Без надежной политической опоры на местах, без новых органов власти, которые отличаются от старых тем, что люди считают их своими,— без этого перестройка обречена. Но, как бы ни развивались события, конфликт между центром и местами, о котором я говорил, будет углубляться, а углубление его проявится в том, что места попытаются (и уже пытаются) найти себе опору в центре. В центре же им проще всего найти опору в институтах партийного представительства (в ЦК и Политбюро), так как эти институты по-прежнему остаются закрытыми от общества, а значит, лучше всего приспособленными для «аппаратных» методов деятельности.

Правда, наши высшие партийные инстанции с завидным упорством при всех обстоятельствах демонстрируют свое «монолитное единство», не отдавая себе, похоже, отчета в том, что его могут считать достоинством разве что члены «ордена меченосцев» и что для демократической или демократизирующейся организации оно — нонсенс. Да и удается эта демонстрация не всегда. Если общество, преодолевая «монолитное единство», дозрело до того, что депутатами высшего органа законодательной власти оказываются такие разные люди, как Лигачев и Сахаров, то смерть второго ставит первого перед вопросом: подписывать некролог вместе с генсеком и другими членами Политбюро или нет. Егор Кузьмич проявил принципиальность и подпись не поставил. Между прочим, не он один. Вы скажете, быть может, что этот факт можно истолковать по-разному и что сам по себе он еще не ставит под сомнение наличие «монолитного единства» по основным направлениям политики. Я спорить не буду, но если дело обстоит так, то тем более непонятно, почему я, будучи членом партии, не могу убедиться в этом сам, прочитав речи участников очередного Пленума ЦК в газетах?

А теперь самое время вернуться к вопросу «куда идем?». Думаю, что он как раз и навязывается обществу людьми, для которых «куда идем?» равнозначно «куда ведем?», а «куда ведем?» равнозначно «куда можем вести?», а «куда можем вести?» равнозначно магическому слову «социализм», смысл которого дозволено толковать только ведущим на своих тайных заседаниях. И тут я хотел бы быть предельно определенным: пока мы будем танцевать не от жизни, а от слова, которому должна соответствовать жизнь, пока отступлениями от подлинного смысла этого слова будем объяснять себе и миру наши беды и неразрешимые проблемы, до тех пор не будет на нашей земле ни достатка, ни душевного здоровья, до тех пор руководить нами будут специалисты по идеологическому языкознанию, обсуждающие свои профессиональные проблемы за закрытыми дверями.

Если мы решили двинуться от ненормальной жизни к нормальной, а она по ходу дела стала еще ненормальнее, то это не потому, что не выяснили толком, каким словом обозначить цель движения, а потому, что до этого слишком далеко отклонились от нормы, слишком долго болели и не можем сразу зашагать твердо и уверенно. Но если, вместо того чтобы двигаться, снова начнем выяснять, куда идем и зачем, то уж точно никуда не придем или, точнее, снова придем в никуда. Я очень боюсь новых идеологических сделок, обманов и самообманов, когда люди из самых благих побуждений начинают откупаться от профессионалов ритуального языкознания, заверяя их, что все, что ни делается в ходе перестройки,— это не отступление от социализма, а, наоборот, приближение к нему.

Интересно все же: на кого это рассчитано? На тех, кто не знает, что современный рынок (товаров, труда, капиталов), равно как и современная представительная демократия, сложился в обществе, которое принято называть капиталистическим? Но зачем же пользоваться неосведомленностью сограждан и очередной раз вводить их в заблуждение, внушая, будто больше рынка и больше демократии — это «больше социализма»? Не проще ли, не надежнее ли взывать не к их иллюзиям, не к тем мифам и словесным фетишам, которые сохранились до сих пор в их головах, а к их здравому смыслу? Не проще ли объяснить им, что раз мы отстали от Запада, раз там

лучше и товары, и машины, которые помогают эти товары производить, и отношение к труду, и жизнь вообще, то это благодаря тому, что там есть такие вещи, как рынок и демократия, которых у нас нет, и что пересадить их в нашу почву — это значит пересадить **тамошние** растения? Не проще ли объяснить, что главная забота и главная трудность наши не в том вовсе, чтобы определить, куда надо и куда не надо ходить, а в том, чтобы приспособить эти растения к нашим условиям, вырастить их, не дать зачахнуть и — в то же время — не допустить, чтобы они заглушили, задавили все то самобытное и самоценное, что дорого в себе каждому из наших народов?

Пора бы уж понять нам всем, что никаким, даже самым «принципиальным» ответом на вопрос «куда?» нельзя заменить ответ на вопрос «как?». И нет, поверьте, во всех этих рассуждениях никакой крамолы, и если кто-то все же сомневается, если он здравому смыслу по инерции не доверяет, а верит лишь священным текстам, то попробую учесть и это, спрятавшись за Ленина. После того, как рухнули идеология и политика военного коммунизма, Ленин, объявив о переходе к нэпу, то есть к использованию рыночных механизмов хозяйствования, не стал изыскивать хитроумные доводы, способные убедить людей, будто рынок — это «больше коммунизма». Нет, он сказал то, что было на самом деле, что речь идет о заимствовании элементов капитализма и что «России нэповской», хотя и предстоит стать «Россией социалистической», но пока она всего лишь госкапиталистическая.

Почему же по отношению к военному коммунизму второго (сталинского) издания все должно быть иначе? Почему рыночные механизмы, подсоединяемые к этой системе, должны дать «больше социализма»? Я знаю только один ответ на этот вопрос: похоже, мы до сих пор пребываем под сталинским идеологическим гипнозом и в глубине души считаем, что в чем-то очень и очень важном находимся впереди всех, а потому любая пересадка сюда элементов капитализма кажется нам возвращением назад.

К тому же есть люди, которые специализируются на том, что извлекают эту старую веру из душевных глубин и облачают ее в респектабельный научный костюм. Они пытаются представить дело таким образом, будто некие злоумышленники хотят пересадить к нам капитализм времен свободной конкуренции или, во всяком случае, индустриальной, а не современной научно-технической эпохи. Возможно, такие злоумышленники — не просто изобретение их оппонентов, ищущих идейного противника, на фоне которого легче демонстрировать свою оригинальность. И потому спешу оговориться: нам не нужен капитализм индустриальной эры, поскольку в эту эру мы худо-бедно давно вошли, причем достаточно самобытно, а рынок и другие капиталистические регуляторы понадобились нам потому, что мы не можем с помощью прежних средств и методов прорваться в цивилизацию **после**индустриальную. Надо ли разъяснять, что для этого нам вовсе не обязательно возвращаться к историческим рубежам, которые мировой капитализм давно миновал?

Нет, давайте лучше наберемся смелости и достоинства и признаем без всяких оговорок, что США, Япония и другие большие и малые развитые капиталистические страны находятся впереди нас и что наши ракеты и космические корабли не делают нас равными тем, у кого они есть, и не ставят выше тех, у кого их нет. У этих стран — свои проблемы и беды, но они — совсем другого уровня, чем наши. Вполне возможно, что их общественное устройство тоже не вечно, что социалистической идее суждено там когда-нибудь стать реальностью. А раз так, то не исключен социализм и у нас. Но если мы считаем, что он должен быть выше и чище не только сталинского тоталитаризма, но и современного капитализма, то нам для начала предстоит хотя бы сравняться с этим капитализмом. А для этого, в свою очередь, нужно органично вплести лучшее, что в нем есть, в ткань нашей хозяйственной и общественно-политической жизни. И не стесняться называть вещи своими именами. И отказаться от обожествления слов, будь то «социализм» или еще одно, о котором разговор особый.

ЧТО МОЖЕТ И НЕ МОЖЕТ ПАРТИЯ

Каких-нибудь полтора года назад о нашем будущем нельзя было сказать ничего определенного. Потому что мир не имел никакого понятия о том, как происходит переход к рыночной экономике и демократии от тоталитарной системы, которая только потому завоевала право на жизнь, что лишила жизни рынок и демократию. Теперь мы можем рассуждать о том, что нас ждет, определеннее и увереннее. Потому что прямо на наших глазах произошли грандиозные, эпохальные события в странах Восточной Европы. Мы еще не осознали толком, что 1989 год, уйдя от нас в прошлое, вошел в мировую историю как один из величайших, обогатив ее опытом бескровных (хотя, к сожалению, и не только) народных революций, в считанные мгновения сбросивших тоталитарные режимы, а также опытом уникальных реформ.

Конечно, он не открыл тайну нашего будущего, а только приоткрыл ее. Во-первых, страны Восточной Европы хотя и похожи на нас, но все же кое-чем и отличаются. Во-вторых, переход к современной рыночной экономике ни в одной из них еще не произошел, и потому тут итожащая точка пока неуместна, тут больше подходит многоточие в сочетании с вопросительным знаком.

Но кое-что (и весьма существенное) можно сказать определенно. Можно сказать определенно, что если партийная монополия на политическую власть пытается сохранить себя, насильственно удерживая общество от экономических и политических реформ, то правящие партии могут оказаться поверженными в течение нескольких дней без сколько-нибудь убедительных шансов на скорое возрождение. Но и в том случае, когда монопольно правящая партия сама начинает реформы, как в Венгрии и Польше, она не в силах завершить их, не поделившись ответственностью (а значит, и властью) с другими политическими силами, не сделав — ради предотвращения взрыва и собственного самосохранения — решительных шагов в сторону многопартийности. Понятно, что при этом ей приходится забывать прежний мифологический язык, расставаться с претензиями на божественную непогрешимость и исключительность, проистекающую из посвященности в сокровенный смысл «единственно верного и всепобеждающего учения». Ей приходится отказываться от обожествления слова «партия» точно так же, как и слова «социализм», которые раньше произносились не иначе как со священным трепетом.

Наш Съезд народных депутатов показал, что уроки соседей еще не всем пошли впрок, что не перевелись люди, которым одно лишь упоминание о шестой статье Конституции кажется кощунственным. Что ж, их время уходит быстрее, чем они это способны понять, но будем надеяться, что их непонимание уже ничего не остановит.

Сегодня уже вполне ясно, что может и что не может сделать единовластная партия, самопревращаясь из монополиста-консерватора в монополиста-реформатора. Она может начать перестройку: кроме нее, начинать некому, так как других сил нет, они подавлены, но завершить ее, удерживая полновластие, она не в состоянии, и почетный титул «инициатора перестройки» не дает ей никаких оснований для сохранения монополии. Говоря иначе, в одиночку она — в лучшем случае — может обеспечить лишь спуск общества с «зияющих высот» тоталитаризма (воспользуюсь этим образом нашего философа-эмигранта Александра Зиновьева), спуск к той исторической точке, от которой начинается подъем к демократии в экономике, политике и духовной культуре.

Да, перестройка — это подъем лишь во-вторых, а во-первых — либо обвал, либо медленный спуск. Если не забывать, что обвал может произойти не только как в Праге, но и как в Бухаресте, то спуск все же предпочтительнее. Он позволяет постепенно разжимать обручи, сковывающие волю и энергию общества, дать возможность возникнуть и укрепиться в нем новым экономическим силам и политическим организациям, готовым принять на себя хозяйственную и политическую ответственность. Подготовить партнеров и оппонентов, способных сменить партаппаратную монополию, или по крайней мере не мешать им свободно развиваться — в этом и заключается реформаторская миссия монополиста. Не только отказаться от самообожествления, но позаботиться о своей самоликвидации как недемократической, стоящей над обществом и государством силы — вот единственный способ искупить свою вину за грехи прошлого. Если же общество на Съезде своих представителей начинает требовать отказа от конституционно закрепленной «руководящей роли», то это значит, что партия со своей миссией монопольного реформатора не справляется, что ее воспринимают не как двигатель, а как тормоз перемен, что ей не удается обеспечить плавный, безболезненный и организованный спуск с «зияющих высот».

Поляки и венгры показали, что в принципе такое возможно. Мы идем по тому же пути, но пока еще не подтвердили, что такое возможно везде. Мы тоже начали спуск. Но похоже, что мы на нем застреваем: я уже говорил, что создание рядом с партаппаратом новых органов власти в интересах этого аппарата искусственно замедлено. Но останавливать на наклонной плоскости триста миллионов уставших от несвободы людей — значит рисковать очень многим, если не всем. Люди начинают нервничать, те, кто поувереннее и порешительнее, бросаются вперед, обгоняя остановившихся или топчущихся на месте, другие, наоборот, в смятении поворачивают назад, в разных точках начинается давка, грозящая превратиться во всеобщую кучу малу. Очень не хотелось бы, чтобы мы в очередной раз продемонстрировали свою уникальность, соединив спуск и обвал в кошмар обвала во время спуска.

Нам, конечно, труднее, чем венграм и полякам. По крайней мере двух наших проблем они не знают. А это проблемы основополагающие, фундаментальные, затрагивающие первичные потребности и ценности людей.

Первая проблема — продовольственная. Ни в Венгрии, ни в Польше сельское хозяйство не вросло так глубоко в административно-командную систему, или, что то же самое, управление им не срослось так прочно с партийно-государственным аппаратом. Поэтому так отчаянно сопротивляется, так ожесточается весь аппарат, когда заходит речь о том, чтобы разрешить крестьянину свободно хозяйствовать на своей земле. Наблюдая за ходом Съезда, мы видели, как это происходит, слышали аргументы и могли лишний раз убедиться, что единственным оружием аппарата по-прежнему остается неправда. Мы могли убедиться, что защита права выхода крестьян из колхозов со своими наделами ради самостоятельного хозяйствования воспринимается не иначе как призыв к ликвидации колхозов, а права на некабальную аренду — как проповедь насильственной арендизации, или, что то же самое, «коллективизации наоборот». И пока идет это выяснение отношений, пока вновь и вновь отодвигается принятие Закона о земле, который еще неизвестно каким будет, в выигрыше оказываются наиболее консервативные круги аппарата. Не только потому, что это уступка им, а уступка добавляет уверенности в своих силах (слабому не уступают), но и потому, что каждая такая уступка все больше опустошает и без того почти пустые полки наших продовольственных магазинов. А виновными в глазах людей — Съезд это тоже наглядно и убедительно продемонстрировал — окажутся не только аппарат, которому уступают, но и реформаторы, которые уступают. И обвинят их, разумеется, необязательно в уступчивости; многие скажут: вся беда в том, что пошли «не туда».

Дороговизна, галопирующая инфляция во время спуска с «зияющих высот», как было в Польше и Венгрии,— это тяжело, но, похоже, выносимо, если есть что покупать. Голод на спуске — это неизбежный обвал. И потому одно из двух: или руководство монопольно правящей партии найдет в себе силы вывести сельское хозяйство из-под административно-аппаратной опеки, или нам суждено стать свидетелями повторения румынских событий на территории, составляющей шестую часть планеты. Во всяком случае, замечу еще раз: настойчивые попытки многих народных депутатов включить в повестку дня Съезда обсуждение шестой статьи Конституции и поддержка, которую они получили со стороны значительной части отнюдь не радикального депутатского корпуса,— это свидетельство растущего недоверия к реформаторским возможностям монопольной власти. Правда, мало кто отдает себе отчет в том, что отмена этой статьи сама по себе ничего не решает, так как в обществе (я имею в виду страну в целом) не успела сложиться организованная сила типа, скажем, польской «Солидарности», способная перехватить руль, который с таким трудом пытается удержать традиционное руководство.

На пути формирования такой силы — вторая проблема, которая наряду с продовольственной значительно усложняет спуск, то есть высвобождение из тисков монопартийного тоталитаризма. Я имею в виду многонациональный характер страны. Это привело к тому, что демократизация пробудила к жизни множество политических сил, ни одна из которых не действует, однако, в масштабах страны и не готова взять ответственность за ее судьбу. Вместе с тем почти все они — в явной или скрытой оппозиции к той единственной организации, отряды которой пока действуют во всех регионах и которая воспринимается многими как проводник политики «имперского центра». Неудивительно, что некоторые из этих отрядов, подталкиваемые конкуренцией со

стороны новых политических сил и вынужденные считаться с тем, что десятилетиями подавляемое чувство национального достоинства вытеснило все другие чувства, взяли курс на отсоединение от КПСС.

Если не забывать о том, что трещины межнациональных конфликтов образуются не только между республиками, но и внутри республик, если все конфликтующие стороны обращают свои взоры к центру, чтобы выразить свое недовольство, то можно понять, почему так настойчиво проводилась на Съезде столь уязвимая идея надзора за соблюдением параграфов брежневской конституции со стороны особого комитета. За этим стоит признание, что на старой, «имперской» основе межнациональные конфликты неразрешимы, что центр здесь бессилен, что новой, демократической основы до сих пор нет, и центру ничего не остается, как попробовать снять с себя хотя бы часть ответственности, переложив ее на особый буферный орган, состоящий из специалистов разных национальностей.

Разумеется, это решение ничего не решает, как ничего не решает, скажем, переход на региональный хозрасчет. Пока нет экономических рыночных отношений между предприятиями, региональный хозрасчет ничего, кроме гражданской войны цен, ведущейся под руководством местных бюрократий, не даст и дать не может. Это наше возможное ближайшее будущее без труда угадывалось в выступлениях на Съезде представителей сырьевых районов, едва ли не самых бедных и запущенных в стране. Как показывает пример Югославии, в такой войне рынок не создается, а разваливается, и победителей в ней в итоге не оказывается.

Идея регионального хозрасчета не экономическая, а чисто политическая. Точнее, это политическая идея в экономической упаковке. Республики хотят суверенитета, хотят политической свободы, нового союзного договора, но его заключение все откладывается, а региональный хозрасчет — это как бы шаг к политической независимости, своего рода компромисс между центром и республиками, его уступка им при сохранении устоев централистского государства. Но уступки могут в лучшем случае лишь временно уменьшить напряжение проблем и отсрочить принятие принципиальных решений, а не заменить их.

И не надо поэтому удивляться, что народы не удовлетворяются уступками или, что то же самое, своими частичными победами. Не надо возмущаться, если среди них раздаются призывы к выходу из СССР — это обостренно-болезненная реакция на медлительность центра. В том же ряду — решение съезда литовских коммунистов о выходе из КПСС: пока в отношениях между республиками и между ними и центром не восторжествует, воплотившись в четкие юридические формулы, принцип полной добровольности, представители общесоюзной правящей партии в национальных республиках будут чувствовать себя неуютно, так как в глазах многих людей они выглядят проводниками имперской политики.

На второй сессии Верховного Совета один из депутатов очень точно заметил: «Чтобы их (республики) удержать, надо их отпустить». Это так, ибо если некоторые из них и помышляют о том, чтобы уйти, то потому прежде всего, что чувствуют себя пленниками. Их можно удержать, потому что даже самые развитые среди них — я имею в виду производственную культуру — не готовы к конкуренции на мировом рынке. Поговорите со сведущими людьми в Эстонии, Литве, Латвии, где угодно, и если не все, то многие скажут вам уверенно и определенно: хозяйственной, экономической целесообразности выходить из состава «империи» не существует. Условие ее самосохранения поэтому только одно: она должна перестать быть «империей» и стать добровольным союзом суверенных народов, каждый из которых может свободно распоряжаться своей судьбой в соответствии с принципами международного права.

Но раз есть экономическая основа для предотвращения распада страны, для ее сохранения в прежних границах, то, значит, сохраняется и основа для существования и деятельности межнациональных политических движений и организаций, в том числе и партий. Могу легко представить себе, что это соображение придется по душе многим профессионалам ритуального языкознания: вот, мол, и мы тоже за единую и неделимую партию, это единственная объединяющая, интегрирующая сила, другой ведь нет. Другой действительно пока нет, с этим не спорил даже Андрей Дмитриевич Сахаров. Но и та, что есть, не годится. Может ли она стать другой? Это вовсе не исключено, но, чтобы доказать это, надо начинать становиться другой.

Во-первых, надо смириться с тем, что формальное единство национальных подразделений партии удержать нельзя, что они могут лишь воссоединиться на новой, добровольной основе, а для этого они, увы, могут захотеть сначала отмежеваться и утвердиться как независимые республиканские партии.

Во-вторых, нельзя стать другой, искусственно удерживая свою привилегию быть единственной, не предоставляя конституционного права иным, некоммунистическим партиям, возникающим в республиках (а они уже возникли), на тех или иных условиях объединяться в общесоюзные.

В-третьих, придется примириться с тем, что существование нескольких партий означает их борьбу за государственную власть, то есть за реальную возможность проводить свои принципы и программы в жизнь.

В-четвертых, негарантированность власти и стремление получить доверие и поддержку людей не позволят обсуждать коренные вопросы жизни всего общества втайне от этого общества. Иными словами, многопартийность — единственная надежная гарантия демократизации самой компартии.

В-пятых, все сказанное опять-таки невозможно без нового союзного договора, без суверенитета республик.

Съезд народных депутатов еще раз показал, что не так-то легко усваиваются эти азы демократии. Не исключено, что мы столкнемся, в частности, с попытками отредактировать шестую статью таким образом, чтобы вид она приобрела другой, а смысл ее остался прежним. Заявил же с трибуны Съезда один высокопоставленный юрист, что надо убрать из Конституции относящиеся к КПСС слова о «руководящей роли» и о том, что она составляет «ядро» политической системы, оставив за ней право считаться «авангардом». Конечно, оратор был прав, утверждая, что в любом обществе всегда есть политический авангард, и нам не следует в этом отношении выделяться. Но на каком основании право быть им провозглашается монопольным и закрепляется за одной партией?

Нет уж, если КПСС хочет сохранить себя как политическую силу, то она должна сделать все возможное и невозможное, чтобы у нее появились оппоненты и конкуренты, способные взять на себя ответственность за страну. Одной ей не справиться с грузом проблем, порождаемых углубляющимся кризисом в раздираемой межнациональными конфликтами огромной державе. Сделать это, кстати, не так просто, если даже очень захочется: в такой державе с такими конфликтами в один день серьезные оппоненты не возникают. Но теперь мы знаем, что другого спуска с орбиты тоталитаризма на грешную землю попросту не существует. По-другому можно только свалиться.

О ТЕХ, КТО В ОППОЗИЦИИ

Как известно, несколько десятков народных депутатов — членов межрегиональной группы заявили о своем несогласии с большинством Съезда по целому ряду принципиальных вопросов и признали, что тем самым они оказались в оппозиции. С точки зрения политической смелости и определенности, это значительный шаг вперед по сравнению с первым Съездом; двух мнений здесь быть не может. Но это и шаг вперед в развитии нашей политической системы и политического мышления, чего, к сожалению, не поняли (или не могли понять) критики «оппозиционеров».

Да, критики правы, нам нужна консолидация всех сил. Но консолидация — это не «монолитное единство» безответственных и безответных. Консолидация сил отличается от «монолитного единства» тем, что в первом случае такие силы есть, они оформились, определились, отделились от других, а во втором — существует лишь одна сила, подмявшая под себя все остальные. Критика, прозвучавшая в адрес оппозиции, целиком подпадает под второй случай, и это, можно сказать, тяжелый случай. Ну что, казалось бы, крамольного и вредного в том, что люди отмежевываются от мер, предложенных правительством, если они с ними не согласны? Разве не в том проявляется политическая ответственность, чтобы не брать на себя ответственность за то, что считаешь неправильным? Нет, не в том, совсем не в том, если рассуждать по логике «монолитного единства». Потому что в этой логике ты только голосуешь, а не отвечаешь, отвечает же начальство, которое предлагает, но на самом деле не отвечает и оно, так как, прежде чем его предложение стало решением, за него все единодушно проголосовали. Получается, что ты отвечаешь только за то, чтобы поддержать начальство. А если не поддерживаешь, значит... значит, боишься ответственности! Разве не в этом грехе упрекали нашу новорожденную оппозицию?

Но и это еще не все. Ведь если ты не поддерживаешь существующее начальство, если имеешь свое особое мнение и хочешь отвечать только за него, да к тому же не перед начальством, а Бог знает перед кем, значит... значит, ты сам хочешь стать начальством! Значит, ты начал открытую «борьбу за власть», и этот тайный замысел оппозиционеров поспешил раскрыть перед всем миром партийный деятель областного масштаба, которому, надо полагать, его власть досталась без борьбы, то есть исключительно за примерное поведение.

Да, по уровню и качеству своего мышления критики принадлежат уходящей эпохе. Им, похоже, неведомо, что демократия — это, помимо прочего, разделение властей, и если среди законодателей находятся люди, готовые отделить себя от правительства, с которым не согласны, и тем самым разорвать порочный круг всеобщей безответственности, то это не плохо, а хорошо, так как это еще один шаг в сторону нового мышления и поведения. Критикам неведомо, что при демократии «борьба за власть» — это норма, а не аномалия, и чем больше людей и политических сил готовы взять на себя ответственность за судьбы страны, тем лучше для самой страны; это значит, что у нее есть выбор.

Увы, наша оппозиция не выступила как сила, претендующая на власть: для этого она слишком слаба. Она опирается в своей критике на массовые антибюрократические, антиаппаратные настроения, а не на какие-то политические структуры, институты и организации. Чтобы стать действительно межрегиональной силой (а такая сила в обстановке усиливающегося распада очень и очень нужна), ей предстоит превратить сумму общих радикальных идей и принципов в детальные программы, касающиеся и экономики, и политики, и идеологии. Ей предстоит найти ту основу, на которой межрегиональная группа могла бы стать ядром межнациональной массовой демократической организации, быть может, альтернативной КПСС. Ей предстоит, наконец, выдвинуть из своей среды общепризнанного лидера, которому доверяли бы и поборники экономической свободы и эффективности, и те, кто недоволен бюрократией в первую очередь потому, что она попирает принципы равенства и социальной справедливости.

Убежден: самой компартии такая организация не помешает, как не помешала польской компартии «Солидарность», а, наоборот, помогла сохраниться ей как реальной политической силе, подтолкнула к глубокой внутренней перестройке. Но убежден и в том, что нашей оппозиции до всего этого пока далеко. И потому правящая группа серьезной конкуренции слева может пока не опасаться. Другое дело, выгодно ли это самой правящей группе, по плечу ли ей груз ответственности, которую не с кем разделить.

А кризис между тем пока не остановлен. Если судить по опыту других соцстран, то многие серьезные экономические трудности у нас не позади, а впереди. Властям еще не раз придется прибегать к непопулярным мерам. А осуществление непопулярных мер население может доверить лишь популярному правительству. В Польше «команда» Мазовецкого сегодня пошла гораздо дальше по пути реформ, затрагивающих, причем весьма существенно, жизненный уровень миллионов людей, чем намеревалось предыдущее правительство два года назад. Но тогда поляки высказались против. Сейчас они готовы потерпеть, хотя, разумеется их терпение не беспредельно, это мы видим уже сейчас.

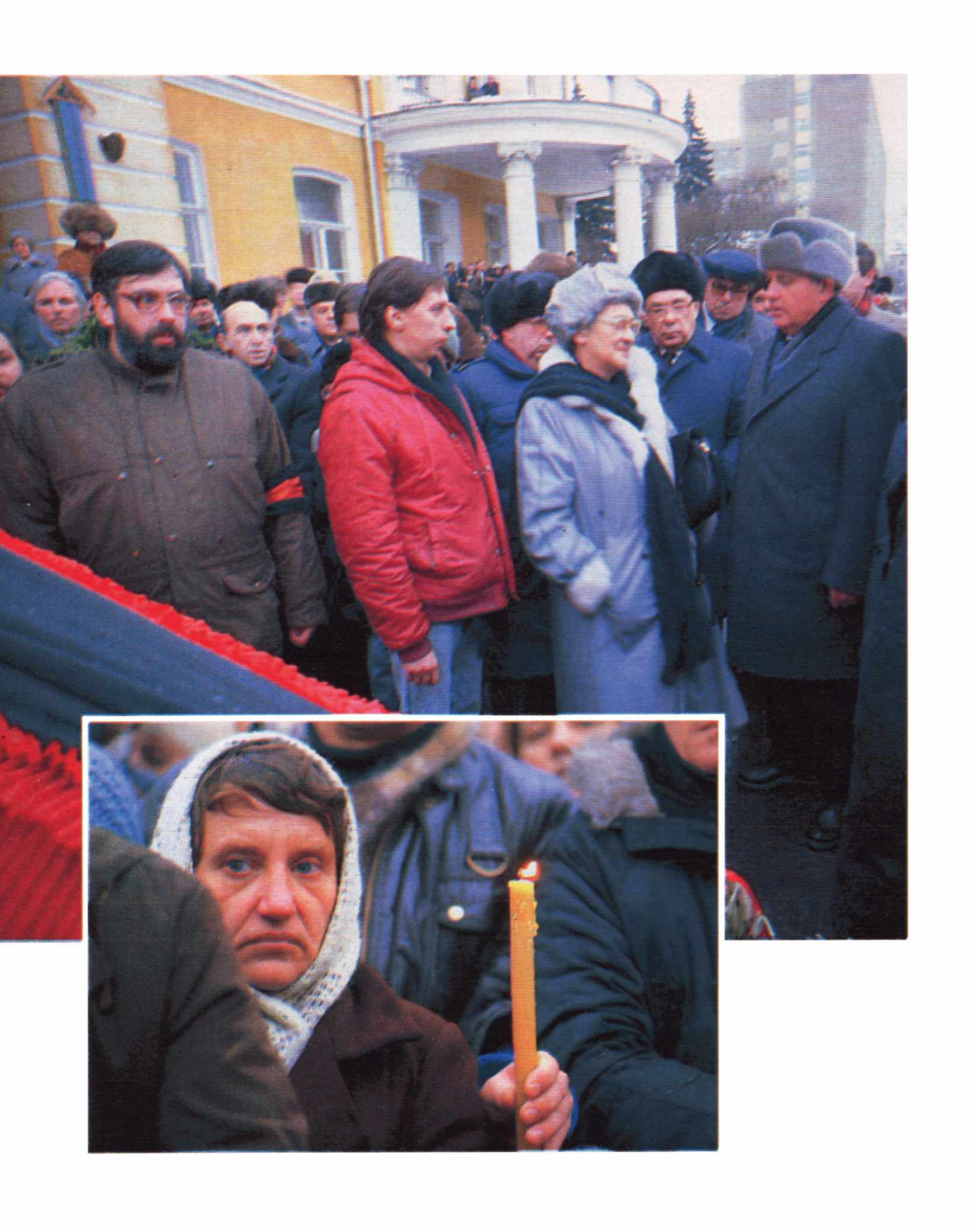
Да, доверие к власти — это сегодня для нас вопрос вопросов, проблема проблем. И потому, быть может, стоит прислушаться к все настойчивее звучащим предложениям о введении поста президента, избираемого всем населением страны? Если эту идею выдвигают такие разные политические деятели, как председатель Комитета конституционного надзора Сергей Алексеев и один из лидеров межрегиональной группы, Борис Ельцин, то, быть может, идея эта, вернее, ее реализация, и способна стать исходным пунктом той консолидации, которой все хотят, но от которой мы, похоже, уходим все дальше? Быть может, груз сегодняшних проблем таков, что поднять его в состоянии лишь власть, пользующаяся безграничным доверием большинства народа и — что особенно важно — не зависимая ни от кого, кроме народа?

СОРОК ДНЕЙ

Со святыми упокой,
Христе,
душу раба Твоего,
идеже несть болезнь,
ни печаль,
ни воздыхание,
но жизнь бесконечная.

Молитва. Последование
об усопших.

دافغانستان جمهوریت

РЕСПУБЛИКА АФГАНИСТАН

دافغانستان دجمهوري رئيس د ۱۳۶۷/۲/۲۵
نيټي دفرمان له مخې « انترناسيونالست
پوځي ته دافغانستان د منونکو خلکو لخوا »
دمډال داخيستلو وياړلري .

В соответствии с Указом
Президента Республики Афганистан
от 15 мая 1988 г.
награжден медалью
„ВОИНУ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТУ
ОТ БЛАГОДАРНОГО
АФГАНСКОГО НАРОДА“

دکورنۍ نوم
Фамилия Сахаров / Голованов

نوم
Имя Андрей / Игорь

دپلار نوم
Отчество Дмитриевич / Сергеевич

نمبر
№ 240

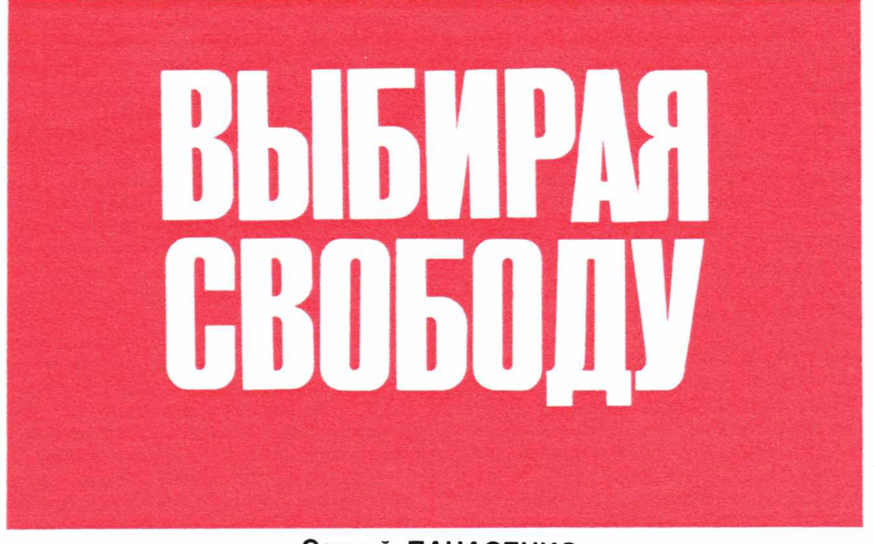
تاریخ
Дата 5 ноября / 27 декабря

Андрей Дмитриевич! Видимо, Всевышнему уже не терпелось быть с Вами, и, наверное, ему надоело слышать и видеть наши глупости и дурости, и потому Он призвал Вас к Себе.
Эта медаль — поистине Ваша награда. Вы спасли не только наших ребят, но и афганский народ от бессмысленных и кровавых потерь. Все эти сегодняшние «прости» опоздали на 10 лет минимум, и лучшей памятью Вам будут те действия и поступки людей, которые не дадут погаснуть зажженному Вами огню. Пока бьется мое сердце, я буду каждой клеткой следовать Вашим путем, даже если он проляжет дальше города Горького.
Прозревший благодаря Вам
Игорь ГОЛОВАНОВ,
Москва

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

Некоторые порою требуют вместо колхозов и совхозов создать мелкие крестьянские хозяйства. Иные даже говорят, что надо ввести частную собственность на землю. Я в связи с этим задаю вопрос: что это будет означать для нашего Отечества? Это будет означать ни много ни мало, если смотреть правде в глаза, коренное изменение социальной базы в деревне. Согласитесь, товарищи, что это уже другой общественный строй.

Из выступления члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Е. К. Лигачева на втором Съезде народных депутатов СССР

ВЫБИРАЯ СВОБОДУ

Сергей ПАНАСЕНКО

Философия развития во всей своей широте предполагает исключительно многоцветный спектр разноречивых, порой диаметрально противоположных мнений и суждений по наиболее острым и животрепещущим проблемам государственного переустройства. Многоплановость мышления — наверное, самый точный ориентир, по которому способно продвигаться вперед демократическое общество. Ниже публикуемая в порядке дискуссии статья, возможно, отражает спорную точку зрения, но куда деться от этих проклятых вопросов?

1.

Мой знакомый недавно побывал в командировке в ФРГ. Принимавший его бизнесмен, владелец небольшой, но процветающей фирмы, напоследок устроил гостю автомобильную прогулку по Южной Германии. Все шло чудесно, пока в какой-то момент он не сказал моему знакомому буквально следующее:

— Видите, дорожная разметка из белой стала желтой? Это мы уже в Австрии.

— Как, в Австрии? — вполне естественно всполошился гость.— А если нас остановят? Что я должен говорить?

— Вот еще! — не менее естественно парировал хозяин.— Кто это нас может остановить? Я свободный человек в свободной стране, и никто нас не остановит!..

Так и вышло. Они выпили пива в ресторанчике с видом на Альпы и беспрепятственно вернулись в ФРГ.

Что русскому здорово, то немцу смерть?

Свобода и несвобода. Сколько бумаги исписано, сколько слов употреблено, чтобы дать исчерпывающее их определение! И все время получалось разное. Свобода — результат внутреннего самосовершенствования — так же мало похожа на свободу, выводимую из классовой борьбы, как выращивание цветов на их срезание. Но речь о другом. Речь о двух способах существования, двух мироощущениях. Мне не нравится, когда наше выглядит согбенным, до одури пропитанным ощущением виноватости, уязвимости и, как говорит Салтыков-Щедрин, «готовности претерпеть».

Станем ли мы однажды свободными людьми? Или — как кучерявые волосы негра не распрямляются никакими средствами — не распрямиться и нам, генетически обреченным, во веки вечные?

Исторический обзор мало что прибавляет к пониманию предмета. Муза истории Клио столько лжесвидетельствовала за истекшие десятилетия, что сама, видно, перестала разбирать, где белое, где черное, где свои, а где чужие. Можно, конечно, доказывать, что Лермонтов не писал знаменитое «страна рабов, страна господ...» — будто если это сочинил Петров или Сидоров, так сразу ни господ, ни рабов! Можно, блистая взором, перебирать этносы и народы на пришлые и коренные, на большие и малые и в кознях одних искать истоки бед других... Но только вот куда ни загляни — не было в истории народов России ни дня, когда бы жили они вполне по меркам тех, наших свобод: непременно с изъяном, с исключениями. И это факт. Был прогресс, конечно, было движение, и Россия в 1914 году ближе к парламентской Англии, чем полувеком прежде. Но стойких навыков свободы, привычки к свободе Россия, увы, своим жителям дать не успела.

О годах 20-х, 30-х и последующих в этом плане и говорить излишне. Ноль народовластия, ноль свободы слова, совести и прочего,— даже не ноль, а отрицательная величина, потому что их не просто выморили, а под их маркой завели нечто диаметрально противоположное. Не просто разгромить собор, но еще и лошадей туда на постой ввести или зеков там стрелять. Не просто заткнуть рты газетам, но заставить их радоваться удушению, славить его. Умирающему от жажды народу сунули губку с жгучим уксусом — и последние воспоминания о чистой воде угасли в нем.

«Возможна ли такая история, которой содержанием был бы непрерывный, бесконечный испуг?» — вопрошал Салтыков-Щедрин. Он-то полагал, что нет. А у нас выросло одно, другое, уже третье поколение, жизнь и история которых заключились между страхом и испугом. Страшно за себя и за близких, страшно остаться без талона на ситец, страшно рассердить начальство, страшно возразить, но смолчать иногда еще страшнее, страшно попасться на глаза, вообще попасться... Не до свобод, не до демократии: выжить, уцелеть физически становится целью, и тут чем меньше о себе заявляешь, тем лучше.

Так было еще до совсем недавних пор. Что изменилось? Положа руку на сердце — по преимуществу лексика. О свободах теперь говорят много, говорят, простите за каламбур, свободно, красиво и в общем-то правильно. Может, говорить о свободе — это и есть свобода? Только, кажется, настоящий свободный человек — это который даже не замечает, что свободен. Но пока разговоры создают ощущение пьянящее. Ладно, сегодняшние наши лидеры страны — за свободу. А какие появятся завтра? Свернуть толковище у входа в «Московские новости» дня хватит. И кончен бал?

Восторженные столичные интеллигенты, воодушевленные обилием публикаций «закрытых» авторов, верят, что «народ не допустит». Почему не допустит? Потому что стало лучше... Чем? Тем, что Солженицына печатаем? Оно, положим, слава богу, что печатаем, но ведь вот одну мою знакомую журналистку в забое шахтеры обступили — сейчас, не сорок лет назад, и давай шуметь: кончайте вы там, в Москве, этот бардак с гласностью, нам порядок нужен, твердая рука... Они, между прочим, бастовать собирались. «Вас же первых тогда твердая рука р-раз — и в пыль!» — говорит им журналистка. «Не,— отвечают они,— Сталин, он был за простых людей, за рабочих, он бы понял, что мы ради дела...»

Такая вот тяга к свободе и демократии наблюдается.

Семьдесят лет отрицательной селекции сделали-таки свое черное дело: выработали генетически устойчивый образец характера. Он не знает свободы, никогда не видел ее, но боится ее и ненавидит. И именно это, помноженное на «зияющие пустоты» прилавков, способно сломать хребет перестройке, если только отыщется дирижер и лидер «народного гнева».

Это ответ на вопрос об обратимости происходящих в стране перемен.

Словами, да еще в считанные годы, эту мутацию не одолеть. Сорок лет водил библейский Моисей свой народ по Синайской пустыне, ожидая, пока умрет последний рожденный в рабстве (в том числе и Моисей, о чем иногда забывают). Но сорока лет у страны нет. Свободное общество, защищенное от тоталитаризма, нужно нам завтра. И это не вопрос чистого соблюдения всеобщих прав человека, как некоторые полагают.

Американские беллетристы нет-нет да и пощекочут нервы читающей публике романом о военном диктаторском перевороте в США. Диктаторов там непременно толкает кто-нибудь из большого бизнеса. Авторам кажется, что этот самый большой бизнес настолько глуп, что не понимает: подавление гражданских прав и свобод ему, бизнесу, как раз крайне невыгодно! Только предельная открытость общества создает наилучшие условия для проявления и роста талантов, в том числе в науке и технике. Без них, без их постоянного, вольного, широкого притока замедлится технический прогресс, и народное хозяйство, тот же большой бизнес только пострадают.

Преимущества своей экономики, ее поражающую способность собирать в короткие сроки огромные силы на решение тех или иных научно-технических задач — и добиваться успеха! — США демонстрировали не раз. В 1961 году, после полета Гагарина, президент Кеннеди объявил высадку на Луне национальной задачей № 1. Эта фантастическая по сложности цель была достигнута всего восемь лет спустя! И подобных примеров можно приводить очень много.

Из двух одинаково экономически развитых (а точнее, неразвитых) стран больших успехов обычно добивается та, которая развивается более демократическим, более свободным путем: в этом можно удостовериться в разных точках планеты. Демократия и процветание, как правило, идут рука об руку. И об этом следует помнить тем, кто считает свободу слова выдумкой кучки заевшихся литераторов.

Сказанное вовсе не означает, что экономика — производная от демократии. Я не принадлежу к тем, кто видит спасение страны в организации самых-самых демократических выборов. В конце концов процедура выборов не самоцель. «Кого выберем?» — вот вопрос. Настроения же пока в обществе таковы, что демократические выборы, как это ни парадоксально звучит, могут привести к формированию антидемократических органов власти. И тогда даже чудо не спасет нас от экономического кризиса почище теперешнего.

Упиваясь борьбой с министрами, мы как-то упустили из виду, что только внутри самих себя демократические институты никогда не смогут найти исчерпывающих гарантий своего существования. Нужны гарантии внешние, а их смогут обеспечить только экономические преобразования. Только немедленное заложение основ такой экономики, для которой свобода и демократия нужны как воздух, поставит точку в опасениях и спорах о том, что же мы, в сущности, сейчас имеем: весну или оттепель?

Демократия — залог экономического роста. Но лишь экономика создает благоприятную (или враждебную) почву для развития демократических институтов. «Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений»,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Критика новейшей немецкой философии...», а в «Нищете философии» Марксом этот тезис выражен еще яснее: «...во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требования экономических отношений».

2.

Мир видел немало стран, чьи правящие режимы были далеки от самых упрощенных представлений о демократии и свободе. Силой или обманом они узурпировали власть, ссылали, расстреливали, а в иных случаях даже съедали толику сограждан и утверждали собственную диктатуру. Но нет ничего вечного под Луной. Самые долго живущие диктаторы и «отцы народа» раньше или позже отправлялись туда, откуда нет возврата, и перед их наследниками неизменно вставала проблема: а что дальше?

Редкие из этих лидеров оказывались достаточно умны и прозорливы, чтобы,

подобно генералиссимусу Франко, передать потомкам страну в достаточно приличном состоянии. Большинство за годы или десятилетия властвования экономику разваливали довольно заметно.

Что касается гуманитарных свобод, то тут исключений не было: во всех деспотиях они были значительно ограничены или напрочь исключены.

Однако вот что любопытно. Когда наступал срок перемен, одни страны легко и быстро возвращались к экономической стабильности и демократии. Так произошло в Греции после «черных полковников». Так было во многих латиноамериканских (последний пример — Аргентина) и африканских странах. Даже после самой чудовищной в истории человечества — не считая сталинской — фашистской диктатуры в Германии эта разбомбленная и опустошенная страна всего за несколько лет вернулась к демократии, а следом и к экономическому процветанию, удивив земной шар «немецким чудом».

Но есть страны, где возврат к демократии буксует, а экономика более напоминает свалившуюся без сил лошадь, которую возница пытается поднять, дергая за узду. Возьмем СССР, где XX съезд КПСС, который, казалось бы, означал расчет со сталинским прошлым, состоялся больше 30 лет назад. Конечно, 1989 год не 1949-й, и тех жутких репрессий нет, но нет до сих пор и победы демократии. Мы все еще толкуем о «демократизации», то есть о поступательном процессе, о движении к пока отдаленной цели и о «гласности». Далем определяемой как «известность, оглашение, огласка», то есть пока только о свободе слышать и свидетельствовать, но не вмешиваться. Но даже и этот процесс гласности идет тяжело, сталкивается с противодействием.

О состоянии экономики говорить излишне. Оно общеизвестно, причем, по признанию академика Л. Абалкина, «остановить нарастание негативных процессов пока не удалось». Иными словами, вырвать народное хозяйство из той пучины, куда его окунули предыдущие правители, не получается.

И без всестороннего, тщательного изучения происходящего (такое изучение необходимо, но выходит за рамки моего небольшого исследования) понятно, что есть, следовательно, некая общая причина, которая одни постдиктаторские страны, как пробка, выносит на поверхность и отсутствие которой другие такие же страны обрекает на неподвижность. Говоря языком физики, одни диктаторские режимы пребывают в состоянии неустойчивого равновесия, поддерживаемого только силой. Устранение ее вызывает почти мгновенное возвращение в семью демократических народов. Другие же в диктатуре находятся как раз в равновесии устойчивом, и если даже ценой усилий такую страну из состояния диктатуры вырвать — она, как мяч, положенный на возвышенность, норовит скатиться обратно.

Что же отличает первых от вторых? Иногда отвечают: исторические и культурные традиции. Они, конечно, имеют вес. Но если рассматривать эти традиции как непреодолимые, как проявление той самой «генетической обреченности», о которой я вскользь упомянул прежде, то мы вступаем в область отвратительной теории о наличии народов, не умеющих в принципе подняться выше рабства. Однако в реальности народов-рабов не существует: есть лишь рабская психология, прививаемая, внушаемая представителями всех наций и народностей. К тому же границы понятий «народ» и «государство» сплошь и рядом не совпадают, хотя их усиленно смешивают. Народ, который в одном государстве, под одной властью ведет себя по-рабски, попав в иное, зачастую соседнее государство, проявляет вдруг совершенно отличные качества.

Надо также помнить, что любая культурная и историческая «традиция» когда-нибудь же была новинкой, диковиной, заимствованной у соседей или гостей наиболее переимчивыми личностями, и прочими соплеменниками, вероятнее всего, встреченной угрюмо. Нельзя забывать, что то, что нам сегодня представляется освященной веками замшелой традицией, с точки зрения тысячелетней истории, не более чем сомнительное нововведение. И ее реальное воздействие на положение дел может быть куда скромнее, чем мы по невежеству воображаем.

Нет, культурно-исторические традиции для объяснения описанного феномена подходят мало. К тому же, как уже было сказано, корни явлений политической жизни плодотворнее искать не внутри ее самой, а в жизни экономической. Следовательно, вопрос имеет смысл сформулировать иначе: что в экономической сфере отличает первые, «неустойчиво-диктатурные» страны от вторых, «устойчиво-диктатурных»?

И, если отбросить тонкости и несущественные расхождения, ответ будет четким: формы собственности. Скажу об одной из них, которую мы, если и упоминаем, то поносся.

Имею в виду частную собственность, которую мы с детства приучены предавать анафеме в первую очередь за то, что она порождает эксплуатацию человека человеком и прочие ужасы. Правда, как свидетельствует история нашей страны, отсутствие частной собственности вовсе не избавляет нас от эксплуатации, теперь со стороны государственного Молоха. Дело, однако, не в этом. Частная собственность действительно предполагает существование ситуации, когда один человек работает на другого. Всегда ли надо эту ситуацию драматизировать — это еще надо выяснять. Но наши политэкономы то ли забыли, то ли предпочли не замечать, что частная собственность, как любое явление общественной жизни, имеет две стороны. И вот о второй-то, незаслуженно обойденной, надо вспомнить.

Что такое «частная собственность»? Это принадлежащее мне целиком или частично «дело» — земля, лавка, банк, фабрика, железная дорога, кинотеатр и прочее,— приносящее мне некоторый доход. Я обхожу сознательно сейчас вопрос о том, как появляется этот доход, о том, хватает ли его мне на жизнь и покрывает ли он мои расходы по содержанию «дела». Все это — тема иного разговора. Главное же, что в основе этого — мое дело и мой доход. И до той поры, пока они остаются моими, никто во Вселенной не вправе, а точнее, не в состоянии со мной ничего сделать. Не лишив меня моей частной собственности, то есть не ограбив меня, никто не сможет лишить меня средств к существованию. И никто не вправе указывать мне, как мне распоряжаться получаемым доходом.

При таких условиях главной заботой собственника оказывается прибыльность его дела. И если он имеет от последнего достаточно средств для жизни, то после уплаты соответствующих налогов становится полностью вольным в своих поступках. Он не страшится голодной смерти и не страшится остаться без крыши над головой, поскольку пищу и дома производят такие же, как он, частные собственники, которые также радеют о прибыльности своих «дел». И до той поры, пока ему есть на что покупать провизию и кров, ему обеспечено и то, и другое. Он не страшится потерять здоровье без квалифицированной медицинской помощи, поскольку всегда к его услугам частные клиники. Он, наконец, не страшится высказывать свои суждения по любому поводу именно потому, что не страшится всего предыдущего.

Конечно, общество имущественно расслаивается, это рождает свои проблемы, но давайте же поспорим и о них!

Мне кажется, что децентрализованная по своей природе, рассредоточенная по массе владельцев частная собственность дает больше возможностей устроиться и не-собственнику. Конечно, он уже не так независим, он должен учитывать требования работодателя, но мир велик, работодателей много, и если кто-то из них не любит брюнетов, то обязательно отыщется такой, который не любит блондинов.

Так и получается, по-моему, что свобода политическая есть обратная сторона свободы экономической. Следовательно, при ней сохраняется и тот зародыш, из которого в любой момент может наново выстрелить к солнцу росток демократии.

Диктатура может сколь угодно сильно сжать пружину общества и как угодно долго держать ее. Частная собственность, обеспечивающая индивидууму существование независимо от его личного отношения к правящему режиму (я не беру, конечно, случай открытой или подпольной борьбы: тут никакая частная собственность не защитит), оказывается той внутренней силой, которая распрямляет пружины, когда внешнюю силу снимают.

Я не идеализирую институт частной собственности. И грязи, и крови на его стенах предостаточно. Я говорю лишь о той потенции, что скрыта в самом факте его существования, о тех возможностях, которые он — усредненно — предоставляет человечеству.

Еще раз обратимся к опыту нацистской Германии. Как говорят историки того периода, Гитлер писал, что не намерен национализировать промышленность, поскольку предпочитает национализировать сознание людей. На мой взгляд, это была утопия. Сознание экономически независимых от режима людей стократ сложнее поддавалось «национализации», чем зависимых по всем статьям. Здесь, к слову, объяснение того, почему во все времена чиновники — государственные служащие — перестраиваются и переделываются быстрее остальных граждан: они теснее остальных сознают свою связь и свою зависимость от государства. Так вот, в нацистской Германии при наличии гестапо и концлагерей прусские бароны, сидя в своих родовых поместьях и не получая корм из рук фюрера, могли через губу цедить презрительные замечания в его адрес. И «заговору генералов», казалось бы, откуда взяться в насквозь тоталитарном третьем рейхе, а, однако, тряхнул, хоть и неудачно, бункер бомбой. Наши тухачевские и блюхеры тоже ведь знали о свойствах динамита, но пол из-под них был давно выбит, вся страна гнула спину на земле и фабриках одного фараона, и не потому ли самые отважные из них пускали пули в свой лоб, а не в лоб Сталина?

Объявив беспощадную войну частной собственности как величайшему злу, порождающему нищету и роскошь, несправедливость и унижения, революционеры преследовали две цели. Одна — создание нового, идеального экономического порядка. Первым шагом, первой фазой этого должно было стать общество, где «все граждане превращаются... в служащих по найму у государства... Все граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката» (В. И. Ленин. «Государство и революция»). Иногда приходится сталкиваться с высказываниями, что тотальная национализация всего, от земли до банков, проведенная в первые годы Советской власти, была искажением основных идей классиков. Однако Сталин нисколько не грешил против истины, когда в 1929 году в работе «К вопросам аграрной политики в СССР» писал: «Проводя национализацию земли, мы исходили, между прочим, из теоретических предпосылок, данных в третьем томе «Капитала», в известной книге Маркса «Теории прибавочной стоимости» и в аграрных трудах Ленина...»

Но была и вторая цель, тоже отчетливо понимаемая: сломить сопротивление «эксплуататорских классов», а также «сентиментальных интеллигентиков» и вообще всех, кто почему-либо не желал вступить на этап, указанный революционерами. Знаменитое замятинское «наш долг заставить их быть счастливыми» не преувеличение. Наличие частной собственности в силу обстоятельств, о которых я уже писал выше, замедляло процесс, отвлекало на уговоры и переговоры, а терпения ждать не было: ведь счастье казалось таким близким...

У Салтыкова-Щедрина сочинители «Устава о благопристойном обывателей в своей жизни поведении» в пункте о свободном доступе властей в жилища споткнулись о возможное наличие в квартире «кассы». Решить им эту задачу не удалось, но если бы они сообразили прекратить существование «касс» — все препятствия отпали бы сами собой.

Конечно, революционеры чувствовали, да и от оппонентов (пока те сохранялись) слышали, что в этом случае возникают определенные затруднения с демократией. Но классическая демократия для них никогда не значила слишком много. «Мы скажем народу,— говорил В. И. Ленин в речи по вопросу об Учредительном собрании,— что его интересы выше интересов демократического учреждения. Не надо идти назад к старым предрассудкам, которые интересы народа подчиняют формальному демократизму». А в январе 1924 года, зачитывая XIII партконференции свой «Доклад об очередных задачах партийного строительства», Сталин не к врагам, а к единомышленникам обратил слова: «... демократия не есть нечто данное для всех времен и условий, ибо бывают моменты, когда нет возможности и смысла проводить ее...». Мы знаем, к чему привело это небрежное «бывают моменты...».

У работников единого «синдиката» отсутствовали экономические гарантии независимости от руководителей «синдиката», и это начало проявляться не только в общественной жизни. Внутрипартийная демократия той поры, когда ничего не боящиеся Плеханов, Мартов и другие могли свободно вести дискуссии, исчезла, о чем с тревогой уже в 1922 году на XI съезде РКП(б) говорил В. Косиор. Но его голос услышан не был.

Какое-то время ожидали, что демократия сама собой вырастет из «учета и контроля». Не выросла. И, поскольку отсутствие демократии и демократических свобод стыдно и невыгодно было признать перед всем миром, избрали иной путь: потемкинских деревень. «Сталинская конституция» 1936 года с ее прямыми, всеобщими, равными и тайными выборами в принципе действительно была исключительно демократичной. Однако реальные выборы, проведенные вскоре, не зря А. Платоновым в записных книжках были названы «всенародной инсценировкой». Но ни помешать, ни сорвать эту инсценировку голодный, бесправный народ, умышленно содержавшийся руководителями «синдиката» в полунищенском состоянии, конечно же, не мог.

Отсутствие экономической независимости делало гораздо более эффективной и операцию промывания мозгов, поскольку человек не мог уклониться от нее под страхом голодной смерти. Впервые в мировой истории государство, взяв в свои руки все средства массовой информации, сумело развернуть беспрецедентную кампанию по оболваниванию сотен миллионов граждан. Насколько эффективной оказалась эта кампания, видно хотя бы по тому, что до сих пор огромные массы людей, стоит им только открыть рот, начинают извергать потоки придуманных еще сталинской пропагандой штампов, пребывая в твердой уверенности, что это — их собственные убеждения, мысли и слова.

К середине пятидесятых годов, со смертью Сталина, режим стал менее кровожадным, но демократических свобод в нем не прибавилось. Нарождавшиеся демократические течения «шестидесятников» искали опору либо

в самих себе, либо в руководителях «синдиката». Капризная добрая воля последних, однако, не могла быть достаточной гарантией необратимости демократических перемен, чему лучшим подтверждением служат зигзаги и шараханья Хрущева. Потому-то так мало сил понадобилось на замену оттепели очередным ледниковым периодом: это был цветок без глубинных экономических корней, цветок, за распусканием и увяданием которого подавляющее большинство советских граждан наблюдало со стороны, как в кино. И их можно было понять: их экономический статус совершенно недвусмысленно подсказывал им — не высовывайся! И вовсе не случайно наиболее активными в деле отстаивания демократических идеалов оказывались представители так называемых творческих профессий: художники, писатели, музыканты. Конечно, происходило это потому, что для них несвобода зачастую была равна невозможности работать (чего, к примеру, нельзя сказать о людях физического труда). Но немалую роль играло и то обстоятельство, что средства к существованию эти люди получали из многих источников, далеко не всегда жестко контролировавшихся государственным аппаратом.

Семидесятые годы отмечены возникновением явления, называемого «диссидентством» или «инакомыслием». Явление это было неоднородным и еще, видимо, ждет своих исследователей, но вот что занятно: во многих случаях первой реакцией на активное «инакомыслие» со стороны властей бывало лишение работы, а в ряде примеров — и прописки, то есть в наших условиях крыши над головой. Это говорит о том, что государство прекрасно понимало, какого рода оружием оно располагает. Я, правда, не знаю случая, когда подобного рода демарши способствовали возвращению «блудной овцы» в стадо, хотя не исключаю, что они были. Брежневская администрация, даже если не бросала своих критиков за решетку, обрушивала на них весь свой тяжелый экономический кулак. Достаточно вспомнить судьбу Александра Галича, у которого внутри страны были отняты все легальные источники получения денег. К счастью, не всегда государство тут добивалось успеха: хрестоматийным стал эпизод с отказом Академии наук СССР изгнать из своих рядов Андрея Сахарова.

Эту ситуацию всеобщей унизительной зависимости от руководителей «синдиката» весьма удачно воспроизвел Эльдар Рязанов в фильме «Гараж», фраза из которого — «в нашем кооперативе все всегда согласны с правлением» — потом повторялась многими людьми на многие лады.

Иногда приходится слышать, что по сравнению с писательской или художнической средой нашей научно-технической интеллигенции жилось не в пример лучше. Толкуют об этом как раз обычно те, кто к этой части интеллигенции не принадлежал. Ничего удивительного: самим ученым, конструкторам, изобретателям отменно известно, как нелегко все годы было «пробить» идею, напечатать нетривиальную статью, внедрить результат в производство. Интересно, вел ли кто-нибудь подсчет, сколько механиков, химиков, физиков было среди сотен тысяч людей, покинувших СССР за последние десятилетия? Я убежден, что гораздо больше, чем художников или литераторов. Безысходность творческая дополнялась безысходностью материальной. Заработки инженера или ученого были приблизительно нивелированы по всей стране и нивелированы на отметке, превращавшей представителей этих профессий в современных Пьеро.

Может показаться, что я слишком далеко отвлекся от исходного тезиса о связи форм собственности и гуманитарных свобод. Отнюдь. Свобода научного творчества, свобода инженерного творчества, хотя таковые и не зафиксированы в документах ООН, объективно существуют. И в безвариантном, безальтернативном обществе они оказываются в такой же опасности, как свобода художественного творчества.

От возможности перейти с завода на завод или из института в институт мало что и редко что менялось. Ведь все заводы и все институты были по-прежнему элементами могучего государства, и порядки на них везде царили более-менее одинаковые. Образно говоря, мы все плыли на одном корабле, и хотя каждый в общем-то волен был бродить по палубе сколько вздумается, но даже если вы шли против хода корабля, в целом-то вы направлялись туда, куда направлялся он. Выбрать другой корабль никто не мог. Только наличие разных форм собственности, то есть флотилии плавсредств калибром от дредноута до утлой джонки, позволяет выбрать судно, плывущее в желаемом вам направлении.

4.

Слова «частная собственность» многих, видимо, способны напугать. Я готов от них отказаться, если кто-либо придумает иную форму собственности, более надежно обеспечивающую полную экономическую независимость человека и его семьи от пресса государства, государственного аппарата, национализированной экономики. Если кто-нибудь изобретет иной, более надежный щит для свободы совести, слова, печати и тому подобного.

Вы никогда не задумывались, почему у большинства высокопоставленных чиновников термины «частная собственность», «реприватизация», «денационализация» вызывают реакцию резко отрицательную? Что, ими движет любовь к народу, которой они не желают отдать на растерзание «акулам капитала»? Но где была эта любовь, когда тот же народ отдавали на растерзание государственным ведомствам? Откуда такая трогательная забота, например, о швеях, работающих по найму в кооперативе, которым без устали повторяют, как их эксплуатируют,— забывая, правда, сказать, что норма прибавочной стоимости на государственных швейных фабриках не отличается от кооперативной?

Взаимоотношения государства с кооперативным сектором вообще очень показательны. Когда кооперация только возникала, с ней связывались надежды исключительно экономического свойства: это-де будет альтернативный сектор экономики, конкурирующий с государственным, вынуждающий госпредприятия веселее поворачиваться. Ждали наполнения рынка (этого не случилось, но разбором причин я сейчас заниматься не буду). И никто из творцов Закона о кооперации не подумал в ту пору (я внимательно слежу за публикациями на кооперативную тему и ничего такого не припомню), что рождается новая политическая сила. Однако это выяснилось довольно быстро, как только первые кооперативы принялись сбиваться в союзы и ассоциации. С особой силой и настойчивостью голоса кооператоров зазвучали во время выборов. И тут-то бюрократия сообразила что к чему.

Ведь ежели кооперация в полном объеме получит все, на что она притязает,— рынок материалов и сырья, рынок рабочей силы, наконец, рынок капиталов,— то появится экономическая сила, которая будет в огромной степени независима от государственного аппарата. Появятся люди, которых, иначе как рэкетом, не запугать. А если, не дай бог, кооперативы займут заметное место, скажем, в легкой индустрии или в мелкосерийном производстве технической продукции? Они ведь станут разговаривать с государством — подумать только! — на равных! Как быть? Чем спастись от нарождающегося третьего сословия?

Да, я глубоко убежден: кооперация — это зарождающееся в недрах нашей экономики третье сословие, буржуазия... Ну вот и новый испуг у читателя. А чего мы так боимся? Слова? Так к словам привыкают. Дела? Но давайте, прежде чем бледнеть и креститься, хладнокровно разберемся, чего больше — убытков или прибыли? — принесет нам это явление.

Кооперация (по крайней мере в части ее) уже есть частная собственность, уже — наемный труд. Но когда иные авторы старательно придумывают, как бы и капитал приобрести, и невинность соблюсти,— например, как бы сделать так, чтобы работники кооператива все были его членами-совладельцами? — надо сперва поинтересоваться у людей: а хотят ли они этого? Хочет ли шофер кооператива, нанятый на оклад вдвое больше прежнего, стать совладельцем со всеми вытекающими последствиями: риском обанкротиться, необходимостью принять на себя часть долговых обязательств и ответственностью за принимаемые решения. Мои наблюдения свидетельствуют об обратном.

Чего боится общество, известно: эксплуатации «частником». При этом никто не спешит объяснить людям, что условия работы, социальные гарантии и уровень жизни на западных частных предприятиях выше, чем на наших общественных! «Частник» готов гораздо дороже оплачивать воспроизводство рабочей силы, потому что он знает ей цену. Почти все, в чем нуждается при этом общество,— это продуманные юридические гарантии, ну а это не самое сложное из того, что можно вообразить.

А что общество выиграет? Что оно получит? Да тот самый плюрализм, о котором столько разговоров, но которого толком никто не видел. На одном столбе, как известно, веревку не натянуть. Наличие независимой экономической силы, к которой может «прислониться» общественная мысль, повредить стране и демократии неспособно. Многообразие точек зрения ведет не к хаосу, как сейчас пытаются представить, а к стереоскопии.

Именно тем, что госбюрократия увидела в кооперации крепнущую независимую силу, и объясняется (помимо, конечно, экономической разрухи) необъяснимое иначе сопротивление кооперативному движению, известия о котором долетают из разных мест. «Горячие точки» гонений на кооперацию совпадают с точками, где с гласностью и демократизацией наблагополучнее всего. Случайно? Нет, конечно. «Уничтожить несогласного — какой простой выход из затруднений!» — говорит у Гете Фауст. Чем менее местные чиновники склонны терпеть «несогласие», тем активнее выступают они против кооператоров, в которых в общем-то обоснованно видят завтрашних оппонентов.

Закон о кооперации оказался для кооперации неважной защитой не только из-за «мин», разбросанных в его тексте. Кооператоры лишены большего: экономической защиты от того, что принято сейчас называть «государственным рэкетом». Они не могут купить землю (госпредприятия в этом не нуждаются: они и земля находятся в одних руках), и поэтому все, чем они владеют, в один прекрасный день может оказаться в буквальном и переносном смысле в подвешенном состоянии. И даже то, что они юридически могли бы купить (здание, например), им предпочитают сдавать в аренду. Таким образом, в руках местных органов власти постоянно сохраняется могучий рычаг воздействия на кооперативы, причем рычаг абсолютно законный. «Мы не закрываем этот кооператив, что вы! — делая круглые глаза, говорил мне зампред райисполкома в одном городе. — Да, мы просто прерываем договор об аренде помещения, но здание нам потребовалось для других целей...». На вопрос, куда теперь должен деться кооператив, зампред любезно улыбался и разводил руками.

В опубликованной год назад в журнале «Наука и жизнь» работе «Истоки сталинизма» доктор философских наук А. Ципко задает вопрос: «Возможны ли прочные гарантии личных свобод, демократии, когда все члены общества работают по найму у пролетарского государства и не имеют самостоятельных, независимых источников существования?» А на не-пролетарское? Какая разница! Если все работают на одного, на его земле, его орудиями, живут в его домах и у него покупают пищу, то — будь этот ОН хоть потомственный пролетарий, хоть аристократ — разницы нет. Такой общественный порядок с вероятностью в сто процентов, как показал А. Ципко, несет в самом себе зародыш диктатуры, зародыш сталинизма.

Много надежды сейчас возлагают на аренду. Арендовать предлагают все: от поля до самолета. Надо ли тратить много слов на то, чтобы доказывать: аренда и безраздельное владение — вещи чрезвычайно далекие. Арендатор — все равно издольщик, все равно временщик, а не владелец. Это его психология. И не станет арендатор ввязываться в общественную борьбу, ибо сознает, сколь неустойчиво его арендаторское звание.

Только частная собственность на средства производства, как, повторяю, гарантия от давления со стороны государственных иерархических структур, способна в наибольшей мере обеспечить гражданам соблюдение их прав и свобод. Только ее введение сделает демократизацию в СССР необратимой.

Термин «введение», конечно, не совсем точен. Частную собственность нельзя ввести указом, как летнее время. Необходимо говорить о целой программе реприватизации секторов или всей экономики, которую (программу) еще предстоит разработать. Видимо, это будет некоторое подобие программы реприватизации, которую с помощью Запада разрабатывает для Польши правительство Тадеуша Мазовецкого.

Несколько самых общих представлений. Вероятно, начать следовало бы с села, для начала объявив собственностью крестьян безвозмездно приусадебные участки, а затем разрешив выкупать в любых количествах колхозную и госхозную земли. Цены при этом должны назначаться разумные, подъемные для исправного крестьянина. Одновременно за рубежом придется закупить требуемое количество соответствующей сельскохозяйственной техники для перепродажи таким землевладельцам, поскольку существующая отечественная техника (которая, разумеется, также должна свободно продаваться) не всегда будет отвечать масштабам этих новых хозяйств.

Вполне понятно, что какая-то часть государственных земель никогда не поступит в продажу, что диктуется соображениями обороны, связи, транспорта и тому подобного.

Следующим этапом должен, видимо, стать выкуп у государства земли коллективными пользователями — прежде всего теми же кооперативами, товариществами землепользователей и так далее. И лишь затем городская земля станет предметом купли-продажи для индивидуальных владельцев, которых, впрочем, едва ли будет на первых порах очень много.

Конечно, сказанное — лишь самая грубая схема. В перспективе в ней прорисовывается выкуп у государства в частное владение магазинов и кафе, фабрик и кинотеатров... Вовсе не обязательно распродавать с молотка все государственное достояние. Величина денационализируемого участка должна определяться своеобразным антитрестовским законодательством, устанавливающим конкретно в каждом секторе экономики предельную долю государства, исходя при этом из интересов потребителя.

Надо решаться. Без мощного экономического заслона демократизация в стране может никогда не стать демократией. Заслон этот надо начинать создавать немедленно, не ожидая, пока силы реакции пойдут в «последний и решительный»...

Новые разработки законов о пенсиях, о минимальном размере заработной платы учитывают именно этот уровень. Но в любом случае, даже при соблюдении принципа социальной справедливости, миллионы наших граждан еще долго будут оставаться за этой чертой.

Разве правильно, можно согласиться с тем, что 80-летний старик не получает от общества ни копейки? Да, Петр Иванович Рымкевич никогда не держал в руках свою трудовую книжку, он ее просто не имел. Так что — обречем его на голодную смерть?

Давайте вначале познакомимся... Он из беспризорников 20-х годов. Отец погиб на фронте, мать умерла от тифа. Лет с тринадцати мальчишка прирабатывал себе на пропитание чем мог. Особенно хорошо рисовал. Потом фотографировал. Я видел его снимки друзей-детдомовцев времен нэпа — потрясающе интересно. А в 30-м он поступил в Харьковский художественный институт.

Казалось бы, определился в жизни. И до получения диплома оставалось совсем немного... Но после убийства Кирова в 1934 году молодого художника схватили прямо на улице и бросили за решетку. Только в кабинете следователя Рымкевич узнал, что он шпион иностранных разведок, нелегально ходил через польскую границу, что у него в «боевой группе», оказывается, еще семь человек...

Обвинения, даже по тем временам, оказались настолько фантастическими, что их несколько раз доделывали и переделывали. Новый следователь добивался от самого арестованного: за что его взяли? И это длилось четыре года!.. Людей из «его группы» подшивали к другим делам, кто-то помер в тюрьме, кого-то выслали... Но в 1938-м план по репрессиям пошел заметно на спад, и Рымкевича однажды выкинули из тюрьмы — так же неожиданно, как и взяли.

И началась странная жизнь. Никто не хотел брать на постоянную работу человека, у которого в анкете с 1934 по 1939 год значилось: «задерживался органами НКВД».

В годы войны его не взяли в армию, хотя сам приходил в военкомат и просился на фронт... На жизнь он, конечно, зарабатывал: слесарил, сапожничал, но больше рисовал. Работы хватало, но только по договорам и трудовым соглашениям. Взять такого человека в штат никто не решался. Петр Иванович оформлял павильоны Выставки достижений в народном хозяйстве УССР, работал по заказам издательств, расписывал интерьеры сельских клубов. Но как только заводил разговор о трудовой книжке, от него тут же избавлялись. А на старости лет оказался без пенсии... Он собрал кипу бумаг, бухгалтерских справок, писал по многим адресам — от Минсобеса до Совмина, только отовсюду получал ответ в том духе, что в пенсии ему — любой, даже самой мизерной, которая позволяла бы не умереть от голода,— отказано правильно. Раз не было трудовой книжки, значит, не было и самого труда!

Тамара Илларионовна Токашвили до последнего времени получала пенсию 16 рублей 28 копеек в месяц. Это соответствовало тому небольшому стажу, когда она работала по найму, и небольшой в те годы зарплате. Тут справедливость могла торжествовать...

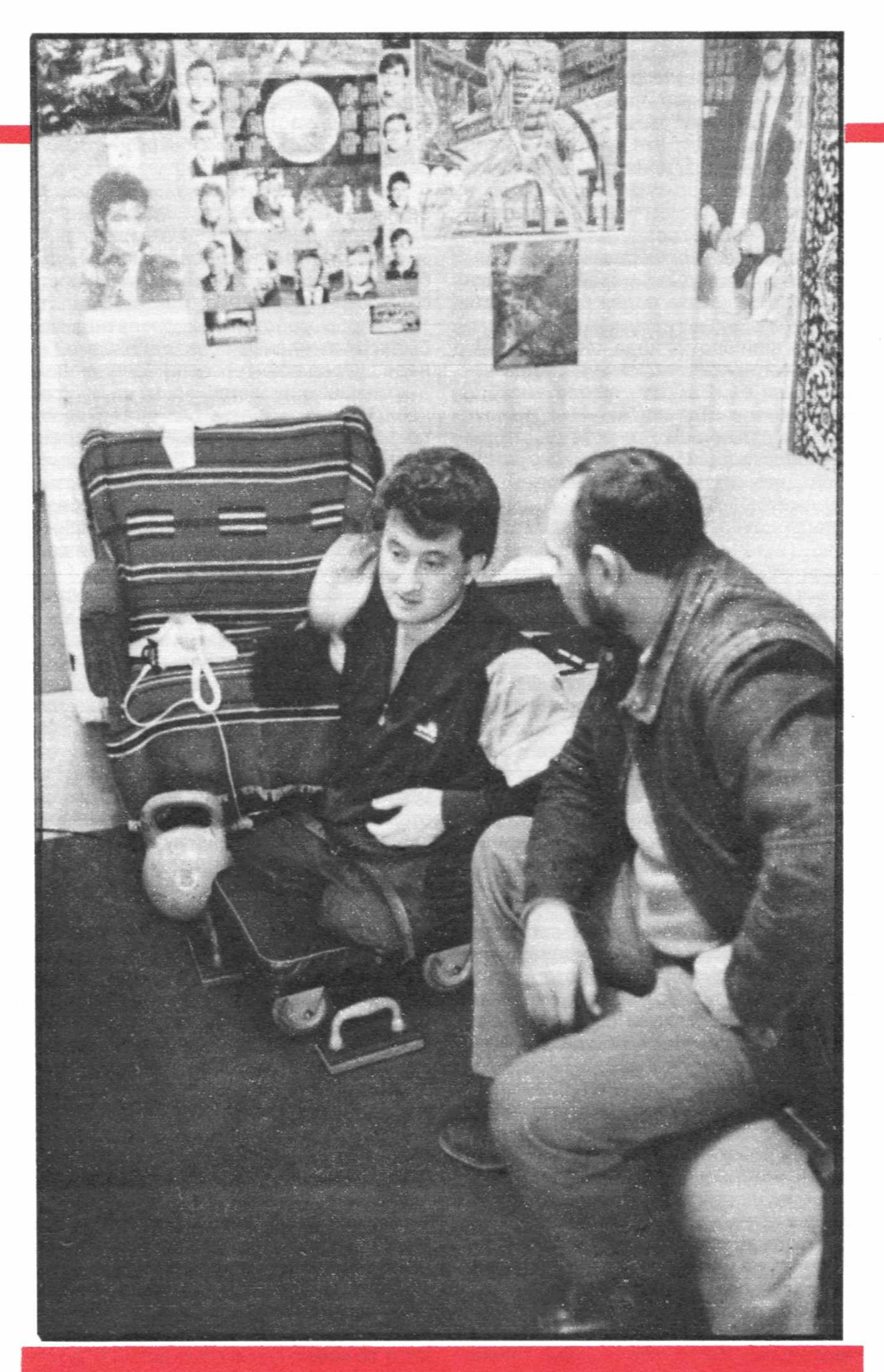
Но Тамара Илларионовна всю войну работала медсестрой, была на фронте, награждена орденом Отечественной войны. А небольшой рабочий стаж у нее потому, что рано стала инвалидом. Как пишут в справках, «в результате общего заболевания». Вот и оказалась в коляске с шестнадцатью рублями в месяц. Последние повышения пенсий коснулись и ее — она стала получать (теперь уже прикованная к постели) на пять (!) рублей больше — 21 рубль с копейками.

Мне пришлось пройтись по многим адресам тех, кто получает постыдно мизерную (вполне справедливо, как значится в ответах официальных лиц) пенсию или вовсе не получает таковой... Сердце останавливается от стыда и муки, оно кричит, что такого не может, не должно быть, если мы считаем себя людьми. Это тяжелейший урок, после которого трудно отрывать взгляд от земли. Но читателей поспешу успокоить. Люди, о которых тут идет речь, не брошены на произвол судьбы. Благотворительный фонд «Полиграфист» вот уже несколько месяцев доплачивает бывшей фронтовичке пенсию, чтобы она вместе с государственным пособием составляла не меньше 70 рублей в месяц. Столько же «Полиграфист» платит теперь Петру Ивановичу Рымкевичу.

Сегодня этот фонд спасает... не от голодной, конечно, смерти, но от унизительной нищеты сотни людей. Как и откуда он возник? Ведь у нас многие десятилетия благотворительность и милосердие попросту выпадали из понятия человечности.

А учредили этот фонд киевские кооперативы «Интерьер» и «Гарант», созданные при нотной фабрике. Их первоначальный взнос составил 275 тысяч рублей. Затем фонд еще не раз пополнялся...

— Ага! — обрадуются некоторые блюстители чистоты наших идеологических риз.— Все же кооператоры! Спекулянты, значит. Хапанули у общества слишком много, а теперь вроде бы сдачи дают. Ведь нам заранее известно, что большие деньги наживаются нечестным путем...

Каков минимальный прожиточный уровень в нашей стране? Мы заговорили об этом совсем недавно. Кто и как определял его, какие необходимые продукты и товары бросал в «корзину», в каком магазине нашел их в свободной продаже и по какой цене, широкой публике неизвестно. И все же уровень этот (на Западе его называют чертой бедности) составляет где-то 70 рублей в месяц на человека. Так сообщалось в печати. Ниже него уже нищета.

ДОРОГА В ЭРУ МИЛОСЕРДИЯ

Смею заверить — честным. Все до копейки получено с потребительского рынка. Печатали обои, фотообои, другую продукцию, которая шла и сегодня пока еще идет нарасхват. Конечно, на руку кооператорам сыграло то, что госпредприятия десятки лет не замечали огромного, баснословно выгодного спроса на эти изделия. Солидные прибыли, полученные уже в первые месяцы работы, несколько озадачили кооператоров. Но они не поспешили растащить все на зарплату. Стали искать доходное применение своим деньгам.

Для людей умных капитал никогда не был целью, а всего лишь средством для достижения тех или иных целей. Это затратная экономика ставила конечным результатом освоение плана в рублях. А что стояло за рублями и куда они потом девались, мало кого интересовало.

Кооператоры для начала отремонтировали за свой счет фабричное оборудование. Это дало возможность расширить деятельность. Учитывая, что на фабрике почти все захотели прирабатывать в кооперативе, восстановили жесткое правило: принимать лишь тех, кто перевыполняет основное задание, не допуская малейшего брака.

Сразу изменилась деловая обстановка в цехах. Госзаказ стал выполняться досрочно, исчезли рекламации. Руководители фабрики и совет трудового коллектива увидели возможность предоставлять каждому работающему месячный отпуск (а не две-три недели в зависимости от профессии). Дополнительные дни отпуска согласились оплачивать кооперативы, причем всем, а не только своим пайщикам.

Не стану рассказывать, как нащупывались пути выгодного приложения средств, изучались варианты создания производств по выпуску стройматериалов, переработке отходов, оказанию дополнительных услуг населению. Эта инициатива и сегодня не иссякает. Но заметили кооператоры, что на фабрику нередко обращаются пенсионеры: кто просит в родном коллективе денежное пособие, кто помощь в устройстве на лечение...

И задумались люди, увидев в этих просителях, часто беспомощных, живущих в оскорбительной для человека скудности, горький укор себе, обществу, больше того — бездушную пустоту собственных хлопот и устремлений... Зачем все это, если один из вариантов твоего будущего — вот он! Тогда и решили разыскать всех своих полиграфистов-пенсионеров, посмотреть, как они живут, в какой помощи нуждаются. А тем, кто получает небольшую пенсию, доплачивать из фонда до 120 рублей в месяц.

Если бы кооператоры стали расписывать прибыль на сверхзаработки, это им не стоило бы особых хлопот. Но отделить крупную сумму, чтобы помогать страждущим, создать самостоятельный благотворительный фонд оказалось труднее, чем заработать. Чтобы пробить бюрократические рогатки, потребовалась помощь многих организаций и влиятельных лиц, в том числе и своего Подольского райкома партии г. Киева.

Фонд «Полиграфист» был создан. Среди его постоянных подопечных оказалось несколько десятков бывших сотрудников нотной фабрики.

— И тут мы осознали одну очень важную истину,— рассказывает председатель совета фонда, он же директор Киевской нотной фабрики Сергей Сергеевич Забелин.— Обогреть мы можем многих, но всех — никогда. Даже в пределах своего района. Надо, чтобы наш опыт перенимали другие. А пропагандировать опыт словом — хорошо, но делом — еще лучше. Обратились к руководству родственных предприятий: дайте нам списки ваших пенсионеров-полиграфистов, которые получают небольшую пенсию, мы им будем доплачивать. Многие откликнулись. Сейчас уже наш фонд имеет на своем попечении только бывших полиграфистов больше трехсот человек.

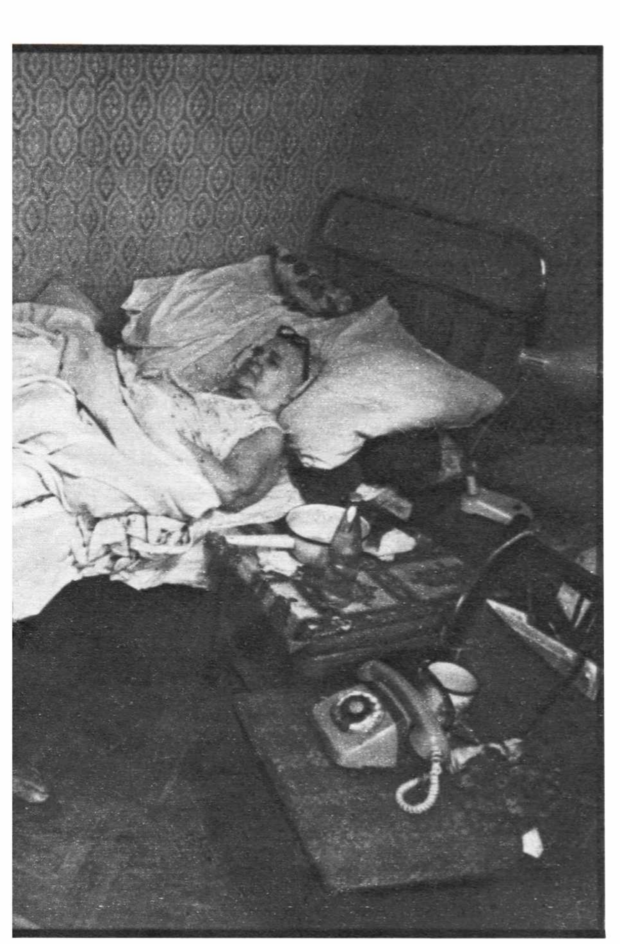
Тут следует дополнить рассказ С. Забелина. Посылая письма на предприятия своего родного объединения «Полиграфкнига», распорядители фонда, вполне естественно, рассчитывали на живой отклик: вот, мол, вам списки наших пенсионеров, их адреса, кто сколько получает... Если сможете помочь — спасибо за заботу! Некоторые так и поступили. Другие долго раздумывали, но через два-три месяца нашли возможность ответить. А вот с Харьковской типографии № 2, львовской фабрики «Атлас», Одесской книжной фабрики ответы вообще не пришли. А ведь каждое письмо адресовалось директору, председателям СТК и профкома. Мне лично, например, очень не хотелось бы работать в коллективе, где на тебя смотрят как на средство для выполнения плана, а износился — так и списали. С глаз долой — из сердца вон. Грустно.

И все же эта акция показала, что устроители благотворительного фонда «Полиграфист» выходят на верный путь. Какие-то предприятия дали им списки своих пенсионеров — и все. С фабрики печатной рекламы сообщили, что они сами изыскали средства и стали доплачивать своим пенсионерам до общей суммы 120 рублей в месяц. На харьковской книжной фабрике «Коммунист» — то же самое, только сумма доплаты несколько меньшая — до 100 рублей в месяц. А картографическая фабрика и кооператив «Печатник» при ней прислали не только список на сорок человек своих пенсионеров, но и подсчитали сумму, которая потребуется, чтобы доплачивать им до 120 рублей в месяц, и эту сумму на год вперед внесли в кассу «Полиграфиста». Да и некоторые другие предприятия, приславшие списки малообеспеченных пенсионеров, пообещали восполнить затраты, которые будет нести фонд.

Не обольщаясь особенно, все же признаем, что наметилось определенное движение... «Полиграфист» наладил связи с советом воинов запаса при горкоме комсомола и оказывает помощь (в различной форме) инвалидам-афганцам. Тесные связи у него и с Детским фондом имени В. И. Ленина. В этом сотрудничестве есть очень интересные случаи.

В списке подопечных по рекомендации Детского фонда значится Павлина Мрачковская — ученица музыкальной школы для особо одаренных детей. Мы познакомились с этой милой, очень болезненной и сказочно талантливой девочкой. Будущим летом она собирается поступать в консерваторию по классу флейты. Ее педагоги говорили мне, что у Павлины абсолютный слух, виртуозная техника, она очень эмоциональна в импровизации и аранжировке. Я же с удивлением рассматривал ее рисунки — и философские композиции, и жанровые сценки со зверюшками, где каждый персонаж — законченный, с ходу узнаваемый человеческий характер. У Павлины есть мама и младшая сестренка, но материально семья оказалась просто в катастрофическом положении. Фонд «Полиграфист» выплачивает Павлине стипендию 90 рублей в месяц. Кроме того, кооператоры готовятся издать отдельными книжками две ее сказки с ее же рисунками. Буду стараться приобрести такую книжку для внука.

Среди подопечных фонда и семья Пантелеенко. К сожалению, неполная. Ее глава Николай Михайлович не так давно умер после хирургической операции. Ему не было и пятидесяти. Осталась Людмила Емельяновна с 14 детьми, из которых только старший уже работает, а младшему едва исполнился один год.

Фонд взял эту семью под свою опеку. Но первый денежный перевод на 350 рублей возвратился невостребованным. Этому не придали большого значения — ну, произошел где-то сбой, ведь первая выплата. А когда и в следующем месяце деньги вернулись, Сергей Сергеевич Забелин решил сам проверить, в чем дело. Он познакомился с Людмилой Емельяновной, которая заявила, что принимать эти деньги считает себя не вправе. Ей уже помогает центр перевозки почты, где они с мужем долго работали — будет, мол, нечестно получать помощь с двух сторон.

Пришлось сесть за стол и вместе подсчитать и помощь райисполкома, и предприятия, и заработок старшего сына, а потом разделить все это на 15 душ семьи... После чего Людмила Емельяновна согласилась принимать помощь фонда.

(Может быть, это и не совсем по теме, но должен сказать, какое светлое чувство выносишь, побывав в этой семье — дружной, приветливой и открытой. «Это же счастье,— говорил мне Николай — второй по возрасту среди детей, который недавно демобилизовался из армии.— Нас одиннадцать братьев и три сестры, но главное — мы как одна команда».)

Сейчас под крылом фонда почти 450 человек подопечных. Не будем забывать, что на фабрике, при которой созданы кооперативы-учредители, списочный состав работающих всего-то 220 человек! Но фонд не скудеет, он даже растет, его учредители и распорядители ищут новые формы приложения своих возможностей.

Признаемся: откупиться от нуждающегося — самый легкий путь исполнения социального и гражданского долга. Этим в основном и занимаются органы собеса. Но многие наши сограждане терпят лишения отнюдь не по причине нищенского размера пенсии. Очень много людей одиноких, немощных, для которых выйти в магазин — проблема, а еще сложнее — получить одну из справок, которыми все наше общество оклеено, как фонарный столб на трамвайной остановке. Для них убрать хотя бы раз в месяц в квартире, открыть форточку, чтобы проветрить комнату, и то нужны большие усилия.

Распорядители фонда нарабатывают опыт общения с такими людьми, ищут связи с религиозными общинами, ведут подготовку к тому, чтобы регулярно развозить горячее питание большой группе инвалидов; вынашиваются планы создания странноприимного дома, короче — ночлежки... Правда, некоторых коробит при этом слове, но почему нас не коробит то, что есть бездомные, есть бомжи, что есть живущие на вокзальных скамейках и в заброшенных котельных?

А минувшим летом сотрудники Детского фонда подсказали адрес двух инвалидов детства. Этим людям повезло найти друг друга, они поженились, у них двое вполне нормальных детей и... тяжелейшее финансовое положение. Один из официальных чиновников, руководствуясь расхожей логикой, сказал им: «Надо было детей не заводить, раз сами на шее у государства». А фонд «Полиграфист» устроил для них надомную работу в одном из своих кооперативов. Работа, прямо скажем, монотонная, малоприятная, но очень и очень нужная... И стали эти супруги-инвалиды зарабатывать и двести рублей в месяц, и больше. Сейчас уже целая группа инвалидов обеспечена такой работой, но еще больше желающих получить ее.

Опыт благотворительного фонда «Полиграфист» получил огласку и в Киеве, и в республике, да и на страницах «Огонька» о нем уже упоминалось. У коллектива Киевской нотной фабрики появились последователи, а это главное. Ведь в дореволюционной России были сотни всевозможных благотворительных обществ. Милосердие оказывала церковь, оказывали отдельные граждане. И всем хватало забот.

По мере внедрения казарменного социализма мы напрочь забыли о любви к ближнему как первейшей потребности человека нравственного. Да и сейчас, я уверен, найдется немало демагогов, которые искренне возмутятся: «Где справедливость? Я за свою персональную пенсию всю жизнь отслужил, а какая-то домохозяйка или свободный художник, который договорчики хапал, станут получать почти столько же? Уравниловка!»

Неправда. Речь идет об уровне жизни, ниже которого человеческое существование унизительно для граждан и непристойно для общества. Вот этот терпимый уровень жизни должен быть обеспечен любому — без каких бы то ни было исключений. Это — удержание человека на черте пристойной бедности. А уж выше нее пусть каждый получит в меру своих стараний, таланта, изобретательности, даже в меру своей удачи.

Кстати, о благополучии общества (и материальном, и духовном) следует судить не по количеству производимой на душу стали или даже продуктов питания, не по обеспеченности каких-то, пусть даже весьма широких слоев населения, а по высоте принятого уровня жизни, гарантированного каждому гражданину. Поэтому дело нашей совести — поддерживать пока еще не ставший массовым опыт благотворительности и гражданского милосердия.

Пока материал готовился к печати, в деятельности «Полиграфиста» произошли важные события. Отправлена в Румынию колонна машин с гуманитарной помощью на сумму около ста тысяч рублей; под милосердную опеку взяты в Киеве те, кто стал жертвой сталинских репрессий. Все они, кто имеет пенсию меньше 120 рублей в месяц, будут получать от фонда доплату до этой суммы. А председателя попечительского совета фонда Сергея Сергеевича Забелина полиграфисты Киева выдвинули кандидатом в народные депутаты УССР.

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
собственный корреспондент
«Огонька»
Киев.

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

В середине лета 1917 года политическая ситуация в России была драматической.

В начале июля стало известно о намерении нескольких министров Временного правительства вывести большую часть петроградского гарнизона на передовые позиции.

Среди частей гарнизона были подразделения, полностью находившиеся под влиянием антивоенной пропаганды большевиков, эти полки отказались отправляться на фронт.

Член ЦК большевиков, Петроградского Совета и ЦИК Г. Зиновьев, возбуждая массы против Временного правительства, не решался призвать к открытому вооруженному восстанию и выдвинул половинчатый лозунг «мирной вооруженной демонстрации». Вместе с рабочими вышли на улицы и солдаты. 1-й пулеметный полк, например, захватил с собой даже пулеметы...

4 июля в Петрограде было убито 56 человек с обеих сторон; мятежные войска вернулись в казармы для расформирования; 6 июля правительство князя Г. Е. Львова отдало приказ об аресте Ленина и Зиновьева, объявленных главными зачинщиками беспорядков; Ленин и Зиновьев скрылись в Разливе; 8 июля министром-председателем стал А. Ф. Керенский; ЦИК, избранный I Всероссийским съездом Советов, признал за правительством «неограниченные полномочия и неограниченную власть».

В результате правительственного кризиса 2—8 июля представительство кадетов в высшем органе власти сократилось, шире стала опора правительства на социалистические партии, что не устраивало крупную буржуазию и созданную ею политическую организацию «Республиканский центр».

Вообще власть правительства не воспринималась большинством населения как безусловная, твердая и устойчивая, но хуже всего обстояли дела на фронте. Незадолго до июльских событий генералы подтолкнули Керенского, тогда военного и морского министра, на злополучное июньское наступление. Логика генеральских рассуждений была проста: чем быстрее войска будут втянуты в боевую работу, «тем скорее они отвлекутся от политических увлечений» — так думал главнокомандующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов, но в июне, будучи уже Верховным главнокомандующим, Брусилов, убедившись в неудаче Юго-Западного фронта (главнокомандующий генерал Л. Г. Корнилов), просил отсрочки наступательных операций для Западного и Северного фронтов.

7 июля Керенский получил телеграмму (фактически — открытое письмо) от Корнилова, который в ультимативной форме угрожал уходом с поста главнокомандующего Юго-Западным фронтом, так как обозначившийся было успех (были взяты города Галич и Калуш) обратился в поражение из-за того, что солдаты толпами покидали позиции и уходили в тыл; Корнилов требовал ввести смертную казнь за дезертирство и отказ выполнять приказы, настаивал на немедленной реорганизации армии. Лавра Георгиевича поддержал Союз офицеров.

Наряду с правительственным кризисом возник кризис в армии. Было решено собрать 16 июля совещание в Ставке. Во второй половине июня, предвидя неизбежность такого совещания, Керенский, скорее всего через Б. В. Савинкова, своего помощника по военному министерству, комиссара Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего вступил в келейные переговоры с генералом А. А. Брусиловым. Брусилову был задан вопрос, будет ли он «поддерживать Керенского в случае, если он найдет необходимым возглавить революцию своей диктатурой». Брусилов ответил отказом, мотивируя его тем, что солдатская

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ДИКТАТОР РОССИИ

Талейран сказал Наполеону: «Штыки, государь, годятся для всего, но вот сидеть на них нельзя». «Править» значит не «взять власть», а «спокойно пользоваться властью». Править значит «*сидеть* — на троне, в кресле министра, в банке, на Святом Престоле. Вопреки наивным, газетным представлениям, для правления нужны не столько кулаки, сколько зад. Государство в конце концов держится на общественном мнении; дело тут в равновесии, в устойчивости.

Ортега-и-Гассет «Восстание масс».

Юрий ГАВРИЛОВ

масса восприняла бы диктатуру как контрреволюцию, и дело закончилось бы избиением офицерского корпуса. Тогда роль диктатора была предложена самому Брусилову в расчете на его честолюбие и с учетом его несомненной популярности в армии.

Брусилов ответил, что в сложившихся обстоятельствах попытка установить военную диктатуру — это попытка построить дамбу во время разлива реки и всякая попытка диктатуры только облегчит торжество большевиков.

Керенский понял, что не туда обращался. 16 июля в Ставке собрались военный и морской министр, министр-председатель Керенский, Савинков, Брусилов, начальник штаба Верховного главнокомандующего А. С. Лукомский, главнокомандующий Западным фронтом А. И. Деникин, главнокомандующий Северным фронтом В. Н. Клембовский, военный советник Временного правительства генерал М. В. Алексеев, генерал Н. В. Рузский; Брусилов не пригласил в Ставку главнокомандующих Юго-Западным и Румынским фронтами генералов Корнилова и Щербачева, так как их армии вели активные боевые действия.

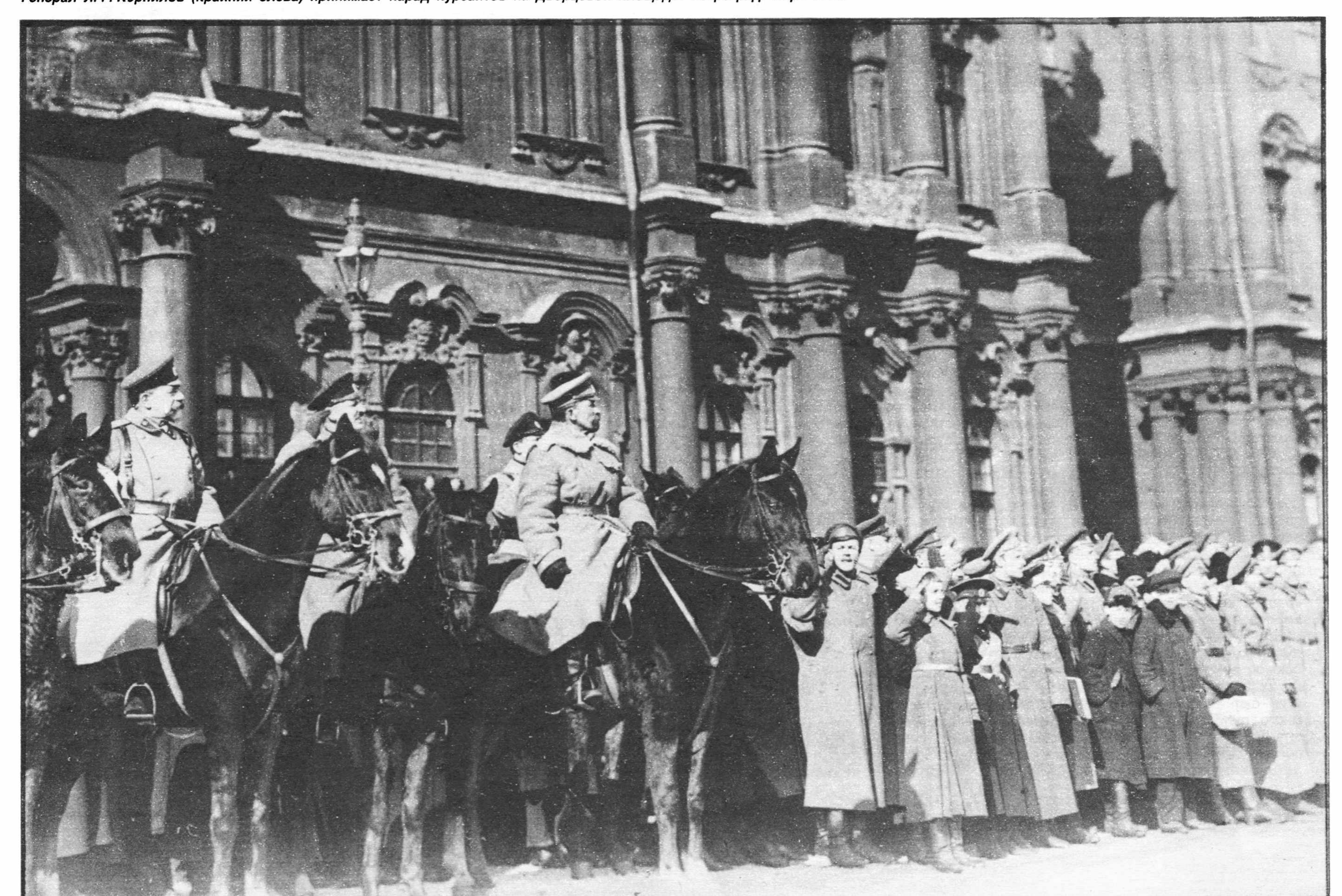
Совещание признало необходимым упразднение института комиссаров и комитетов в воинских частях, отмену «Декларации прав солдата», введение единоначалия командиров, смертной казни на фронте и военных судов в тылу, создание карательных подразделений, «изъятие политики из армии, восстановление дисциплины».

Для той части русского общества, которая считала невозможным заключение сепаратного мира с Германией и ее союзниками, это были естественные меры по спасению разлагающейся армии; впоследствии большевики полностью (за исключением пункта «о комиссарах») осуществят эту программу в ходе строительства Красной Армии.

Приказ о полевых судах и смертной казни был подписан Брусиловым, прекрасно сознававшим, что он невыполним, так как охотников выносить и исполнять смертные приговоры найти не представлялось возможным.

Совещание в Ставке закончилось на высокой ноте: Деникин «разразился речью, в которой заявлял, что армия более не боеспособна, и приписывал всю вину Керенскому и Петроградскому Совету... Деникин трагично махал руками, а Керенский истерично взвизгивал

Генерал Л. Г. Корнилов (крайний слева) принимает парад курсантов на Дворцовой площади. Петроград. Март 1917.

и хватался за голову»,— вспоминал Брусилов.

Посовещавшись с генералами в Ставке, Керенский понял, что с ними диктатуру не осуществишь; оставался Корнилов, про него было известно: боевой генерал, храбрец, Георгиевский кавалер... 18 июля Брусилов был отозван. Верховным главнокомандующим русской армией стал генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов.

Керенскому не грех бы было повнимательнее изучить досье Лавра Георгиевича.

Корнилов родился 18 августа 1870 года в семье отставного казачьего офицера. Окончил в 1898 году Академию Генштаба. Мировую войну начал на Юго-Западном фронте командиром бригады.

Брусилов вспоминал: «Это был очень смелый человек, решивший, очевидно, составить себе имя во время войны. Он всегда был впереди и этим привлекал к себе сердца солдат... Они не отдавали себе отчета в его действиях, но видели его всегда в огне и ценили его храбрость». Плохо было то, что часто не отдавал себе отчета в своих действиях и сам генерал Корнилов. Командуя пехотной дивизией, в первом же бою он без надобности вылез вперед, приказа об отходе не выполнил и наутро был разбит, потерял 28 орудий, много пулеметов и унес ноги только благодаря спасительной атаке кавалерийской дивизии. Брусилов хотел отдать Корнилова под суд за неисполнение приказа, но высокие покровители защитили своего подопечного. Урок не впрок. В Карпатах Корнилов вновь нарушил приказ; в результате попал в окружение, бросил артиллерию и обозы, оставил у неприятеля пленных — и это сошло с рук, нашлись заступники.

Весной 1915 года Корнилов не выполнил приказа об отступлении, был окружен и сдался в плен со всей своей дивизией. В июле 1916 года Корнилов, убив конвойного, бежал из плена, перешел линию фронта, явился в Ставку к Верховному главнокомандующему — царю Николаю II, был награжден орденом Святого Георгия III степени и назначен командиром 25-го стрелкового корпуса на Юго-Западный фронт.

После февральской революции Корнилов был поставлен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа.

Во время апрельского кризиса Временного правительства Корнилов распорядился двинуть против демонстрантов артиллерию; пушки не стреляли, но по требованию Петроградского Совета Корнилов был с должности смещен и отправлен на Юго-Западный фронт командовать 8-й армией. Он сразу же близко сошелся с комиссаром Б. В. Савинковым и повел подкоп под главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Гутора.

Савинков был личным другом Керенского, и свалить Гутора не составило труда.

Теперь перед Корниловым обозначи-

Похороны жертв июльских событий. Петроград. 1917.

Корниловцы из «дикой дивизии» у Петроградской мечети.

Министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков. Март — апрель 1917.

Демонстрация инвалидов первой мировой войны. Петроград. 1917.

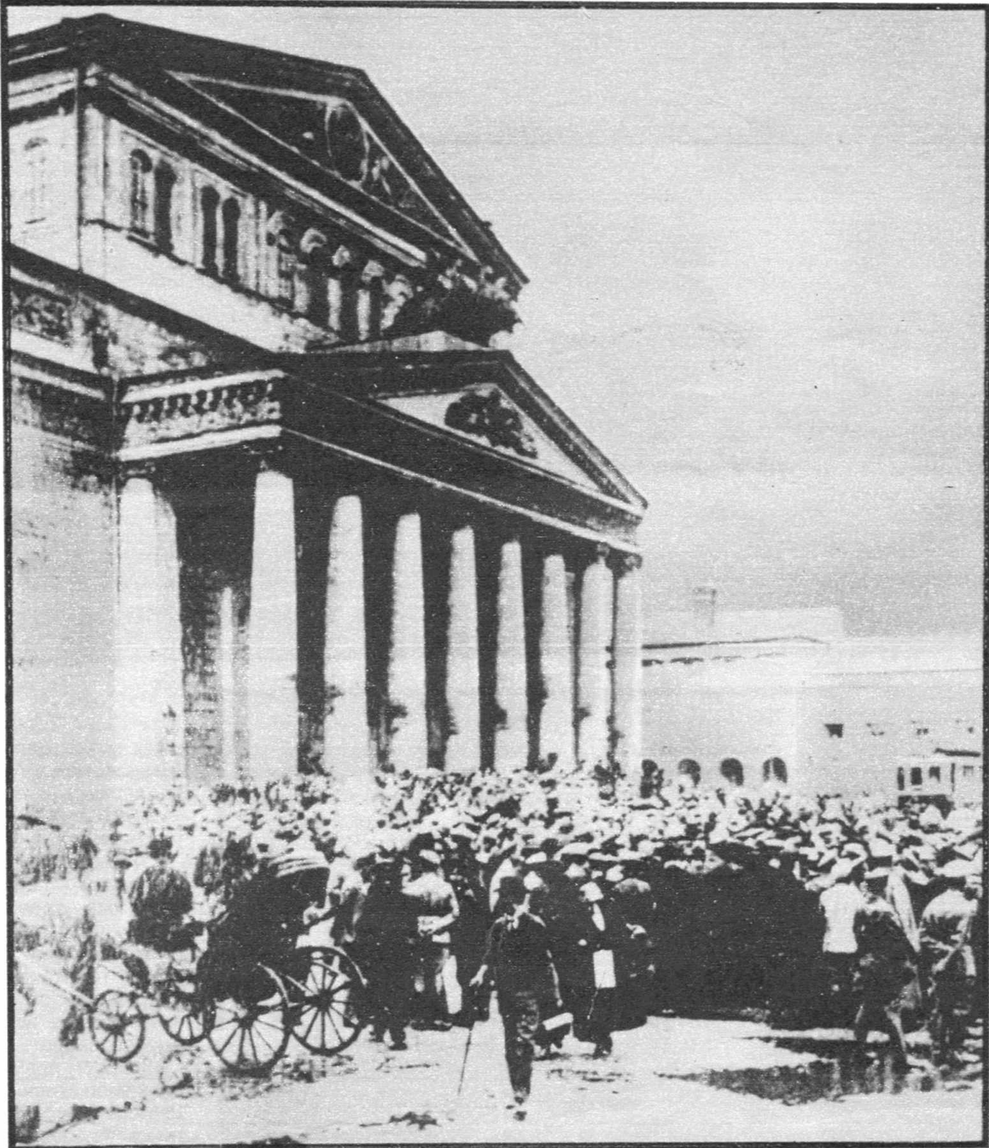

лась новая цель — место Верховного главнокомандующего. Отказ Брусилова поддержать диктатуру Керенского решил его судьбу: Корнилов занял пост Главковерха.

Союз офицеров предложил Лавру Георгиевичу «спасти армию, спасти Россию» уже через несколько дней по его прибытии в Ставку. «Власти я не ищу, но если тяжкий крест выпадает на мою долю, то что же делать»,— скромно, по-фарисейски, отозвался Корнилов на предложение возглавить государственный переворот.

Члены Главного комитета Союза офицеров подполковники Новосильцев, Лебедев, Сидорин, Пронин еще с апреля месяца провели ряд секретных совещаний, подготавливая военный переворот. Поначалу офицеры прочили в диктаторы М. В. Алексеева (Главковерха в марте — мае 1917 года), совершенно не годного на эту роль. Алексеев был нерешителен, медлителен и осторожен, как большинство штабистов. До прихода в Ставку Корнилова заговорщики переливали из пустого в порожнее, в конце июля дело закипело, приобрело конкретные очертания. Было решено сформировать в каждой дивизии ударные батальоны, создать ударные подразделения на железнодорожных узлах. При попытке социалистических партий и большевиков организовать сопротивление заговору следовало раздавить их, провести массовые аресты, разогнать Петроградский Совет, принудить правительство признать военную

Манифестация у Большого театра, где проходило Государственное совещание. Москва. 12 августа 1917.

и разогнать Советы, но массы выступят против свержения Временного правительства, и поэтому кадеты не могут содействовать Ставке.

Однако в резолюции Съезда общественных деятелей, написанной Милюковым, говорилось: «...Правительство, сознающее свой долг перед страной, должно признать, что оно вело страну по ложному пути... Правительство должно немедленно и решительно порвать со служением утопиям, которые оказывали пагубное влияние на его деятельность. Оно должно начать самую энергичную борьбу с ядовитыми всходами этого посева во всех областях народной жизни: в армии и флоте, во внешней политике, в социальных отношениях, в земельном и национальном вопросах».

Кадетские лидеры начали жесткую атаку на министра-председателя с целью предотвратить открытый конфликт Керенского и Ставки.

На расширенном заседании ЦК кадетской партии 11—12 августа Милюков дал недвусмысленно понять, что Временное правительство должно стать ширмой военной диктатуры при условии покончить с Советами. Как крайний вариант Милюков видел правительство без Керенского, хотя и расставаться с Александром Федоровичем для лидера конституционных демократов было крайне нежелательно.

Государственное совещание, на котором должны были прийти к какому-либо соглашению представители правительства, Советов, генералитета, промышленники и общественные деятели, назначено было провести в Москве. Место это было выбрано не случайно. Первопрестольная во время грозных событий 4—7 июля оставалась спокойной; была надежда, что и во время этого совещания не будет никаких волнений.

Встречая на вокзале Корнилова, прибывшего на Государственное совещание, записной оратор кадетов Ф. Родичев, запугивая Керенского пылкостью своей речи, обратился к Главковерху: «На вере в Вас мы сходимся все, вся Москва. И верим, что клич — да здравствует генерал Корнилов — теперь клич надежды — сделается возгласом всенародного торжества».

Похоже, что говорить за весь народ всегда было модно на Руси. Однако политическая демагогия в истории нашей страны нередко приводила к конфузам. Так было и на этот раз. Москва встретила начало Государственного совещания 12 августа мощной забастовкой. Правительство оцепило район Театральной площади (заседания проходили в Большом театре) тройным кольцом солдат и юнкеров, и все же у фронтона театра постоянно толпились тысячи москвичей.

На совещании стало ясно, что у Корнилова и крупной буржуазии программа действий в целом совпадает — война до победного конца в полном единении с союзниками, продолжение борьбы с большевиками, ограничение функций Советов. Газета крупной буржуазии «Утро России» 12 августа писала: сильная власть «должна начаться с армии и распространиться на всю страну...».

И Керенский, и кадеты были едины в стремлении ограничить выступление Корнилова на совещании анализом положения на фронте, военной стороной дела — с тем, чтобы он не касался проблем политических. Корнилов в строго конфиденциальной беседе с Милюковым согласился на это, но высказал пожелание, чтобы в решительную минуту его противостояния с премьером партия кадетов поддержала бы его отставкой министров. Милюков пообещал Верховному при необходимости создать правительственный кризис, таким образом конституционные демократы от сочувствия делу Корнилова перешли к прямому содействию.

Кадеты были уверены, что министр-председатель пойдет на сделку с Корниловым. «У Керенского нет выбора»,— заявил Милюков на заседании кадет-

диктатуру. Особые надежды возлагали заговорщики на корпус генерала Крымова, в состав которого входила известная своей жестокостью «дикая дивизия», сформированная из кавказцев-мусульман.

Связь с крупной буржуазией Корнилов установил мгновенно: уже в конце июля председатель «Республиканского центра» (РЦ) К. Николаевский прибыл в Ставку для переговоров с Верховным. Мнение крупной буржуазии, создавшей РЦ, было однозначным: «Временное правительство не способно удержать власть в своих руках и тем более руководить нарастающим движением». Лидер РЦ в своих мемуарах меланхолично замечает: «В то время никакого вопроса об убеждениях диктатора не ставилось, да и вопрос этот не мог иметь решающего значения»; тем не менее военную диктатуру предполагалось приспособить «к тому же незадачливому правительству, но все еще сохраняющему некоторый кредит в толпе».

8 августа в Москве открылся Съезд общественных деятелей — своего рода прелюдия к Государственному совещанию. По поручению Корнилова член Главного комитета Союза офицеров капитан Роженко изложил собравшимся план заговора, рассчитанного прежде всего на то, что не сегодня завтра должно начаться большевистское восстание. Тайное совещание проходило на квартире видного московского кадета Н. М. Кишкина, присутствовали П. Н. Милюков, В. А. Маклаков, Н. В. Львов, А. И. Шингарев и октябристы С. И. Шидловский и М. В. Родзянко.

Доклад Роженко произвел тягостное впечатление — эскизность плана, непроработанность деталей, а главное, неисполнимость замысла неприятно поразили собравшихся. «Сразу же стало ясно, что сочувствуют делу все, но никто не верит в успех» — таково резюме одного из участников встречи.

Через несколько дней было собрано еще одно секретное совещание, на котором Милюков от лица общественных деятелей кадетского направления заявил, что они сочувствуют планам Ставки остановить распад армии

ского ЦК 20 августа. «Корнилов уже принял решение о сроках его открытого разрыва с правительством Керенского и даже назначил эту дату — 27 августа...» — вспоминал Милюков через двадцать лет. Основной задачей кадетов стало обставить военный переворот так, чтобы это была «легальная передача власти, чтобы не было захвата, а чтобы было формальное постановление Временного правительства» о передаче Корнилову диктаторских полномочий. Камнем преткновения по-прежнему оставались Советы, которые Керенский не мог да и не хотел распускать, не желая оставаться один на один со Ставкой.

Падение Риги * в ночь на 21 августа и создавшаяся угроза на дальних подступах к Петрограду толкнули Верховного на немедленное выступление.

24 августа Корнилов отдал приказ о создании отдельной армии под командованием генерала А. М. Крымова, но приказ этот остался на бумаге. Лишь несколько подразделений третьего конного корпуса Крымова и Кавказская дивизия были посажены в эшелоны и двинуты на Петроград. Крымов руководил операцией из района Луги.

25 и 26 августа кадеты метались от Корнилова к Керенскому, от Керенского к Корнилову. Разговаривая с Верховным по прямому проводу 26 августа, один из кадетских лидеров, В. А. Маклаков, намекнул Корнилову: «Ваше предложение (о новом составе правительства.— **Ю. Г.**) понято здесь (в Петрограде.— **Ю. Г.**) как желание насильственного переворота. Глубоко рад, что это, по-видимому, недоразумение. Вы недостаточно осведомлены о политическом настроении...».

Но Верховный уже закусил удила.

26 августа Корнилов предъявил Керенскому ультиматум: явиться (то есть сдаться на милость победителя) в Ставку и передать ему всю полноту военной и гражданской власти. В 5 часов утра, после того как Керенский объявил об измене Корнилова, аресте видного кадета, осуществлявшего связь между Верховным и Милюковым, Н. В. Львова и потребовал диктаторских полномочий, министры-кадеты подали в отставку, как и было обещано Корнилову.

27 августа Керенский и Корнилов в одинаковых выражениях объявили друг друга врагами народа. Керенский аттестовал Корнилова контрреволюционером. Корнилов Керенского — пособником анархии и немецких агентов-большевиков, обвинял в развале армии, что вело к проигрышу войны и краху революции. Керенский отстранил Корнилова от командования русской армией, заклеймил его мятежником, объявил вне закона.

Никакого столь желанного Корнилову выступления большевиков в Петрограде не произошло. Вместо этого — пока корниловские эшелоны двигались на Петроград со скоростью утомленных пешеходов — произошло единение всех демократических сил столицы.

Меньшевики, эсеры, большевики, позабыв распри, мобилизовали множество агитаторов, знавших кавказские языки,— главное было остановить «дикую дивизию»; эсеры, кавалеры Георгиевского креста, отправлялись в ударные батальоны, была сформирована делегация мусульман-пропагандистов Временного правительства и большевиков. В районе станции Вырица, в пятидесяти километрах от Петрограда, началось братание «дикой дивизии» с армейскими частями, сохранившими верность правительству.

К исходу дня 29 августа Ставка Главковерха в Могилеве усилиями всех социалистических партий была полностью блокирована, 31 августа застрелился командовавший походом на Петроград генерал Крымов, 1 сентября была учреждена «Директория» из пяти министров Временного правительства во главе с Керенским, 2 сентября Корнилов и его ближайшие сподвижники были арестованы.

Выступление Корнилова в конце августа 1917 года было безответственной авантюрой. Переворот не был подготовлен, ни один из пунктов плана не был проведен в жизнь. Главная ударная сила — Кавказская дивизия насчитывала 1350 шашек... Одно из самых неожиданных следствий корниловщины — статья Ленина «О компромиссах». Ленин, для которого выступление Ставки явилось полной неожиданностью, писал: «Компромисс (большевиков с другими социалистическими партиями и ЦИКом.— **Ю. Г.**) состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве... отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование».

Временное правительство назначило Следственную комиссию по делу Корнилова, министр-председатель пообещал кадетам, что «суд будет мягок».

Пока Керенский хлопотал, как бы убрать Милюкова с глаз (Следственной комиссии) долой, генерал Алексеев, посвященный во все секреты заговорщиков, отправил Корнилова, Лукомского, Деникина и других генералов и старших офицеров в тюрьму белорусского города Быхова под охрану верных Ставке войск.

В Быхове генералы, сидевшие в тюрьме со всеми удобствами, вступили на досуге в новый заговор; 19 ноября Корнилов с сообщниками бежал на Дон, окончательно погубив тем самым нового Главковерха генерала Духонина, убитого на следующий день в результате солдатского самосуда.

В мае 1921 года Милюков на заседании кадетского ЦК сказал: «Корнилов остался один, и его армия разложилась потому, что была внутренняя трещина между ним и народом. Насилие над народом невозможно».

Корнилов открыл большевикам путь к власти. Желание пойти на компромисс, столь не свойственное Владимиру Ильичу, прошло у него быстро — за одни сутки, и партия двинулась прежним курсом — на вооруженное восстание.

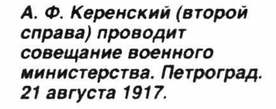
...9 февраля 1918 года главнокомандующий Добровольческой армией, сознавая, что он не в силах удержать Ростов, бросил армию в голую снежную степь. Крошечная, немногим более 2000 штыков, армия, казалось, была обречена.

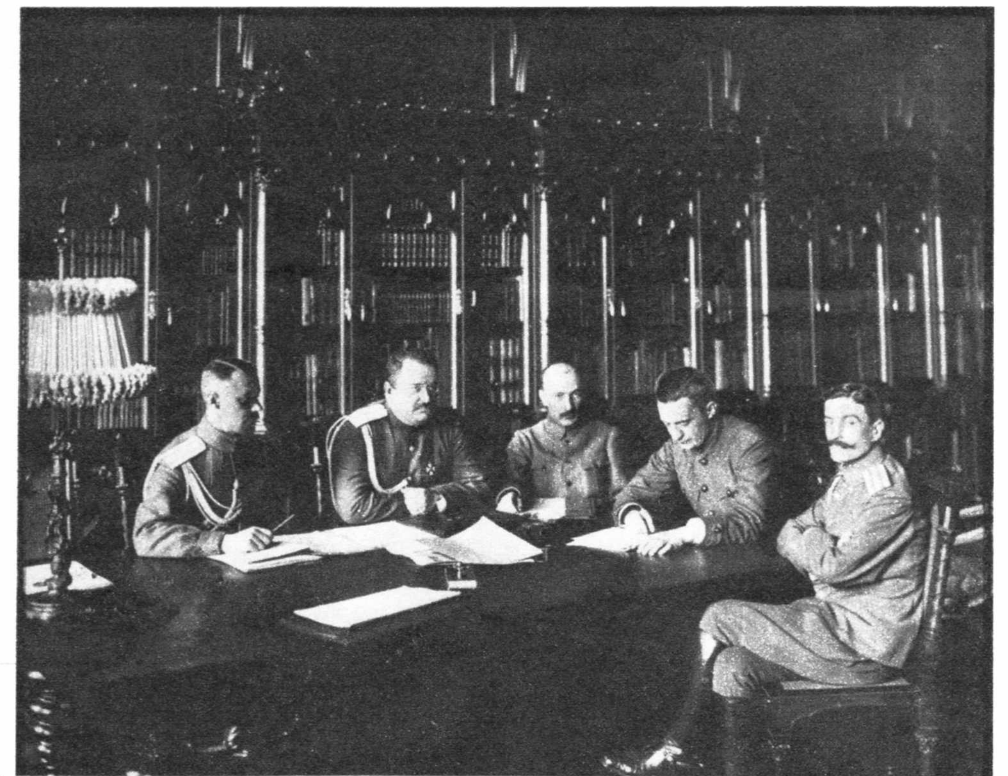
В авангарде добровольцев, по злой февральской поземке, с солдатским мешком за плечами бодро шел офицер со смуглым калмыцким лицом, с сосульками усов, примерзших к впалым щекам. Он был одет в короткий полушубок, к которому были пришиты мягкие генеральские погоны. Это был главнокомандующий — Лавр Корнилов. Он по привычке собственным примером увлекал людей в свою последнюю авантюру.

Окруженные со всех сторон красными и враждебно настроенным казачеством, штурмуя каждую железнодорожную станцию, не бросая ни раненых, ни больных, ни обозы, уступая противнику численно в десятки раз, как раскаленная сталь сквозь лед, прошла Добровольческая армия сквозь заснеженные степи, сквозь топь распутицы, расшвыряла части красных и вышла к столице Кубани...

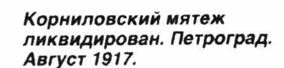
13 апреля 1918 года, на четвертый день неудачного, затянувшегося штурма Екатеринодара, пытаясь совершить невозможное (перевес в силах у красных был огромный), Корнилов погиб в бою.

Хочется еще раз обратиться к воспоминаниям А. А. Брусилова о Корнилове: «Считаю, что этот, безусловно, храбрый человек сильно повинен в излишне пролитой крови солдат и офицеров. Вследствие своей горячности он без пользы губил солдат, а провозгласив себя без всякого смысла диктатором, погубил своей выходкой множество офицеров. Но должен сказать, что все, что он делал, он делал, не обдумав и не вникая в глубь вещей. И теперь, когда он давно погиб, я могу только сказать: «Мир праху его», как и всем, подобным ему, пылким представителям бывшей России».

А. Ф. Керенский (второй справа) проводит совещание военного министерства. Петроград. 21 августа 1917.

Фотографии предоставлены Ленинградским государственным архивом кинофонофотодокументов и Музеем истории Ленинграда.

Корниловский мятеж ликвидирован. Петроград. Август 1917.

* Общее место в трудах советских историков — Корнилов сдал немцам Ригу предательски, без боя, с целью обвинить в этом тяжелом поражении большевиков и на этом основании расправиться с ними. Все это не соответствовало истине. При «оставлении Риги без боя» 12-я армия из 161 тысячи солдат потеряла 25 тысяч человек.

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Публикация фрагментов «Воспоминаний» Никиты Сергеевича Хрущева на страницах «Огонька» вызвала активный отклик наших читателей. В тысячах писем, поступивших в редакцию, содержится просьба продолжить знакомство с этим уникальным историческим свидетельством. «Будучи подписчиком «Огонька», с интересом читаю «Воспоминания» Н. С. Хрущева. Очень жду продолжения»,— пишет нам товарищ Кванталиани из Ленинграда. «Почему прекращена публикация «Воспоминаний» Хрущева? Неужели это вся книга?» — спрашивает товарищ Протоклитов из Новосибирска.

Мы выполняем пожелание наших читателей.

Но, прежде чем продолжить публикацию, считаем необходимым напомнить принципы, которыми мы руководствовались при подготовке этого материала. Многие читатели указывают на неточности или ошибки, содержащиеся в мемуарах. Напоминаем, что мы ставили перед собой другую цель — донести до читателей общий характер реалий того времени. Мы старались в первую очередь сохранить стиль и язык автора, внутренний облик Никиты Сергеевича Хрущева. Повторим, что полный текст «Воспоминаний», снабженный историческим инструментарием и исправлением допущенных ошибок, будет публиковаться в журнале «Вопросы истории».

ОТДЕЛ ПУБЛИЦИСТИКИ

ЛАВРЕНТИЙ

Когда Берия появился в Москве, то жизнь Сталина и коллектива, который сложился вокруг него, приобрела совершенно другой характер.

Если я, бывало, один на один беседовал со Сталиным, он даже мне иногда высказывал свое недовольство:

— Когда у нас не было Берия в Москве, у нас как-то по-другому проходили встречи, по-другому проходили обеды и ужины. Сейчас же обязательно он вносит какую-то страсть, соревнование, кто больше выпьет. Создается атмосфера, когда люди лишнее выпивают и нарушается тот порядок, который был у нас.

Я полностью был согласен со Сталиным, но должен сказать, что тогда уже относился с недоверием к таким его заявлениям.

Я чувствовал, что Сталин другой раз, грубо говоря, провоцирует разговор на ту или другую тему с тем, чтобы выявить настроение того, с кем он беседует. Я видел, что Сталин и Берия очень дружны между собой. Насколько эта дружба была искренна, мне тогда было непонятно и неизвестно, но, во всяком случае, я понимал, что не случайно Берия был назначен заместителем наркома внутренних дел, а в скором времени, когда Ежов был смещен, арестован и казнен, Берия стал властелином Наркомата внутренних дел. Он приобрел решающее влияние в коллективе. Я замечал, что окружающие Сталина люди, занимавшие более высокие посты и в партии, и в государстве по сравнению с Берия, вынуждены были считаться с ним и даже заискивать, лебезить, подхалимничать перед ним, особенно Каганович. Я не видел такого нехорошего, подлого подлизывания только со стороны Молотова.

Молотов на меня производил в те времена впечатление человека независимого, самостоятельно рассуждающего. Он имел свои суждения по тому или другому вопросу, высказывался и высказывал Сталину, что он думает. Было видно, что Сталину это не нравится, а Молотов все-таки настаивал. Это, я бы сказал, было исключением. Мы понимали причины этого независимого положения Молотова. Молотов был старейшим приятелем Сталина. Они знали друг друга еще по подпольной работе. Молотов много лет играл свою роль при возвеличивании и возвышении Сталина. В борьбе Сталина с оппозицией Молотов был его опорой. Поэтому оппозиционеры его называли дубинкой Сталина. Он выпускался Сталиным тогда, когда нужно было наносить удары по тому или другому члену Политбюро, которые становились в оппозицию к Сталину.

Сталин перед войной стал как бы мрачнее, на его лице было больше задумчивости, он больше стал сам пить и стал других спаивать. Буквально спаивать. Мы между собой перебрасывались, как бы поскорее кончить этот обед, этот ужин.

А другой раз, еще до ужина, до обеда, говорили:

— Ну как, сегодня будет вызов или не будет?

Мы хотели, чтобы этого вызова не было, потому что нам нужно было работать, а Сталин лишал нас этой возможности. Эти обеды продолжались целыми ночами, а другой раз даже до рассвета. Они парализовали работу правительства и партийных руководителей, потому что, уйдя оттуда, просидев ночь «под парами», накачанный этим вином человек уже не мог работать.

Водки и коньяку пили мало. Кто желал, мог пить в неограниченном количестве, но сам Сталин выпивал рюмку коньяку или водки в начале обеда, а потом вино, вино. Если пить вино пять-шесть часов, хотя и маленькими бокалами, так, черт его знает, даже если так воду пить, то и от воды опьянеешь, а не только от этого вина. Всех буквально воротило, до рвоты доходило, но Сталин был в этих вопросах неумолим.

Берия тут вертелся с шутками-прибаутками. Эти шутки-прибаутки сдабривали вечера и питие у Сталина. И сам Берия напивался, но я чувствовал, что Берия это делает не для удовольствия, что он не хочет напиваться. Он тоже другой раз выражался довольно резко, грубо, что приходится напиваться. Он так делал из угодничества к Сталину и принуждал других:

— Надо скорее напиться. Когда напьемся, тогда скорее разойдемся. Все равно он так не отпустит.

Я понимал, что такая атмосфера создалась в результате, если грубо говорить, вроде какого-то упадничества. Сталин видел надвигающуюся лавину, неумолимую, от которой уйти нельзя, и уже была подорвана его вера в возможность справиться с ней. А лавиной этой была война, неотвратимая война с Германией...

В этот предвоенный период, если кто-то на этих обедах говорил, что он не может или не хочет пить, то это считалось совершенно недопустимым, и потом завели в шутку такой порядок, что если кто не выпивает объявленный тост, то полагается ему в виде штрафа еще дополнительно один бокал, а может быть, даже и несколько. Потом и другие всякие были тут выдумки. Во всех этих «шуточках» очень большую роль играл Берия, и все они сводились к тому, чтобы как можно больше выпить и накачать всех. И это делалось потому, что Сталин этого хотел, именно Сталин.

Могут меня спросить:

— Что же, Сталин был пьяница?

Можно сказать, что был и не был. Был в том смысле, что в последние годы не обходилось без того, чтобы

Фото Петра КРИМЕРМАНА

Продолжение. Начало см. №№ 27, 28, 30, 31, 33—37 за 1989 год.

пить, пить, пить. С другой стороны, никогда он не накачивал себя так, как своих гостей. Бывало, он наливал вино в небольшой бокал и даже разбавлял его водой. Но Боже упаси, чтобы кто-либо другой сделал подобное. Сейчас же штраф за уклонение, за обман общества. Это была шутка, но пить-то надо было всерьез за эту шутку. А потом этого человека, который в шутку пил, заставляли еще всерьез выпить, и он расплачивался своим состоянием, своим здоровьем. Все это я объясняю только лишь душевным состоянием Сталина. Это как в песнях русских пели: «утопить горе в вине». Вот здесь, видимо, было то же самое.

После войны у меня заболели почки, и врачи категорически запретили мне пить спиртные напитки. Я Сталину об этом сказал, и он какое-то время даже бывало брал меня под защиту, но это было очень непродолжительно. И тут Берия сыграл свою роль, сказав, что у него тоже почки больные, но он пьет, и ничего. Так я лишился защитной брони в том, что у меня больные почки, что мне пить нельзя: все равно пей, пока живешь, пока ходишь...

В процессе знакомства и частых встреч с Берия выявлялась его политическая физиономия. В первое время нашего знакомства Берия производил очень хорошее впечатление. Мы с ним на пленумах ЦК всегда рядом сидели, обменивались мнениями, другой раз шутили, как всегда бывает между людьми, у которых сохраняются хорошие отношения.

Потом началось. Когда раскрыли врагов народа, после ареста военных, после ареста группы Тухачевского, Сталин высказал мысль, что надо заменить наркома внутренних дел Ягоду, что Ягода, мол, не справляется. Я не помню сейчас аргументацию, но встал этот вопрос. Он назвал Ежова. Ежов был начальником кадров Центрального Комитета. Я Ежова давно знал. Ежов на меня производил впечатление хорошее, он был внимательным человеком. Я знал, что Ежов — питерский рабочий, с 1918 года в партии. Это была высокая марка — питерский рабочий.

Когда Ежов был выдвинут, я не знал глубоких мотивов и аргументации Сталина. Я лично хорошо относился к Ягоде, не видел и не чувствовал какой-то антипартийности в его действиях.

Был назначен Ежов. Репрессии еще больше увеличились: тут началось буквально избиение и военных, и гражданских партийных работников. Потом дошла очередь до хозяйственных работников. Наркомат тяжелой промышленности возглавлял Серго Орджоникидзе, Наркомат путей сообщения возглавлял Каганович. Начались повальные аресты людей.

Ежов был в очень хороших дружеских отношениях с Маленковым.

Через какое-то время, точно сейчас не помню, но это не столь важно, даты всегда можно проверить, Сталин поднял вопрос о том, что надо было бы подкрепить Ежова, надо дать ему заместителя, и спросил его.

Тот ответил:

— Было бы хорошо.

— Кого вы думаете?

Ежов сказал:

— Я бы просил дать мне Маленкова первым заместителем.

Такие разговоры были, по-моему, несколько раз. Они возникали, но вопрос не решался.

Потом Сталин сказал Ежову:

— Нет, видимо, Маленкова вам не стоит брать. Маленкова мы не дадим, потому что он сейчас заведует кадрами ЦК.

После назначения Ежова наркомом внутренних дел Маленков, который до этого был первым заместителем у Ежова, начальника кадров ЦК, сам стал начальником. До НКВД Ежов был секретарем ЦК и начальником кадров. Он сохранил, по-моему, пост секретаря и шефство над Маленковым. Таким образом, кадры оказались в то время фактически под руководством Ежова. Это был период, когда, собственно говоря, партия утрачивала свое лицо и начинала подчиняться Наркомату внутренних дел.

Помню, я проводил Московскую партийную конференцию 1937 года. Тогда все кандидатуры, которые выдвигались в члены Московского городского комитета и Московского областного комитета, просматривались, «освящались» Наркоматом внутренних дел. Это уже последнее дело, когда не ЦК, не партия выдвигает своих членов, а окончательное слово о достоинствах того или другого члена партии, о возможности его избрания в руководящие партийные органы высказывает министерство внутренних дел. Правда, мы тогда считали, что это помогает местным партийным органам лучше изучать кадры и разоблачать врагов, которые проникли даже в состав руководящих партийных органов. Так нас тогда воспитали.

Я помню комиссара Академии имени Фрунзе или другой какой-то академии. Я сейчас фамилию его забыл, но это был человек лет 40, с бородой. С точки зрения Московского партийного комитета он был очень хороший коммунист, комиссар. Его прекрасно приняла конференция, когда обсуждали вопрос о внесении его кандидатуры в список для голосования.

Вдруг, уже перед голосованием, позвонил Ежов и говорит:

«Надо все сделать, чтобы провалить этого человека. Он не заслуживает доверия. Он связан с врагами народа и будет арестован».

Мы так и сделали, но это была ужасная ломка психики, и очень плохо это повлияло на делегатов конференции: выбирали, аплодировали (он прошел буквально под бурю аплодисментов) и тут же этим же людям потом надо было доказывать, чтобы они не голосовали за него. Его провалили. Он смутился: в чем дело? На следующую ночь он был арестован, и вопрос стал ясен. Не знаю, чем дело кончилось,— я, собственно, не знал близко этого человека.

Другой аналогичный случай. Ярославский Емельян — старый большевик, уважаемый в партии. Его кандидатура тоже выдвигалась в состав Московского областного комитета. Нужно сказать, что в те времена в состав Московского комитета избиралось много членов Политбюро, но не все. Поэтому выдвинули и Ярославского, а он тогда был секретарем парткоглегии Центральной Контрольной Комиссии и считался безупречным в партийном отношении.

Вдруг ко мне звонят из ЦК Ежов или Маленков и говорят, что надо провалить Ярославского. Это было очень тяжело для меня лично, но я должен был это дело провести. Я стал говорить секретарям райкомов, чтобы они по делегациям провели агитацию против него, но так, чтобы это не стало достоянием Емельяна Ярославского, а он уже был проголосован в состав избирательного списка. Когда проголосовали и подсчитали голоса, то оказалось: Емельян Ярославский все-таки был избран, несмотря на нашу деятельность, но избран, кажется, одним голосом.

Я помню, после конференции Землячка, к которой я тоже питал очень большое уважение, даже написала письмо в Центральный Комитет, в котором она обвиняла меня, как секретаря Московского городского комитета, что на конференции было проявлено неуважение и велась агитация против Ярославского. Я не мог объяснить, что выполнял волю Центрального Комитета. Конечно, ее заявление не имело никаких последствий.

Вот, собственно, какая сложилась обстановка. Органы НКВД имели последнее слово, и всякое выдвижение и передвижение партийных и хозяйственных кадров всегда согласовывалось с Наркоматом внутренних дел. Это позорнейшее явление, это, собственно говоря, утрата руководящей роли партии.

Сталин в конце концов предложил Ежову назначить к нему заместителем Берия. К этому времени на демонстрации выходили с плакатами, где была нарисована рукавица. Это началось после того, как Сталин в одном выступлении сказал:

— Ежов — это ежовая рукавица, это «ежевика»,— и очень хорошо отозвался о деятельности Ежова.

В том, что Сталин назвал Берия, проявилось его нарастающее недовольство Ежовым; уже намечалась замена Ежова. Ежов все правильно понял. Он понял, что это конец его деятельности, что его «звезда» закатывается, а может быть, он почувствовал, что кончается и вообще его существование.

Он сказал:

— Конечно, товарищ Берия достойный человек, тут нет вопроса. Он не только заместителем, но и наркомом может быть.

Сталин возразил:

— Наркомом, я считаю, он не может быть, а заместителем вашим будет хорошим.

Тут же Берия утвердили заместителем Ежова.

Так как у меня были хорошие отношения с Берия, я подошел к нему после заседания и полусерьезно, полушутливо поздравил его.

Берия сказал:

— Нет, я не принимаю твоих поздравлений.

Я говорю:

— Почему?

— Ты же не согласился, когда о тебе разговор велся и тебя прочили заместителем к Молотову. Так почему же должен я радоваться, что меня назначили заместителем к Ежову? Мне лучше было бы остаться в Грузии.

Я думаю, что, наверное, в то время Берия искренне это говорил.

Берия перешел в НКВД, и в первое время его деятельность у Ежова проявлялась в положительном плане.

Он не раз мне тогда говорил:

— Что такое? Арестовываем людей, сажаем, уже и секретарей райкомов пересажали. Надо кончать с этим делом.

Потом появилось решение о перегибах. Это приписывалось влиянию Берия. Считали, что Берия пришел в Наркомат внутренних дел, разобрался, доложил Сталину и Сталин его послушал.

Я тоже не помню сейчас, но всегда можно восстановить число, когда был Пленум Центрального Комитета по извращениям и перегибам,— не то в конце 1938 года, не то в 1939 году. Очень самокритичный был Пленум. Выступали тогда все, и каждый выступающий должен был кого-то критиковать.

Помню выступление Маленкова. Маленков, по-моему, тогда критиковал секретаря Средазбюро (он был потом арестован) и Берия. Критика была направлена против самовосхваления. Он говорил, что какие-то альпинисты совершили поход на самую высокую точку в горах Средней Азии и назвали этот пик именем этого секретаря Средазбюро. Берия тоже по этой линии критиковался. Возможностей для критики Берия было уже тогда сколько угодно.

Единственным человеком, занимавшим высокое положение в партийном руководстве и избежавшим критики, оказался Хрущев. Потом вдруг выступает Яковлев (Яков Аркадьевич Эпштейн). Он тогда заведовал сельхозотделом ЦК. Он критиковал меня, но критика его была довольно оригинальной. Он меня критиковал за то, что меня все в Московской организации называют Никитой Сергеевичем. Собственно, больше ничего он не сказал в мой адрес.

Я после выступил и сказал, что меня действительно так называют, но это мои имя и отчество. Тем самым я намекнул, что он не Яковлев, а Эпштейн.

После заседания подошел ко мне Мехлис, он тогда был еще редактором «Правды», и с большим возмущением говорил о выступлении Яковлева.

Хотя Мехлис сам еврей, он говорил:

— Яковлев еврей и не понимает, что у русских принято называть людей по имени и отчеству.

Потом выступил Гриша Каминский. Он был, по-моему, наркомом здравоохранения Российской Федерации. Это был очень уважаемый товарищ с дореволюционным партийным стажем. Как говорили, он не раз встречался с Лениным. Я с ним познакомился, когда начал работать в Московской организации, он тогда работал, кажется, одним из секретарей Московского комитета. Потом он был председателем Мособлисполкома, а затем его выдвинули не то в Центросоюз, а потом в Наркомздрав, не то наоборот.

Это был очень прямой, очень искренний человек. Я бы сказал, что у него была святая партийность и правдивость.

Он выступил и сказал:

— Все выступают и все говорят, что знают о других. Я тоже хотел бы сказать, чтобы в партии было известно. Когда я работал в Баку (он работал секретарем Бакинского райкома партии в первые годы Советской власти, еще при жизни Ленина.— **Н. Х.**), то ходили упорные слухи, что Берия во время оккупации Баку английскими войсками, когда было создано мусаватистское правительство, работал в органах контрразведки мусаватистов, а мусаватистская контрразведка работала под руководством английской контрразведки. Таким образом, говорили, что Берия в то время являлся агентом английской разведки через мусаватистскую контрразведку.

Он кончил. Никто не выступил с опровержением или с разъяснением. Даже Берия не выступал ни с какой справкой.

Однако сейчас же после заседания Центрального Комитета Гриши Каминского уже не было, он был арестован и бесследно исчез.

Меня всегда мучил этот вопрос, потому что я очень верил Грише Каминскому. Я знал, что Гриша никогда ничего не выдумает сам, он скажет только правду, то, что он знает.

Прошло какое-то время, и встал вопрос о Ежове.

Сначала я столкнулся с таким делом. Наркомом внутренних дел на Украине был Успенский. Успенского я знал и хорошо к нему относился. Он был работником центрального аппарата при Ягоде, но работал еще и при Менжинском. Человек он русский, хотя фамилия его польская. Затем он работал уполномоченным НКВД по Московской области, после этого был комендантом Кремля. С этого поста его послали наркомом внутренних дел Украины. ЦК ему доверял, и я считал, что это доверие вполне обоснованно. Когда я приехал на Украину, он уже был там. В это время о некоторых действиях НКВД у меня уже начало складываться неприятное впечатление.

К тому моменту позиции Ежова пошатнулись. Окончательному его падению предшествовал такой эпизод.

Как-то звонит мне Сталин и говорит:

— Вот есть показания на Успенского, которые у нас не вызывают сомнений.

По телефону мне послышалось, что он говорит об Усенко, а не об Успенском. Был в Киеве такой Усенко, кажется, комсомольский работник. На него тоже были показания.

Сталин говорит:

— Можете вы его арестовать сами?

Я говорю:

— Конечно, можем, если будет поручено.

— Так вот, вы его арестуйте.

Когда он стал уточнять детали, то я понял, что речь идет об Успенском — наркоме внутренних дел.

Только я положил трубку, опять Сталин звонит:

— Я вам говорил об Успенском. Так не нужно ничего делать. Мы это сами сделаем. Мы его отзовем в Москву и по пути арестуем.

Я к этому времени собрался ехать в Днепропетровск. Я уехал, а Успенский был отозван в Москву. У меня было предчувствие, что Успенский не поедет в Москву, что он догадывается, почему его отзывают, что он может быть арестован.

Поэтому, уезжая, я сказал, не раскрывая всего, Коротченко, он был Председателем Совета Народных Комиссаров на Украине:

— Ты позванивай по делам к Успенскому, понаблюдай за ним. Ведь ты остаешься вроде как за меня, секретаря ЦК.

Я утром приехал в Днепропетровск, и тут мне звонит Берия. Не Ежов, а Берия:

— Вот ты там ездишь, а Успенский сбежал.

— Как?

— А вот так, сбежал.

Я срочно вернулся в Киев. Действительно, Успенского нет. Он оставил записку, что кончает жизнь самоубийством, бросается в Днепр. Обыскали Днепр водолазами и всякими «кошками», неводами. Ничего там не нашли. Он исчез бесследно. Потом, когда я был в Москве, Сталин сказал, что это, видимо, Ежов ему сказал.

— Ежов нас подслушал,— говорит,— когда я с вами разговаривал, и предупредил его по телефону, что он будет арестован.

А Ежов как раз звонил Успенскому, чтобы он приехал в Москву. Так ли это было, я не могу сейчас ни отрицать, ни подтверждать. Одним словом, Успенский сбежал. Потом его поймали где-то, кажется, в Воронеже, и он был расстрелян.

К этому времени Сталин уже не раз высказывал свое недовольство деятельностью Ежова. А тут уж Сталин определенно пришел к убеждению, что Ежов — враг народа. Он ему перестал доверять, а раз он не доверял, был уверен, что это Ежов предупредил Успенского об аресте, то и Ежов был арестован.

Ежов был арестован, и все его заместители были арестованы. Всех людей, которые были с ним связаны, арестовали. Тогда такая «тучка» нависла и над Маленковым, потому что Ежов в свое время просил Маленкова назначить к нему замом и, кроме того, Маленков был большим приятелем Ежова. Это всем было известно, и Сталин знал об этом.

Я тоже дружил с Маленковым до этого много лет. Мы работали вместе еще в Московском комитете.

О подозрениях в адрес Маленкова я для себя сделал вывод после такого случая. Когда однажды я приехал с Украины, Берия меня пригласил к себе на дачу:

— Поедем,— говорит,— я один, никого нет. Погуляем, и ты у меня заночуешь.

— Мне все равно, я тоже один.

Мы приехали, погуляли в парке.

Потом он мне говорит:

— Слушай, ты ничего не думал о Маленкове?

— А что я должен думать?

— Ну, вот Ежова арестовали.

— Ну, верно, он дружил с ним,— говорю.— Ты тоже с ним дружил и я тоже. Я думаю, что Маленков честный, безупречный человек.

— Нет, слушай, ты все-таки подумай. Ты вот и сейчас с Маленковым дружишь, подумай.

Ну, я подумал, а вывода не сделал и продолжал с ним дружить. Когда я приезжал в Москву, то всегда бывал у Маленкова на даче в выходной день.

Я думаю, что это сказал Сталин, чтобы Берия меня предупредил о Маленкове.

Позже Маленков очень сблизился и сдружился с Вознесенским, а потом он стал неразлучным другом с Берия.

После ареста Ежова Берия набрал силу. Он занялся расстановкой кадров. После Успенского у нас на Украине не было наркома. Он прислал исполняющим обязанности наркома Кабулова, младшего брата Кабулова, который был заместителем Берия в Наркомате внутренних дел СССР. Он с Берия работал в Грузии, этот Кабулов.

Это был мальчишка, и довольно неподготовленный. Об этом можно судить хотя бы вот по такому эпизоду. Он пришел в ЦК и доложил, что есть группа украинских националистов и они ведут антисоветскую работу.

Я говорю:

— Возможно, и есть. Кого вы имеете в виду? Может быть, вы знаете фамилии?

— Вот такие-то и такие-то,— и назвал мне нескольких писателей и других людей интеллектуального труда.

Я знал их. Я сейчас не помню, о ком шла речь, кажется, он упоминал Рыльского.

Я говорю:

— Возможно, но только эти люди не ведут антисоветской работы. Они могут проявлять, высказывать какое-то недовольство, но это не антисоветские люди. А в чем их обвиняют, агент что пишет?

— А вот они собираются, выпивают и поют песни.

— Ну, и что же? А какие песни?

— А вот они поют такую песню: «где ты ходишь, моя доля, не докличусь я тебе».

Я засмеялся:

— Вы армянин, не знаете украинской культуры. Агент ваш издевается над вами, раз он пишет такие вещи. Эту песню поют все. Если мы с вами когда-нибудь будем в компании, то я не даю гарантии, что не присоединюсь к тем, кто ее поет. Это очень хорошая народная песня.

Вот уровень человека, исполняющего обязанности наркома!..

В это же время Цанава был послан в Белоруссию. Одним словом, Берия рассылал повсюду свои кадры.

Я уже и раньше говорил, что к этому времени сложилось такое положение, что все кадры на выдвижение на партийную, хозяйственную и военную работу проходили через «святилище» НКВД. Таким образом, он становился главным лицом в партии, в стране, потому что все кадры выдвигались только с согласия Берия.

Время шло. Мы с Берия встречались у Сталина, и я начинал лучше познавать его. В те времена я хорошо к Берия относился. Потом я был потрясен его двуличием.

Берия мог (я поражался, как это возможно) у Сталина за обедом выдвигать какой-то вопрос, и, если Сталин его отвергал, он сейчас же на кого-то другого смотрел и говорил:

— Я же тебе говорил, что этот вопрос не надо выдвигать.

Я не понимал, просто глаза и рот раскрывал, как это можно при Сталине. Сталин молчит, он же видит и слышит, что этот вопрос выдвигал Берия. Вот такое вероломство. По мере того, как Берия укреплялся, эти наглость и вероломство все время увеличивались.

Я раньше слышал, что когда-то заместителем наркома госбезопасности в Грузии, заместителем Берия был Реденс. Реденса старые кадры знают. Я с ним познакомился, когда он был в Грузии, а затем неоднократно с ним встречался, когда он работал уполномоченным НКВД по Московской области. Кроме этого, я с ним часто встречался в домашней обстановке у Сталина, на семейных обедах. Реденс был женат на Анне Сергеевне — сестре жены Сталина Надежды Сергеевны Аллилуевой. Что же Берия сделал, чтобы выдворить Реденса? Берия задался целью вышибить Реденса из Грузии, потому что он, видимо, хотел, чтобы Сталин не имел информатора, кроме него самого.

Так что он сделал? Он своим людям поручил заманить в какой-то кабачок Реденса. Они использовали его слабость, напоили его, а потом оттуда вывели и бросили на какой-то улице, буквально в сточную канаву. В это время вроде милиция ехала и увидела, что он лежит в таком неблаговидном месте. Поставили вопрос перед Сталиным, что он дискредитировал себя. Так Реденс ушел из Грузии и попал в Московскую область уполномоченным НКВД. Вот каким провокатором был Берия.

Потом, когда устранили Берия, Центральный Комитет получил письмо, я не помню сейчас фамилию, от бывшего заключенного — грузина. Он написал большое письмо и там перечислил, сколько людей в Грузии стали жертвами Берия путем подобных провокаций.

Во время войны Берия совсем обнаглел. Здесь Сталин утратил и контроль, и даже волю потерял в период нашего отступления, а Берия стал, так сказать, грозою партийных кадров.

После войны тут уже и говорить нечего. Берия стал членом Политбюро. Маленков тоже набрал силу. Хотя у Маленкова периодически менялось положение и во время войны, и после войны. Один раз Сталин даже его устранил из ЦК и выслал в Среднюю Азию. Тут Берия подал ему руку помощи, и затем они стали неразлучными друзьями. Сталин в шутку, бывало, у себя за обедом называл их «два жулика», но не в оскорбительном тоне, а дружески: где, мол, эти два жулика.

Я видел, что Берия буквально обнаглел во всех вопросах. Ничего нельзя было решить без него. Сталину нельзя было ничего доложить, не заручившись поддержкой Берия, потому что Берия, если будешь докладывать Сталину при нем, обязательно твой вопрос всякими вопросами, контрвопросами дискредитирует в глазах Сталина и провалит.

Я видел и «дружбу» эту Маленкова и Берия. Берия не уважал, не ценил Маленкова, а преследовал при этом свои политические цели.

Он мне как-то сам сказал:

— Слушай, это безвольный человек. Он такой козел. Он может прыгнуть, если его не держать. Поэтому я его держу, с ним хожу. Он русский человек, культурный человек, он может пригодиться.

Вот это «пригодиться» — главное было у Берия в дружбе с Маленковым.

С Маленковым и Булганиным мы дружили еще, когда я работал в Московской организации. Мы часто проводили вместе выходные дни, на даче мы все вместе жили. Поэтому, несмотря на то, что Маленков проявлял некоторую наглость в отношении меня во время войны, особенно когда Сталин высказывал недовольство мною, я с ним не порывал.

Уже после войны как-то мы приехали в Сочи к Сталину по вызову; я с Украины, а Маленков и другие из Москвы. Какие-то вопросы разбирали, потом вышли, и мы ходили вдвоем с Маленковым, гуляли.

Я Маленкову тогда сказал:

— Я удивляюсь, неужели ты не видишь и не понимаешь, как Берия к тебе относится?

Он молчит.

— Ты думаешь, он тебя уважает? По-моему, он издевается над тобой.

В конце концов Маленков ответил:

— Да, я вижу. Но что я могу сделать?

— Что ты можешь сделать? — говорю.— Я хотел бы, чтобы ты видел и понимал. Это верно, что сейчас ты не можешь ничего сделать.

К 50-м годам у меня сложилось впечатление, что, когда умрет Сталин, все нужно сделать, чтобы не допустить Берия занять ведущее положение в партии, потому что тогда конец партии. Я даже считал, что это могло привести к потере завоеваний революции, что он повернет развитие в стране не по социалистическому пути, а по капиталистическому. Такое у меня было мнение.

Перевод меня в Москву после войны как бы противопоставлял нас, связывал Берия руки. Сталин ко мне хорошо относился, как мне казалось, доверял мне и ценил.

В последние годы жизни Сталина Берия все резче и резче проявлял в узком кругу неуважение к Сталину. Более откровенные разговоры он вел с Маленковым, но он вел их и в моем присутствии.

Признаюсь, меня это несколько и обижало, и настораживало. Особенно настораживало. Такие неуважительные и оскорбительные выпады против Сталина со стороны Берия я рассматривал как провокацию, желание втянуть меня в эти антисталинские провокационные разговоры, с тем чтобы потом выдать Сталину меня как антисоветского человека, как врага народа. Я уже видел вероломство Берия, и поэтому я был настороже. Я слушал, уши не затыкал, но никогда не ввязывался в эти разговоры и никогда не поддерживал их. Несмотря на это, Берия продолжал в том же духе.

Он был больше чем уверен, что ему ничто не угрожает. Он, конечно, знал, что я не способен сыграть роль доносчика. Потом я знал, что Сталин и Берия значительно ближе, чем Сталин и Хрущев, поэтому милые бранятся, только тешатся. Два кавказца, два грузина между собой всегда договорятся.

Я всегда думал, что это провокация, желание втянуть меня в разговоры с тем, чтобы потом выдать и уничтожить. Это провокационный метод. А Берия на это был мастер, он был на все способен, на все гнусное. Поэтому я очень настороженно относился к нему.

Я не знаю, насколько он позволял такие выражения в присутствии Молотова и Ворошилова. В присутствии Кагановича он, безусловно, этого не делал, потому что он Кагановича не только не ценил, но очень ненавидел.

Каганович сам обладал гнусным характером, но это был подхалимский характер. Мы другой раз одергивали Кагановича, когда он нападал на Ворошилова или на Молотова, когда почувствовал, что Молотов потерял доверие у Сталина и можно лягать лежачего. Это безопасно, а раз безопасно, то, значит, можно. Морали другой у него не было. Он уважал только того, от кого зависел и кто мог нанести ему удар.

В феврале 1953 г. Сталин заболел*.

Когда он был при смерти, мы попарно ночью дежурили при нем. Я с Булганиным был откровенен больше, чем с другими, и доверял ему свои сокровенные мысли.

Я ему сказал:

— Николай Александрович, видимо, сейчас мы находимся в таком положении, когда Сталин уйдет от нас, умрет. Он не выживет, да и врачи-профессора говорят, что он не выживет. Ты знаешь, какой пост для себя возьмет Берия?

— Какой?

Я говорю:

— Он возьмет пост министра госбезопасности. (Тогда были разделены гос-

* Отрывок «Воспоминаний» «Смерть вождя» см. в № 37 «Огонька» за 1989 год.— Прим. ред.

безопасность и Министерство внутренних дел.) Нельзя никак допустить этого. Если он возьмет пост министра госбезопасности — это начало нашего конца. Он возьмет его только для того, чтобы истребить, уничтожить нас, и он это сделает. Этого никак нельзя допустить, никак нельзя.

Он сказал, что со мной согласен, и мы стали обсуждать, как будем действовать.

Я говорю:

— Поговорю с Маленковым. Думаю, что Маленков тоже такого мнения. Он тоже должен все понимать. Надо что-то сделать, потому что иначе для партии будет катастрофа. Этот вопрос касается не только нас, хотя и нам не хотелось попасть под нож Берия. Это возврат к делам 1937—1938 годов, а может быть, даже еще хуже.

Тогда у меня уже закрались сомнения. Я Берия не считал уже коммунистом. Я считал, что этот человек пролез в партию. У меня в сознании маячили слова Гриши Каминского, что он был агентом английской контрразведки, что этот волк в овечьей шкуре пробрался в партию, влез в доверие к Сталину и занял такое высокое положение.

К тому времени я уже видел, что Сталин тяготился им, и не только тяготился, а мне казалось, что были периоды, когда Сталин боялся Берия. На эти мысли наталкивал такой инцидент. Я о нем хочу рассказать. Как-то мы сидели у Сталина, и вдруг Сталин смотрит на Берия и говорит:

— Почему сейчас окружение у меня оказалось все грузинское? Откуда оно взялось?

Берия говорит Сталину:

— Это верные вам, преданные люди.

— Почему грузины мне верны и преданны, а русские что, не преданны и не верны, что ли? Убрать!

Тут, как говорится, как рукой сняло этих людей. Сразу их убрали. Берия ходил как побитый.

Я тогда подумал (возможно, и другие так думали, но мы по этим вопросам между собой не обменивались мнениями), что Сталин просто боится Берия, потому что Берия способен через своих людей сделать со Сталиным то, что он делал с другими по поручению Сталина: уничтожал, травил и прочее. И поэтому Сталин, видимо (если за Сталина рассуждать), справедливо считал, что раз Берия способен сделать это, и сделать чисто с другими, то почему это он не может сделать и со мною, то есть со Сталиным? Поэтому надо убрать окружение, через которое он имел доступ и к кухне и прочее. Он их и убрал.

Но Сталин не понимал, потому что стар был, что тогдашний нарком госбезопасности Абакумов докладывал ему уже после того, как он эти же вопросы докладывал Берия и получал указания, как докладывать Сталину. Сталин думал, что он свежего молодого человека выдвинул и что тот теперь делает то, что Сталин говорит. А этого не было на самом деле. Вот так.

Подкрепляет мое мнение, что Сталин тяготился и даже боялся Берия, и то, что Сталин выдумал мингрельское дело. Он продиктовал тогда решение, и оно было опубликовано, что мингрелы связаны с турками, среди них есть силы, которые ориентируются на Турцию. Конечно, это была чепуха. Я считаю, что это была акция, направленная Сталиным против Берия, потому что Берия — мингрел. Таким образом, он готовил удар против Берия. Тогда много было произведено арестов, и опять Берия ловко вывернулся. Он ловко влез в это дело уже как нож Сталина и начал вести расправу с этими мингрелами, выдуманными врагами. Бедные люди. Тащили их на плаху, как баранов.

Я не все сейчас могу припомнить, но были и другие факты, которые говорили о вероломстве Берия и недоверии Сталина к Берия.

Мы договорились обо всем с Булганиным на этом дежурстве.

...Сейчас же, как только умер Сталин, Берия сел в машину и уехал в Москву. А были мы на ближней даче за городом. Мы решили немедленно вызвать всех членов Бюро или даже членов Президиума. Не помню сейчас. Пока они не приехали, Маленков расхаживал по комнате, видно, тоже волновался.

Я решил с Маленковым поговорить. Я подошел к Маленкову и говорю:

— Егор, надо мне с тобой поговорить.

— О чем? — отвечает он так холодно.

— Вот Сталин умер. Есть о чем говорить. Как мы дальше будем?

— А что говорить? Вот съедутся все, и будем говорить. Для этого и собираемся.

Казалось, очень демократичный ответ. Но я-то по-другому понял. Я понял так, как было на самом деле, что уже давно все вопросы оговорены с Берия и все уже давно обсуждено.

— Ну, ладно,— говорю,— тогда потом поговорим...

Собрались все. Все увидели, что умер Сталин. Приехала Светланка. Я ее встретил, и когда встретил, то очень разволновался и заплакал. Я не мог сдержаться. Искренне мне было жалко Сталина, искренне я оплакивал его смерть. Я оплакивал не только Сталина, а я волновался за будущее партии, за будущее страны, потому что я уже чувствовал, что сейчас Берия будет заправлять всем, что это начало конца. Я не верил, я не считал уже Берия коммунистом к этому времени. Я считал его вероломным человеком, готовым на все. В идейном отношении я его уже не признавал за коммуниста, а насчет расправы, так он был мясник, убийца.

Началось распределение портфелей. Сейчас же Берия предложил Маленкова назначить Председателем Совета Министров с освобождением от обязанностей секретаря ЦК. Маленков тут же предложил своим первым заместителем утвердить Берия и слить два Министерства — госбезопасности и внутренних дел — в одно Министерство внутренних дел и назначить Берия министром. Я молчал, молчал и Булганин. Я волновался, как бы Булганин не выскочил, потому что было бы очень неправильно так поступать.

Я молчал потому, что видел настроение всех остальных. Если бы мы с Булганиным сказали, что мы против, нас бы обвинили, что мы склочники, что мы дезорганизаторы, что мы еще при неостывшем трупе начинаем драку в партии.

Я уже видел, что все идет в таком направлении, как я предполагал.

Почему Берия занял такой пост? Почему он себя так вел? Казалось бы, для него это был очень скромный пост.

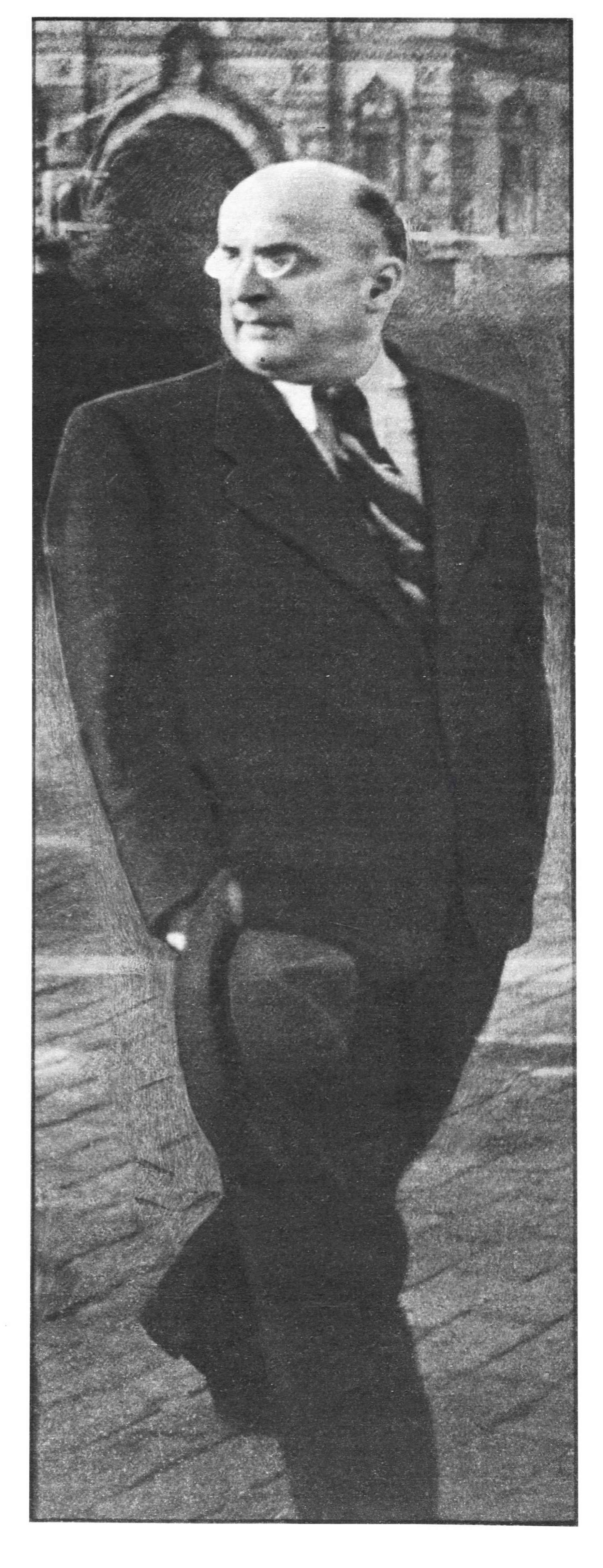
Молотова назначили первым замом, Кагановича тоже. Ворошилова предложили избрать Председателем Президиума Верховного Совета, освободив Шверника. Очень неуважительно выразился в адрес Шверника Берия. Он сказал, что его никто не знает в стране.

Я видел, что это тоже детали его плана — он хочет Ворошилова сделать человеком, который оформлял бы в указах то, что делал бы Берия, когда начнет работать его мясорубка.

Меня Берия предложил освободить от обязанностей секретаря Московского комитета с тем, чтобы я сосредоточил свою деятельность на работе в Центральном Комитете. Провели и другие назначения. Приняли порядок похорон, порядок извещения о смерти Сталина.

Так, собственно говоря, мы лишились Сталина, и так мы приступили к самостоятельной деятельности по управлению государством.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

КАЗИНО

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ

РОМАН

Скрылось за холмами солнце, и небо побагровело. Том Уайтсайд взглянул на часы — восемнадцать минут девятого.

— Поедем по проселку,— сказал он.— Так мы срежем десять миль.

Шила Уайтсайд промолчала. Уже целый час она дулась после ссоры по поводу золотых часов, которые ей хотелось получить на первую годовщину свадьбы. Как заявил Уайтсайд, часы стоят сто восемьдесят долларов, а откуда ему взять такие деньги?

Он покосился на нее. Настроение было паршивое. Ну и отпуск! Он с самого начала догадывался, что его затея с походом на колесах не доведет до добра. Выдумал тоже — поход! А как иначе они могли провести две недели вне дома? Гостиница и даже дешевый мотель им не по карману. А все необходимое для похода он одолжил у друга бесплатно. Вполне приличное снаряжение: большая палатка, кухонные принадлежности и спальные мешки. Но какая это была мука! В первый же день Шила наотрез отказалась готовить. У нее, мол, отпуск. Если гостиница им не по карману, пусть он сам готовит. И вообще ведет хозяйство. А она будет загорать и бить баклуши.

У Тома свело скулы при воспоминании о двух минувших неделях. Он так и не научился управляться с газовой плиткой. Ели то горелое, то недоваренное. Шила в купальнике, едва прикрывающем стыд, нежилась на солнышке, и Том чуть не рехнулся от постоянной близости ее наготы.

Он с раздражением напомнил себе, что за все четырнадцать дней между ними не было и намека на любовь. Несколько раз он пробовал подступиться к ней днем, но Шила быстро его отвадила.

В чем же дело, ломал он голову, почему такая красивая женщина, с такой фигурой — и холодная, как лед? Вот влопался! С виду подумаешь... а все его друзья так и думают... огонь баба: высокая, широкоплечая, грудастая, с узкой талией, широкими бедрами и длинными стройными ногами. Естественно было рассчитывать, что ко всему прочему она еще и страстная, однако здесь он горько ошибся.

Дешевенький восьмилетний автомобиль нехотя тащился по шоссе Майами — Парадиз-Сити. Тому припомнился тот день, когда он впервые познакомился с Шилой.

Том дожил до тридцати двух лет, так и не добившись успеха. Он был внештатным коммивояжером в городском отделении «Дженерал моторз». Рослый, плечистый, темноволосый, с приятными, но весьма заурядными чертами лица, Том с тех самых пор, как окончил школу, только и думал о достатке. Он принадлежал к мечтателям. Мечтал о богатстве, а сам не горел желанием и не умел делать деньги.

Если бы не его отец, покойный уже доктор Джон Уайтсайд, Том давно остался бы без работы. Но несколько лет назад доктор Уайтсайд спас жизнь супруге Клода Локинга. Такого управляющий отделением «Дженерал моторз» Локинг не мог забыть.

Четырнадцать месяцев назад Том перегнал «кадиллак» богатому клиенту в Майами и в уплату за часть стоимости забрал его «олдсмобил».

В Парадиз-Сити Том возвращался на «олдсмобиле» и чувствовал себя человеком. Вот какая у него должна быть машина!

Ехать из Майами было жарко и далеко. Часов в девять Том подъехал к мотелю «Добро пожаловать». После ужина он пошел в свой домик, принял душ и лег спать.

Он был усталый, сытый и довольный. Теперь предстоял сладкий сон, но стоило ему выключить свет, как в соседнем номере включили радио. Минут двадцать Том лежал, проклиная шум и надеясь, что радио выключат. В начале двенадцатого он зажег свет, надел халат и раздраженно постучал в соседнюю дверь.

Через некоторое время дверь открылась.

Том часто вспоминал первую встречу со своей будущей женой. Она была одета в голубой шерстяной свитер, плотно облегавший пышную грудь. Черная юбка сидела на ней, будто нарисованная, едва прикрывая длинные голые ноги с узкой стопой, обутые в сандалии на пробковой подошве.

— Вам наверняка мешает мое радио,— сказала она.— Угадала?

— В общем...

— Ладно, выключу. Извините.— Она кивнула на «олдсмобил».— Ваша?

— Да,— не задумываясь соврал Том.

— Ну и машинка.

Он ухмыльнулся.

— Ну и девочка.

Они рассмеялись.

— Что же вы стали на пороге? — Она посторонилась.— Меня зовут Шила Аллен.

— А меня — Том Уайтсайд. Не подумайте, что я зануда. Просто хотелось выспаться.

Она показала ему на кресло и присела на кровать. Юбка у нее уехала вверх, и его взору открылась гладкая, белая кожа. Он отвел глаза, потер подбородок и сел.

— Везет вам, вы можете уснуть,— проговорила она.— А мне не спится. Не знаю, почему так. Раньше двух никогда не засыпаю.

Шила вынула из пачки две сигареты, прикурила обе и одну протянула Тому. На фильтре остался мазок ее помады. Он с чувственным удовольствием зажал сигарету в губах.

— Вы случайно не поедете утром в Парадиз-Сити? — спросила она.

— Обязательно. Я там живу. А вы туда?

— Да. Часов в девять будет автобус...

— Поехали со мной.

— Я надеялась, что вы это предложите. Вы там работаете?

— Да... в «Дженерал моторз».

— Ух ты! Теплое, наверно, местечко.

Он снисходительно махнул рукой.

— Жить можно. Я отвечаю за весь наш округ. Да, грех жаловаться. А вы зачем в Парадиз-Сити?

— Ищу работу. Как думаете, удастся что-нибудь найти?

— Еще бы... такая девушка. А какую именно?

— Вообще-то я почти ничего не умею... официанткой... горничной... в таком роде.

— Предоставьте это мне. Я знаю город как свои пять пальцев. Вы откуда?

— Из Майами.

— А почему вы решили, что в Парадиз-Сити лучше?

— Просто для смены обстановки. Обожаю менять обстановку.

— Что ж...— Он еще посмотрел на нее, потом встал.— Завтра я выезжаю в девять. Вас это устроит?

— Вполне.— Она поднялась, разгладила юбку и подошла к нему вплотную.— Если хотите, я расплачусь за услугу. Большинство мужчин не отказалось бы от такой платы,— и она кивнула в сторону кровати.

Том вдруг понял, что относится к этой девушке гораздо серьезнее, чем к случайной попутчице, с которой можно наскоро переспать.

— А я отказываюсь,— дрогнувшим голосом сказал он.

Шила наклонилась и слегка коснулась губами его губ.

— Ты мне нравишься... ты милый,— улыбнулась она.

Наутро он отвез ее в Парадиз-Сити. Расставшись с Шилой, он заметил, что непрерывно думает о ней. Вечером следующего дня он заехал за ней. Он без спроса позаимствовал на работе «олдсмобил» и надел свой самый шикарный костюм. Они поужинали в дорогом рыбном ресторане на окраине города.

С тех пор, как родители бросили двенадцатилетнюю Шилу на шоссе, предоставив ее собственной судьбе, она то и дело вступала по разным поводам в противоречие с законом. Сейчас ей было двадцать два. Работала официанткой, платной танцевальной партнершей, участвовала в стриптизе, служила в регистратуре грошовой гостиницы и, наконец, стала одной из многочисленных «телефонных» проституток Майами. Однако ненадолго. Она прикарманила бумажник клиента. Пришлось бежать из Майами. У нее не было желания устраиваться на работу. Том Уайтсайд явно потерял голову, и она рассудила, что ей хватит пятидесяти долларов до свадьбы. Они поженились, когда в кошельке осталось полтора доллара.

Обоих ожидало глубокое разочарование. Шила обнаружила, что Том живет в крошечном, запущенном бунгало, которое досталось ему от отца, и что процветанием здесь и не пахнет. А Том выяснил, что Шила не умеет вести хозяйство. Она оказалась ленивой, холодной и постоянно клянчила деньги.

Том свернул на проселок, по которому можно было выехать через сосновый бор к шоссе на Парадиз-Сити, включил фары. Солнце давно скрылось за горами. Смеркалось.

— Если на то пошло,— обиженно проговорила Шила,— каждый порядочный муж делает жене подарок на годовщину свадьбы. А мне ничего так больше не хочется, как эти часы.

Том вздохнул. Он надеялся, она уже выкинула из головы эти чертовы часы.

— Извини, киса. У нас нет таких денег. Я куплю тебе часы, но подешевле.

— А мне хочется эти часы.

— Да... знаю... ты говорила, но нам они не по карману.

— Какая же я дура, что вышла за тебя. Тебе все не по карману.

— Ты тоже не подарок,— не выдержал Том.— В доме форменный свинарник. Только телевизор умеешь смотреть.

— Да заткнись! — грубо огрызнулась она.— Богач, а боится потратить сто восемьдесят долларов. Дешевка несчастная.

Машина замедлила ход, и Том поднажал на газ, но, несмотря на это, скорость по-прежнему падала.

— Извини, милый,— с издевкой произнесла Шила,— я хочу домой. Нельзя ли ехать побыстрей?

Двигатель дал сбой и заглох. Дорога шла под гору, и Том сразу перевел рычаг скоростей в нейтральное положение. Машина мягко покатилась вниз. Он чертыхнулся.

— Ну что там еще? — набросилась на него Шила.

— Двигатель накрылся.

— Этого только не хватало. И что ты собираешься делать?

Начался подъем, и машина медленно остановилась. Том достал фонарь, вылез из машины и поднял капот. Его хорошо обучили обслуживанию автомобилей «Дженерал моторз», и в считанные минуты он определил, что вышел из строя масляный насос. Тут он был бессилен. Он захлопнул капот, и в это время из машины вылезла Шила.

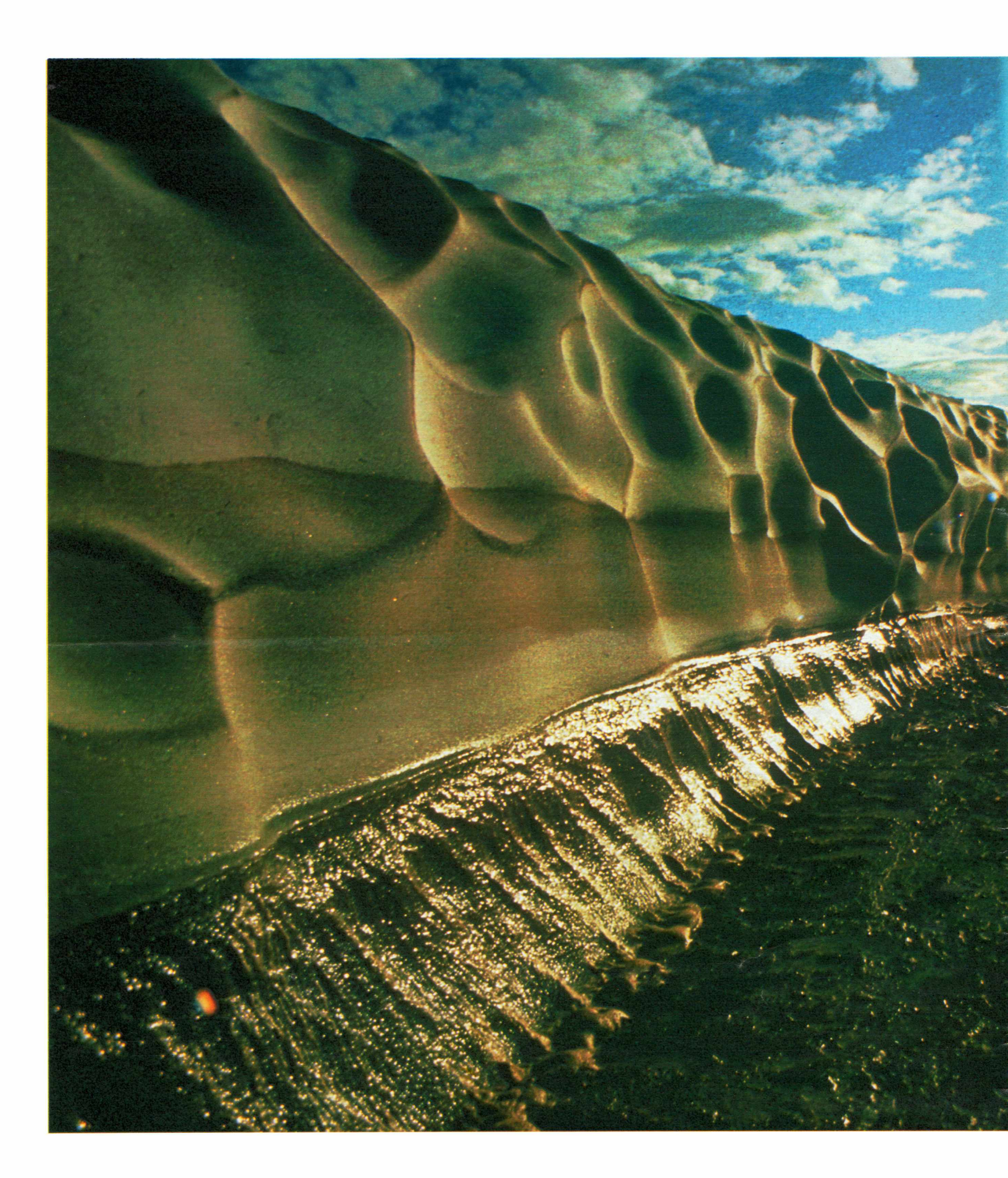
Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—4.

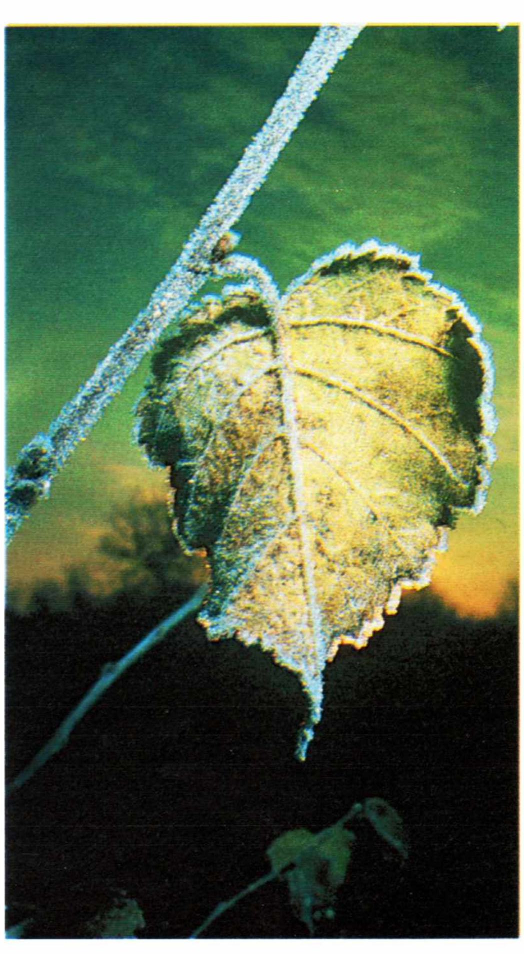
ОГОНЁК

АЛЕКСАНДР КОВАЛЬ

Тема фотографа Александра Коваля — природа. Не топтанная ногами и не тронутая руками жизнь. Съемка природы — давнее увлечение Александра, как и страсть к путешествиям. Собственно фотография была для него поначалу чем-то вроде записной книжки, дневника. О профессии фотографа всерьез не думал, по образованию он астроном.
Работы Коваля привлекают к себе внимание удивительным ощущением бесконечности пространства, поражают своей тишиной и чистотой. Пейзаж существует как бы вне темпа, ритма нашей жизни, говорит о покое, об изначальной мудрости бытия. Как-то Александр сказал, что для него фотография — это образ жизни. Точнее, наверное, и не скажешь.

— Приехали,— сказал он.— Насос полетел. До шоссе пять миль. Если повезет, успеем на последний автобус.
— И не подумаю топать пять миль пешком! Заночуем здесь. Доставай спальные мешки.
Том помялся в нерешительности, потом взял спальные мешки и разыскал корзину с припасами. Он запер машину и посветил фонариком вправо и влево. Увидев перед собой тропинку, Том пошел вперед и оказался на окруженной деревьями поляне.
— Шила! Здесь вполне можно заночевать. Иди сюда. Есть будешь?
Мейски, лежа в пещере, услыхал голос Тома. Похолодев от страха, он сел.
Спотыкаясь и недовольно бурча себе под нос, Шила выбралась на поляну. Том уже разложил спальные мешки и открыл корзину.
Она села на один из мешков и закурила.
— Достойное завершение великолепного отпуска. Ну и дела!
Том раскопал в корзине несколько заветренных ломтей ветчины, полбатона черствого хлеба и початую бутылку виски.
Он, не скупясь, разлил по стаканам виски и протянул Шиле ветчину с хлебом. Та, недолго думая, зашвырнула еду в кусты.
— Лучше голодать, чем жрать такую гадость! — возмутилась она и залпом проглотила виски.
— Валяй... голодай,— отозвался Том.— Ты меня доконала сегодня.— Он принялся уплетать ветчину.
Мейски оставил свое лежбище из одеял и подполз к выходу из пещеры. Он попытался разглядеть через ветви, что делается внизу, на поляне. Из-за темноты ничего не было видно, только доносились голоса, да и то неразборчивые на таком расстоянии.
Том покончил с едой, потом снял ветровку, ботинки и залез в спальный мешок. Шила уже улеглась.
— Только постарайся не храпеть, ладно? Не хватало мне еще твоего храпа для полного счастья.
— Пошла бы ты к черту! — буркнул Том и закрыл глаза.

Сержанту Патрику О'Коннору по прозвищу Пузырь был шестьдесят один год. Шести футов трех дюймов роста, с огромным животом, благодаря которому получил прозвище, с красной физиономией и редеющими белесыми волосами, он из всех сержантов пользовался наибольшей неприязнью сослуживцев.
На следующий год он собирался уйти в отставку. Собирая дань с проституток, сутенеров, торговцев наркотиками и гомосексуалистов, которые обитали в его районе, О'Коннор сколотил кругленькую сумму. За десятку он с готовностью закрывал глаза на правонарушения, и хотя брал он по-божески, но за сорок лет скопился немалый капиталец.
Когда Беглер велел О'Коннору взять патрульных Майка Коллона и Сэма Уэнда и обыскать пятьсот бунгало, где могут скрываться разыскиваемые грабители, тот выпучился, не веря своим ушам.
Проклиная несчастную судьбу, О'Коннор поплелся на оружейный склад. На складе его уже поджидали Майк Коллон и Сэм Уэнд. Оба были молоды и ретивы. Только таких баламутов, посетовал про себя О'Коннор, ему и не хватало.
— Ну, что, парни,— произнес он вслух,— берите оружие и пошли.
О'Коннор получил у сержанта-оружейника автоматическую винтовку с патронами, и тот ухмыльнулся без капли сочувствия.
— Береги брюхо, Пузырь. Не дай бог, продырявят. Небось столько газа выйдет, что можно будет целую неделю город освещать.
— Нечего скалиться! — огрызнулся О'Коннор.— Тебе хорошо... ты только выдаешь оружие. А я должен пускать его в дело!
В начале седьмого они подъехали к первой веренице летних домиков, выстроившихся вдоль берега моря неподалеку от Казино.
— Ну, парни, приступайте,— сказал О'Коннор.— Что делать, сами знаете. Выяснить, кто хозяин. Если давно здесь живут, оставить в покое. Если снимают, сделать обыск. Я останусь тут и обеспечу прикрытие.
Уэнд посмотрел на него в упор.
— Что обеспечите, сержант? — переспросил он.
— Оглох? Прикрою вас отсюда,— рявкнул О'Коннор.
Патрульные брезгливо переглянулись и зашагали к домам. Оба отдавали себе отчет в грозящей опасности, но даже не подумали уклониться. Они никогда не уважали Пузыря, а такая неприкрытая трусость и вовсе вызвала презрение.
— Ни пуха, Майк,— сказал Уэнд, открывая деревянную калитку первого дома.— Гляди в оба.
— Ты тоже,— отозвался Коллон и направился по переулку к соседнему бунгало.
Поиск продвигался довольно споро и безрезультатно. Часам к восьми обошли сорок домов, и уже начало смеркаться. О'Коннор сидел в машине, вытянув ноги, и дремал.
Осмотр последнего дома в длинном ряду ничего не дал, и они вернулись к полицейской машине.
— Долго нам еще так развлекаться? — спросил Уэнд очнувшегося от дремы О'Коннора.
— Теперь поедем на Южный Берег,— ответил тот, пытаясь скрыть сонливость.— Шеф не отменял приказа.
— А не хотите ли подсобить нам, сержант? — насмешливо поинтересовался Уэнд.— Если добавится лишний человек, мы гораздо быстрей сделаем свое дело.
— Здесь я командую,— отрезал О'Коннор.— Садитесь и поехали.
Машина проследовала вдоль берега, мимо большой купы пальм и приблизилась к другой длинной веренице домов. Сами того не зная, полицейские оказались в пятистах ярдах от бунгало Мейски. Держа винтовки наготове, прошли по песчаной дороге, разделились и снова начали стучаться в дома.
В это время Миш Коллинз отодвинул от себя тарелку и тихонько рыгнул. Давно ему не доводилось так вкусно поесть. Он с искренним восхищением поглядел на сидящую напротив Лолиту.
— Пальчики оближешь! — проговорил он.— Ну, Джесс, у тебя и вправду губа не дура.
Чандлер отложил нож и вилку и ухмыльнулся.
— Лолита у меня особенная.— Он погладил ее по руке.
— Ох, мужчины... Раз женщина умеет готовить, так вы уже и таете.— Она проворно собрала грязную посуду и отнесла ее на кухню.
Миш поднялся со стула.
— Пойду глотну воздуха.
— Смотри, осторожно.
Миш ухмыльнулся.
— Не дрейфь, Джесс, я знаю, что делаю.
Когда он вышел из бунгало, Чандлер отправился на кухню, где Лолита кончала мыть посуду.
— Тебе помочь? — спросил он.
— Уже все.— Она сняла фартук, шагнула к Чандлеру. Он обнял ее, и она крепко прижалась к нему.— Где Миш?
— Дышит воздухом.— Руки Чандлера скользнули по спине к ее бедрам.— Пойдем в постель, детка.
— Я только этого и жду.
Они поцеловались и в обнимку перешли по коридору из кухни в спальню. Чандлер хотел было затворить за собой дверь, но услыхал, как вернулся Миш. Тот явно спешил. Чандлер насторожился. Он подал предостерегающий знак Лолите и вышел в коридор.
— Там на дороге полицейская машина,— взволнованно сообщил Миш.— Осматривают все дома. Через полчаса будут здесь... У них автоматические винтовки.
В дверях, застегивая «молнию» на платье, показалась Лолита.
— В чем дело?
— Фараоны... осматривают дома,— ответил Чандлер. Миш показал на дверцу в потолке.
— Мы заберемся наверх.
— Включи радио,— сказал Чандлер Лолите,— когда придут...
Она была гораздо спокойнее Коллинза и Чандлера.
— Знаю. Не нужно никаких указаний. Я все улажу, Джесс.
— Это может плохо кончиться, детка,— предупредил Чандлер. В нем неожиданно проснулась совесть. Он не имел права требовать от нее такой жертвы.— Тебе лучше уйти. Еще есть время...
— Лезь наверх и не волнуйся. Я все улажу.
Он притянул ее к себе.
— Ты не пожалеешь. Когда мы вырвемся из этой мышеловки...
— Знаю, Джесс.
Миш принес из кухни стремянку. Он открыл чердачный люк и, подтянувшись, исчез в душной пустоте между крышей и потолком.
Чандлер поцеловал Лолиту и тоже залез на чердак.
— У тебя все получится, как надо,— сказал он сверху.— Я люблю тебя.
— И я тебя,— ответила она и отнесла стремянку на кухню.
— Запомни, Джесс,— раздался в темноте голос Миша.— либо мы, либо они. Живым я не дамся.
Уже в одиннадцатом часу Уэнд и Коллон обогнули густые заросли высокого тропического кустарника и неожиданно вышли к бунгало Мейски.
Оба остановились как вкопанные и до боли в потных руках сжали свои винтовки. Они пригляделись к стоящему особняком дому и за шторами в одном из окон увидели полоску света.
— Если они где и затаились,— сказал Коллон,— то не иначе как здесь.
Оба полицейских так издергались за четыре часа непрерывных поисков, что замерли в нерешительности.
— Слушай, Майк,— сказал Уэнд,— с меня довольно. Пусть туда идет Пузырь.
— Согласен.
Они повернули назад, обойдя пальмы, вышли на берег и помахали О'Коннору, сидевшему в машине. О'Коннор подъехал к ним.
— В чем дело? — злобно спросил он, высунувшись в окно.
— Там, за деревьями, дом на отшибе,— ответил Уэнд.— Мы считаем, сержант, вы должны сами проверить его.
— Какого черта?! — заорал О'Коннор.— Марш в дом. Это приказ.
— Вполне возможно, что они там,— сказал Уэнд.— Либо вы пойдете с нами, либо я подам начальству рапорт.
О'Коннор чуть не лопнул от ярости.
— О чем это?
— О том, что нас вы отрядили искать бандитов, а сами просиживали свою толстую задницу в машине. И я сделаю это, Пузырь, даже если меня вышвырнут из полиции.
О'Коннор отер пот с лица, вылез из машины.
— Вы нарываетесь на неприятности,— прошипел О'Коннор.— Ладно, сейчас вернемся в управление, и я на обоих составлю протокол.
— Замечательно. Шеф будет в восторге,— сказал Уэнд.— Мы нашли то самое место, где могут скрываться бандиты, а ты наложил в штаны и поехал составлять протокол. Давай, сержант, если тебе так хочется. Только, считай, пенсия тю-тю.
О'Коннор замялся, но понял, что деваться некуда. Ворча себе под нос, он медленно побрел по песку, пока не заметил бунгало, стоящее в стороне от других. Он замер. Теперь было ясно, что имели в виду эти щенки. Как раз в таком месте могли прятаться разыскиваемые.
— Пойдете дальше, сержант,— вежливо полюбопытствовал Уэнд,— или здесь заночуем?
О'Коннор медленно двинулся вперед. У него подгибались ноги. Его подчиненные шли следом. Он добрался до деревянной калитки, за которой начиналась короткая дорожка к дому. Тут он остановился.
— Я обойду с тыла,— сказал Коллон и исчез в темноте.
Как только они остались вдвоем, О'Коннор взмолился:
— Послушай, Сэм, я старый человек. Иди первый.
— То-то и оно, сержант, что я молодой. Мне еще жить и жить.
О'Коннор в бешенстве набросился на него.
— Слушай, щенок, я так изгажу тебе жизнь, что взвоешь! Это неисполнение приказа. Слышишь! Пошел... стучи в дверь!
— Лучше изгаженная жизнь, чем никакой,— ответил Уэнд.— Сам стучи. Мы уже свое отбарабанили.
В это время дверь открылась, и в лунном свете появилась девушка. Ее силуэт выделялся на фоне освещенного дверного проема. Она была в коротком белом платье, которое просвечивало.
О'Коннор вздохнул с облегчением. Не веря своему счастью, он зашагал по дорожке навстречу вышедшей к нему девушке.
— Что-нибудь случилось? — спросила она.— Вы ведь из полиции?
Уэнд стал за его спиной. Оба не отрывали глаз от девушки, а она переводила взгляд с одного на другого.
— Вы здесь живете? — спросил О'Коннор, сдвинув фуражку на затылок и вытирая несвежим носовым платком потный лоб.
— Конечно,— и она одарила его ослепительной улыбкой.
— Не возражаете, если мы заглянем в дом? — спокойно спросил Уэнд. Он все присматривался к девушке, вспоминая, где мог видеть ее раньше. А видел наверняка. В этом он не сомневался.
— Идемте... смотрите. А что вы ищете?
Уэнд подался было вперед, но О'Коннор поймал его за руку.
— Хватит давить на психику всем подряд,— проворчал он.— Незачем беспокоить молодую леди. Пойдем, у нас еще дел по горло.
Коллон, заслышав голоса, вышел из-за дома.
— Пошли... пошли,— нетерпеливо позвал О'Коннор. Он безумно обрадовался, что все обошлось, и ему не терпелось убраться восвояси.— Оставьте ее в покое.— И, козырнув девушке, он зашагал прочь.
И вдруг Уэнда осенило: ведь она же поет и играет на гитаре в припортовом ресторанчике. Он мигом сообразил, что девице ее пошиба не по средствам снимать дом в таком районе.
Она улыбалась.
— Хотите зайти?
— Да... зайду. Показывайте дорогу.
Она повернулась и, покачивая бедрами, вошла в бунгало.
— Славная пташка,— причмокнул Коллон.
— Будь начеку,— шепнул ему Уэнд.— Дело нечисто.
Он снял винтовку с предохранителя. Коллон при виде его бледного, напряженного лица почуял опасность, и у него пробежали мурашки по коже.
Уэнд шагнул в дом. Коллон, поняв, что Уэнд заподозрил неладное, тоже снял винтовку с предохранителя и пошел за ним по пятам.

Рисунок
Вячеслава
ЛОСЕВА

— Останься здесь,— тихонько проговорил Уэнд,— и прикрой меня. Гляди в оба!

Он прошел в гостиную. Первое, что бросилось ему в глаза,— это пепельница, полная окурков.

Лолита включила радио.

— Ну вот... смотрите. Может, выпьете чего-нибудь?

— Нет, спасибо,— поблагодарил Уэнд, вышел из гостиной и заглянул в кухню. Там он заметил на сушилке три тарелки, а рядом — три вилки и три ножа, и у него засосало под ложечкой. Уэнд по очереди открыл двери в три спальни. В самой большой из них увидел на спинке стула мужской красно-синий галстук.

Он вышел в коридор, посмотрел по сторонам, потом на люк в потолке.

В дверях гостиной появилась Лолита.

— Все в порядке? — спросила она.

Уэнд шагнул к ней и втолкнул в гостиную.

— Так, сестричка,— произнес он, понизив голос,— они на чердаке, верно?

В ее глазах промелькнул страх, однако она улыбнулась.

— Они? Не понимаю. О ком вы?

— Я тебя знаю,— сказал Уэнд.— Жить в таком доме тебе не по карману. Лучше сознайся, иначе будет хуже. Они наверху?

— Они? Я же сказала... я здесь одна. Что вам нужно?

Уэнд подошел к двери.

— Зови Пузыря,— сказал он Коллону.

Коллон выглянул на улицу и махнул сержанту, который в нетерпении ждал у калитки. Толстяк О'Коннор нехотя приблизился к дому и вошел в прихожую.

— Ну, что там еще?

— Забери ее,— сказал Уэнд.— Они на чердаке.

О'Коннор схватил Лолиту за руку и рывком вывел ее в коридор. Миш, который слышал весь разговор, осторожно поднял дверцу люка, прицелился и спустил курок.

Громыхнуло так, что задрожали оконные стекла. На форменной рубахе О'Коннора проступило красное пятно. Он упал на колени.

Лолита завизжала и кинулась обратно в гостиную, а Коллон вскинул винтовку и начал всаживать в потолок пулю за пулей.

Миш, с окровавленным лицом и пробитой грудью, кое-как навел пистолет и выстрелил еще раз. Пуля попала в плечо Коллону, тот выронил винтовку и ничком рухнул на пол.

Миш потерял равновесие и вывалился в люк. Он придавил Коллона, и в это мгновение Уэнд прострелил ему голову.

Затем он стал стрелять в потолок.

— Эй, вы там,— гаркнул он,— живо спускайтесь и руки вверх!

Лолита схватила тяжелую стеклянную пепельницу, бесшумно подкралась к Уэнду, который не отрывал глаз от зияющего чердачного люка, и изо всей силы ударила его по голове. Уэнд повалился на пол.

Не помня себя, Лолита перепрыгнула через него и выскочила в коридор.

— Джесс! Быстрей! Прыгай! — закричала она.— Бежим!

Раздался шорох, и в люке появилась голова Чандлера. У него было мертвенно-бледное лицо и полузакрытые глаза.

— Беги, детка,— прохрипел он.— Спасибо тебе за все.

Потом глаза у него закатились, он уронил голову и свесил руки.

Лолита побежала в спальню, схватила чемодан, швырнула на кровать и побросала в него свои пожитки. По лицу ее текли слезы, из груди то и дело вырывались рыдания.

Глава 7

Когда Сэм Уэнд пришел в сознание, он доплелся до полицейской машины и поднял тревогу. Постовые на шоссе Майами — Парадиз-Сити арестовали Лолиту и доставили ее в управление.

Около полуночи в кабинет Террелла вошел Хесс: лицо у него лоснилось от пота, под глазами темнели круги.

— Ну, Фред? Какие новости? — спросил Террелл.

— Похоже, остался только один. Пятый. Но денег след простыл. О'Коннор убит. У Коллона раздроблено плечо, но для жизни опасности нет. Вот что мы выяснили: бунгало снял Франклин Людович 2 мая прошлого года. Он жил там до настоящего времени. Он-то, очевидно, и есть наш Пятый. Я переговорил с агентом, который сдал бунгало. Он сообщил приметы Людовича, они совпадают с предположениями экспертов: шестьдесят пять лет, низкого роста, тщедушный, светловолосый, сероглазый, с крючковатым носом. У него есть старый «бьюик», но агент не помнит ни цвета, ни номера. Он явно съехал. В доме нет его вещей. Вероятно, он в самом деле надул своих сообщников. Где он, сказать трудно. Во всяком случае, через дорожные посты не проезжал.

— Что ж, дело движется.— Террелл допил кофе.— Теперь надо найти Пятого.

Вошел Джейкоби.

— Извините, шеф, поступила телефонограмма из Вашингтона.

Террелл прочитал телефонограмму и взглянул на Хесса.

— Вот кого мы ищем: Серж Мейски; отсидел десять лет в Роксбургской тюрьме, работал там фармацевтом; освободился в апреле прошлого года. Они выслали его фотографию.— Террелл положил телефонограмму на стол.— Он где-то здесь, нужно перевернуть город вверх дном. А где он, там и деньги. Организуй розыск, Фред.

Хесс устало поднялся.

— Легко сказать, шеф. А розыск организуем.— И он вышел из кабинета.

Террелл снял телефонную трубку. Он приказал доставить к нему Лолиту, но ничего не добился от нее. Лолита сидела бледная, убитая горем. Джесс Чандлер был ее единственной любовью на свете. Его смерть лишила Лолиту последней надежды в жизни. Наконец Террелл махнул на нее рукой и отослал обратно в камеру.

Том Уайтсайд открыл глаза и увидел голубеющее сквозь кроны деревьев небо. Перевел взгляд на Шилу. Она спала. «Это называется, ее мучит бессонница»,— ехидно подумал он.

Том вылез из спального мешка и отправился к машине. Он достал из багажника ненавистную газовую плитку и ценой мучительных усилий зажег одну конфорку. Пока выкурил сигарету, сварился кофе.

С двумя дымящимися чашками в руках Том подошел к Шиле.

— Просыпайся,— раздраженно буркнул он.— Бери кофе.

Она шевельнулась, застонала и открыла сонные глаза.

— Опять ты...

— Ага... я.— Том поставил чашку рядом с ней и удалился на свой спальный мешок. Он сидел и наблюдал, как Шила выбирается из спальника. На ней были только голубые трусики и лифчик. Она встала во весь рост, потянулась, и эта картина привела его в волнение. Однако он понимал, что напрасно только распаляет себя, и отвел глаза.

Шила опустилась на корточки и отхлебнула кофе. От первого же глотка ее перекосило, и она выплеснула кофе в кусты.

— Ты что, земли сюда намешал?

— Чем ты недовольна? — возмутился Том. Кофе, слов нет, получился отвратный. Видно, он воду не довел до кипения, зато по крайней мере позаботился... хоть что-то сделал.

— Чем недовольна? Ну, умора! Я хочу домой.

— Думаешь, я не хочу? — Том назло допил кофе, хотя его уже тошнило.— Придется идти пешком.

— Додумался, чокнутый, чтоб я пять миль топала пешком!

— Дура набитая! Одно из двух: либо оставайся, либо иди со мной! Я ухожу!

Она замялась, не зная, на что решиться. В это мгновение на утреннем солнце совсем рядом сверкнуло что-то блестящее. Она удивленно присмотрелась, подошла к высокой куче хвороста и заглянула сквозь ветви.

— Том! Здесь машина!

— Ну что ты опять развопилась? — сердито спросил Том.

Мейски лежал на пороге пещеры. Теперь он видел их. Его рука сильнее сжала автоматический пистолет. В груди не унималась глухая, предостерегающая боль.

Том подошел к Шиле. Раздвинув ветви, он обнаружил под ними «бьюик».

— Посмотри, заведется или нет,— сказала она.

— Так нельзя. Наверное, кто-то приехал на охоту или погулять,— неуверенно возразил Том.

— Открой и посмотри! — заорала на него Шила.

Том вытащил из заднего кармана набор ключей. Будучи торговым агентом «Дженерал моторз», он всегда имел при себе отмычку для всех марок автомобилей фирмы. Двигатель завелся с полуоборота.

— Вот это везение! — обрадовалась Шила.— Собирайся. Возьмем ее напрокат и доберемся до дому.

— Нельзя этого делать! Нас могут арестовать за воровство!

— Какой же ты слюнтяй! Ну, подождет хозяин часа два. Ну и что? Объяснишь.

Тому это не понравилось, однако в ее словах был резон. Он вылез из «бьюика» и пошел к своей машине. Там он разыскал листок бумаги, шариковую ручку и написал:

«У меня случилась поломка, и я вынужден одолжить вашу машину. Вернусь через два часа. Извините.

Том Уайтсайд, 1123, Делпонт-авеню, Парадиз-Сити».

Это оправдает его перед законом, рассудил Том, прилепив записку к лобовому стеклу. И он поспешил обратно на поляну.

— Ну, все,— сказал он.— Поехали.

Она окинула его устало-презрительным взглядом.

— Вот дает! Ну, ты умник! Решил бросить все снаряжение в нашей машине? А если заявится какой-нибудь прохиндей и упрет?

Том действительно не подумал об этом и разозлился на себя.

— Ну, ладно, ладно.— Он сел за руль и завел «бьюик».

Мейски силился взять Тома на прицел, но мушка плясала в слабой, дрожащей руке. Он чертыхнулся и опустил пистолет. Раздираемый бессильной злобой, он проводил взглядом «бьюик».

Возле своей машины Том притормозил. Они с Шилой перенесли вещи и снаряжение на заднее сиденье «бьюика». Осталось только уложить газовую плитку, которой не хватало места в салоне.

— Сунь ее в багажник,— нетерпеливо подсказала Шила.

Том отпер и поднял крышку багажника. Внутри стояла большая картонная коробка с черной надписью «Ай-би-эм» на боку. У Тома мелькнуло желание заглянуть в нее, но его окликнула Шила.

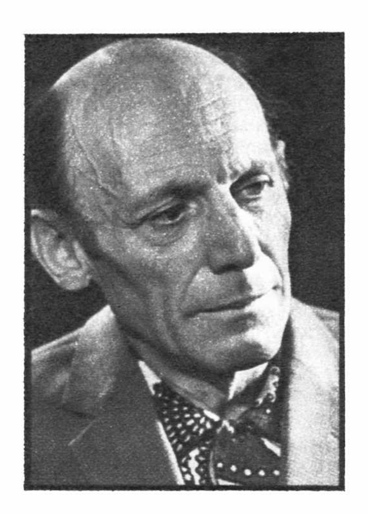
Он сел за руль. Они протряслись пять миль по проселку и выехали на шоссе.

Перевел с английского А. ЛЕЩИНСКИЙ.

Продолжение следует.

Марк СОБОЛЬ

РАЗНЫЕ ГОДЫ

3 января 1935 года во внутренней тюрьме на Лубянке следователь Онегин объявил мне: дело закончено и передается в ОСО. Подарочек ко дню рождения — завтра мое семнадцатилетие.

Той же ночью в «черном вороне» на пути в Бутырку я увидел парня в кепке. Это был Ярослав Смеляков. Наверное, из-за соседства с настоящим поэтом я сочинил первое в жизни стихотворение. Точнее — первое всерьез, раньше были только посвящения девочкам.

И еще об одном хочу сказать. В 1949 году я демобилизовался, приехал из Польши в Москву. Меня ошарашил мгновенный перепад от русского солдата (им я был с июля 41-го) до безродного космополита, каковым я вдруг оказался.

Остальное комментировать не буду. Скажу лишь, что «лагерная тема» в эстрадных шлягерах приводит меня в ярость.

Автор

✖

Не верю я — мне не семнадцать лет:
я старый, как прикованная птица.
Как страшно знать, что Бога больше нет,
и скучно жить, и некому молиться.

Лубянка — Бутырка. 1935

✖

Я опять отчаянно тоскую,
горестями сказочно богат.
Покажи сноровку колдовскую,
разложи мне карты наугад.
В голове, на сердце, у порога —
дом казенный, дальняя дорога,
а над тем, что сбудется, повис
туз пиковый
головою вниз.

Темлаг НКВД. 1936

МАРШЕВАЯ РОТА

Зябко поникла трава на лугах,
дождик безбожный...
Тысяча лет на моих сапогах
глиной дорожной.
В горле от этой пожухлой травы
горькая завязь.
Счастливы лица у тех, что мертвы,—
отвоевались.
Тяжкое званье советских бойцов
мы переносим
долгой дорогой среди мертвецов
и через осень.
Вот они, сполохи огненной мглы,
дымного смрада!..
В серые спины нам смотрят стволы
заградотряда.
Что сторожите вы из-за бугра
взглядом-прицелом?
Не беспокойтесь: мы крикнем «ура!»
перед расстрелом.

1943

СТАРИННАЯ ПЕСЕНКА

А парадный-то подъезд — под колоннами,
а по-черному другой — в уголку...
И все выше лед ползет по наклонному,
заслонившему окно козырьку.
Лед ползет по козырьку по железному,
тени в клеточку на нем скрещены...
Отсекли меня сюда, словно лезвием,
от веселой необъятной страны.
Предоставлена мне тут келья скромная,
по-монашески простая еда.
А судьбу мою вершат люди с ромбами,
проведут ее незнамо куда.
Непонятно мне, кому не потрафила —
в тонкой папке ничегошеньки нет,
разве только три моих фотографии:
фас и профиль, комсомольский билет...
...Но когда-нибудь, увенчанный лысиной,
по тропиночке бродя с посошком,
я припомню письмецо, что написано
моим самым наилучшим дружком.
Как сидели с ним вдвоем у приятеля
поздним вечером того декабря;
на гитаре он играл обаятельно,
всеми пальцами за душу беря.
Как входил он в тот подъезд под
колоннами,
а меня-то через дверь в уголку...
Ой ты лед, ползучий лед
по наклонному,
заслонившему окно козырьку!

1975

✖

О жизни и муке
ушедших в расход
витийствуют внуки —
веселый народ!

Шуруйте, ребята,
на наших костях,
на наших костях,
на своих скоростях.

Спасибо, поскольку
уловлено ловко:
у вас — перестройка,
у нас — перековка.

Где наша баланда,
там ваша баллада,
стихами охаяв
моих вертухаев.

Колымская трасса,
Печора и БАМ...
Аншлаги над кассой —
поет Розенбаум.

Где наши зе-ка —
у вас му-зы-ка
и в рифму на «лагерь»
о лагере — шлягер.

За буковку — рублик,
а мы-то, бывало,—
четырнадцать кубиков
лесоповала.

Шаг вправо, шаг влево,
собаки, стрелки,—
для вопля припева,
для хрипа строки,

где каждое слово
душе поперек...
Неужто нам снова
добавили срок?

1988

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Илья КОНСТАНТИНОВСКИЙ

СЕКУРИТАТЕ

Тоталитаризм нанес странам, подвергнутым этому режиму, не только тяжелое поражение в области экономики. Он морально искалечил поколения, дав нравственную мутацию, которая еще долго будет давать о себе знать. Чтобы избавиться от болезни окончательно, надо знать симптоматику во всем разнообразии: ведь в разных государствах модель «авторитарного социализма» принимала подчас уродливые формы. Без преувеличения: от этой правды зависит наше будущее. Путь к правде, как мы убеждаемся, нелегок, и, осмысливая уроки прошлого, в том числе и недавнего, мы сами на себе ощущаем, как трудно приходит новое мышление... Что, предположим, мешало автору этой статьи написать ее, или подобную ей, год назад? Что мешало нам опубликовать ее? Только ли цензура? Умение осмыслить свое время объективно, смело, честно только еще приходит к нам. Мы только еще учимся разговаривать со своими соседями из Восточной Европы заинтересованно и на равных.

Драматические события в Румынии в конце минувшего года кажутся до сих пор удивительными, неожиданными и никем не предсказанными. Это не так. То, что произошло и в Румынии, и в других странах Восточной Европы в переломном 1989 году, назревало давно, все случившееся было неизбежным.

Обращаюсь к своей памяти и записям, сделанным в разные годы.

Вот Румыния, Бухарест, лето 1957 года.

Четыре года спустя после смерти Сталина я наконец получил возможность снова поехать в город, где я когда-то жил, где прошла моя юность. Что же я увидел?

БЕРИЯ В СТРАНЕ КАРАДЖАЛЕ

Случайно зайдя в кафе «Нестор», переименованное в «Кондитерскую Республику», я встретил знакомого журналиста Эмиля Сергие. Я помнил высокого, тщательно выбритого мужчину в пиджаке из английского твида, в рубашке, галстуке и носках из Парижа... Теперь передо мной стоял опустившийся старик, в мятой рубашке и неглаженых брюках; лицо жалкое, испуганное. Я не сумел скрыть свое изумление, а он неловко улыбнулся и сказал:

«Я успел отсидеть четыре года в тюрьме».

«За что? Насколько я помню, ты никогда не был антикоммунистом».

«Да, не был. Но я не донес на одного случайного знакомого, который собирался бежать за границу».

За соседними столиками сидели другие журналисты и литераторы, которых я когда-то хорошо знал. Петре Пандря сбрил усы, похудел и загорел. Я спросил его:

«Ты с курорта?»

«О да. Из лагеря».

«А тебя за что?»

«За шурина, за Патрашкану».

В его низком, слегка охрипшем голосе — злость. Громко и как бы даже с наслаждением Пандря стал перечислять имена наших общих знакомых, которые сидели или продолжают сидеть в тюрьмах и лагерях. «Помнишь Карандино? Помнишь Ивашку? Помнишь Либлиха? Помнишь Беллу Зильбера?»

Все, кого он назвал, были в годы моей бухарестской юности антифашистами, даже коммунистами. Почему они попали в тюрьму после победы тех политических сил, которым служили?

«Либлих четыре года сокрушался и плакал: то, что происходило у нас, казалось ему безумием. Я утешал его и напомнил слова Клемансо о том, что революция подразумевает и разбитые головы, ее надо принимать целиком. Но потом я понял, что у нас, собственно, не было революции. Произошел трагикомический фарс: в мир Караджале ворвался Берия».

Петре Пандря не стал разъяснять свою мысль и вскоре покинул кафе. Но то же самое в разных вариантах я слышу здесь на каждом шагу.

Вот известный бухарестский адвокат Раду Олтяну, который усердно защищал коммунистов в судах буржуазно-королевской Румынии, а когда коммунисты пришли к власти, сам угодил за решетку. Правда, его обвинили не в политическом преступлении. Теперь он уже на свободе, и я пригласил его на обед в мою гостиницу. Он пришел, но говорить о том, что происходит в стране, не пожелал. Только когда наш печальный и молчаливый обед подходил к концу, Олтяну вдруг усмехнулся и спросил: «Ты уже подвел итоги, понял, что здесь произошло?» «Нет. А ты понял?» — «Мы на хвосте чужой революции. За каких-нибудь десять лет мы повторили все ошибки русской революции, все то, что в самой Москве признано ошибочным. Как будто мы поставили себе цель повторять чужие ошибки. Сначала сажали железногвардейцев, буржуев, потом стали сажать демократов, а заодно и коммунистов. Преследовали целые категории людей по простейшему признаку — социальное происхождение. Потом смекнули, что такой человек, например, как Хулубей, хоть он и сын генерала королевской армии, все же хороший и нужный физик. В литературе начали с того, что ошельмовали лучшего румынского поэта — Аргези. А теперь реабилитируют писателей, которые все-таки были фашистами и сбежали за границу. Ну, и так далее, и тому подобное. После прилива наступает отлив — это закон природы. Усталость тоже природный закон. Устают ведь не только отдельные люди, но и целые классы, партии, народы, биологические виды и, что самое интересное, даже общественные механизмы. Лично у меня это теперь главное жизненное ощущение — усталость. Я страшно устал и хочу только одного — чтобы меня оставили в покое. Прошу тебя, расплатись поскорее, обед тоже утомил меня».

Отчего устал Раду Олтяну? Только лишь оттого, что с ним поступили несправедливо как раз в новой Румынии, за которую он призывал? Но я вижу печать усталости и на лицах тех моих бухарестских знакомых, которые преуспели и разъезжают теперь в министерских лимузинах. Что здесь, в сущности, происходит?

Вот ответ поэта Джео Богза.

Он тоже какой-то другой: нервный, издерганный, грустный, хотя все у него хорошо, лучше и не надо — он академик, депутат. Позавчера он вернулся из Коломбо, а через неделю едет в Каир.

«Что здесь произошло, Джео?» — «Землетрясение! Сейсмический переворот!» — «Но я вижу, что Бухарест цел и невредим».— «Да, но все теперь другое. Разумом этого не объяснить, потому что многое похоже на безумие».

«Как подобрать ключ к этому безумию, Джео?»

В тот уже далекий первый мой приезд в Бухарест в моей гостинице «Атене Палас» жил и Назым Хикмет. Иногда мы встречались за завтраком в ресторане. Хикмет был мил, остроумен, любезен, но, говоря о Сталине, раздражался и повышал тон. И сам же все время о нем заговаривал. Чувствовалось, что это рана его души. Назым, возможно, считал, что объективно — говоря марксистским языком,— он тоже способствовал раздуванию «культа личности». Когда я однажды заметил, что в Москве уже перестало быть модным ругать Сталина, поэт вспыхнул: «Я не состою в вашей партии!» — «Я тоже в ней не состою. Когда-то я был членом румынской компартии, но давно из нее выбыл. А в турецкой компартии вы состоите, Назым?» — «Да. Но она не запрещает мне говорить то, что я думаю. А хоть бы и запретила, я все равно буду говорить. Мы не собаки. Сталинщина уже позади, она не повторится, не должна, не может повториться».

Я слушал его с недоумением. Неужели он не знает, что уже после смерти Сталина именно здесь, в Бухаресте, местный Товарищ — как принято здесь называть генсека — Георгиу-Деж по-сталински расправился со своими коллегами по руководству партией?

Помню, что я тогда думал: Назым здесь чужой, этим все и объясняется. Я не был в Бухаресте чужим и думал, что все тут видел и знаю.

Сколько раз мне пришлось впоследствии каяться и чувствовать стыд за такие наивные мысли. Оказалось, что я тоже был простаком. Вот простейший пример. Любуясь из окна «Атене Паласа» панорамой городского центра, бывшим королевским дворцом, королевской библиотекой и сверкающим на солнце белым фасадом Министерства внутренних дел, я, например, не подозревал, что в двух его нижних этажах — один полуподвальный, другой целиком под землей — устроены тюремные камеры, в которых заключенных держат без дневного света и единой прогулки по году и больше и в то же время избивают до потери сознания, топчут ногами, чтобы сделать более податливыми на допросах. Я узнал об этом несколько лет спустя от людей, которые сидели в тех камерах и терпели жестокие побои в то самое время, когда в двухстах метрах от их подземной тюрьмы, в ресторане шикарного отеля, Назым Хикмет рассуждал о том, что сталинские жестокости уже не могут повториться, не подозревая, что им и не нужно повторяться, потому что они вовсе не кончились вместе с кончиной Сталина: конец любого сталина, как бы он ни назывался, еще не означает и конец той невидимой силы, что рождает и выращивает сталинов. Под ее гипнозом продолжал находиться и сам Назым Хикмет.

Что же это за таинственная и роковая сила?

«СТРАТЕГИЯ САЛЯМИ»

Мое первое возвращение в Бухарест было всего лишь прелюдией к последующим поездкам, во время которых я был обречен увидеть все последствия «Победы социализма в Румынии». Живя в Москве в пору главной силы Сталина, я уже достаточно хорошо знал, что такое сталинский социализм. Теперь я получил возможность увидеть его в действии в другой стране, какие формы он принимает, пересаженный на другую почву: «В мир Караджале ворвался Берия». Что это значит?

По единодушному мнению румынских критиков и историков, особенности румынской общественной жизни конца прошлого века и начала века нынешнего великолепно выразил сатирик Караджале. Караджалевские герои смешны и убоги, мир его комедий обывательский, марионеточный мир, в котором, однако, нет палачей. В этот мир и проникли сталинские методы построения социализма, в которых главную роль играли подозрительность и репрессии. Можно ли было удивляться, что в очень далеком от Москвы и очень не похожем на Москву городе я увидел чисто «московские» черты?

Я обнаруживал их на каждом шагу.

Так уже при составлении списка своих старых знакомых и друзей, с кем мне хотелось бы вновь увидеться, я установил, что многие из них занимают очень высокие посты в новой политической иерархии, среди них есть министры и даже члены ЦК. В этом не было ничего удивительного: в годы моей бухарестской юности румынская компартия была малочисленной, и я успел узнать многих активистов, ставших теперь членами высших органов власти. Неожиданным, странным, ужасным было другое: после составления первого списка мне пришлось составить второй — список людей, с которыми я уже не мог встретиться (они оказались в тюрьмах и лагерях). В моей памяти люди из обоих списков стояли рядом, были друзьями, думали одинаково и делали одно дело. Но вот одни стали министрами, другие — заключенными. А человек, перед которым я когда-то преклонялся — умный и смелый, талантливый и благородный Лукрецкий Патрашкану, был расстрелян новой коммунистической властью. Причем случилось это уже после Сталина, после Берия.

— Почему все это произошло? — спрашивал я своих друзей.

— Стратегия салями! — ответил Георге Дину, подписывавший свои стихи псевдонимом Штефан Ролл,— умница, балагур, далекий, как считалось, от политики, но оказавшийся проницательнее многих других.

Мой разговор с Роллом, которого близкие друзья называли попросту Гица, состоялся в день, когда мы с ним отправились по какому-то издательскому делу к директору одной бухарестской типографии. Этим директором оказался Теохари Джоржеску — тот самый, который в черные дни уничтожения Патрашкану и многих других коммунистов занимал пост министра внутренних дел. Впоследствии он и сам впал в немилость, но не был уничтожен, а направлен на работу в одну бухарестскую типографию.

«Это правда, Гица, что Теохари искоренил фашистскую «Железную гвардию?» — спросил я. «А как же! Но не только ее. Заодно и все другие организации, группы, партии, ассоциации, которые не управлялись компартией. Ни одной не осталось. Даже эсперантистов и филателистов ликвидировали. И все это за очень короткий срок».— «Как ему удалось?» — «Так ведь оказалось, что это очень просто, никто раньше не додумался или не посмел употребить такой простой способ — ни король, ни буржуазия: всю оппозицию, не только реальную, но и возможную, а также вымышленную посадили за решетку. «Стратегия салями»,— назвал это один шутник, который тоже ею пользовался,— Ракоши в Венгрии. Ты видел, как срезают слои салями? У нас резали по живому, не стесняясь. Теохари посадил всех деятелей старых политических партий, всех бывших министров и их заместителей, всех бывших депутатов, мэров, их помощников и советников, судей, адвокатов и так далее... Тысячи были отправлены на перевоспитание на строительство канала Дунай — Черное море. Если они там выживали, их потом отправляли на поселение в отдаленные села. Никто не знает и никогда уже не узнает, сколько людей пересажали, скольких расстреляли, сгноили, кто из них и в самом деле пытался бороться с новой властью, а кто пал жертвой посадок лишь потому, что принадлежал к тем слоям, которые согласно теории враждебны социализму, прогрессу и так далее и тому подобное. Да, этого мы никогда не узнаем, но, несомненно, когда-нибудь узнаем, сколько накопилось ненависти и презрения к тем, кто это сделал, а заодно и к идее, во имя которой это было сделано. Но зачем ты затеял этот разговор? Когда у человека рана — разве ты станешь ее царапать? Да и небезопасно об этом разговаривать. Первый цикл паранои насилия как будто уже прошел, теперь у нас даже кое-кого посмертно реабилитировали, но делают это тоже они».— «Кто они? Партия?» — «О нет! Никакой партии давно не существует. Есть только Товарищ и его «безопасность». Она называется теперь секуритате. По названию это почти то же самое, что было при короле: «сигуранца». На самом деле это нечто другое. Пройден большой путь. И закон диалектики — переход количества в качество — в данном случае подтвердился. Но довольно. Меня от всего этого тошнит. Хорошенький разговор мы затеяли с утра. Давайка лучше зайдем в какую-нибудь бодегу — хочется выпить».

Он был совершенно прав, этот поэт-сюрреалист, которого не принимали в расчет многие «политики». Во время моих последующих возвращений в Бухарест я не раз в этом убеждался, и потому мои поездки становились все более печальными. Как ни странно, особенно грустными оказались для меня дни, проведенные в Румынии после того, как умер первый румынский Товарищ, усвоивший уроки товарища Сталина,— Георгиу-Деж, и повеяло обманчивым ветром перемен. В молодости Деж был рабочим-железнодорожником, проявившим немало мужества в борьбе за Справедливость и Освобождение Трудящихся, но умер он тогда, когда после хитрого маневрирования наконец сокрушил своих соперников и ощутил в своих намертво стиснутых руках всю полноту власти. Равнодушная к его успехам Смерть вырвала его из жизни в кульминационный момент политического торжества. Новому Товарищу — Николае Чаушеску было выгодно реабилитировать жертвы правления Дежа, и многим казалось, что повеяло ветром перемен, наступила оттепель. На самом деле наступил новый цикл властолюбия и насилия. Он отличался и вместе с тем, по существу, не отличался от старого. Дело было вовсе не в характере и личных свойствах властвующих товарищей.

А в чем?

БУХАРЕСТ. Декабрь 1989 г.

Фото Валерия ВОЛОНТИРА

После смерти Дежа смогли выйти на свободу его жертвы, которые к тому времени еще оставались в живых. Среди них были и люди, которых я хорошо знал. Боже мой, что они с ними сделали!

Однажды утром — это было на другой день после моего очередного возвращения в Бухарест — кто-то робко постучал в дверь моего номера в отеле «Амбасадор». Я открыл ее и увидел маленького, худенького старичка с острым, усохшим лицом, на котором лихорадочно блестели темно-карие глаза. Он выжидательно уставился на меня, но я не понимал, чего он от меня ждет, пока вдруг не увидел, как задрожал его подбородок, рот искривился, а из глаз брызнули слезы.

— Ты меня не узнаешь? — простонал он.

Голос я узнал и в смятении протянул старику руку.

Человек, стоявший на пороге моего гостиничного номера, блестящий публицист, специалист по вопросам экономики и статистики, сыграл печальную роль в судебной расправе, при помощи которой Георгиу-Деж окончательно избавился от того, кого он считал своим главным соперником,— Лукреция Патрашкану, превосходившего Дежа умом, знаниями и популярностью. На этом суде старик, который стоял теперь на пороге моей комнаты в отеле,— по годам он вовсе не был стариком,— сказал все, что хотели услышать инсценировщики процесса. Позор и бесчестье, на которые он пошел, вероятно, спасли ему жизнь, однако его все же осудили на двадцать лет заключения, и вряд ли он когда-нибудь вышел бы из тюрьмы, если бы смерть неожиданно не вынесла приговор главному организатору позорных судилищ, самому Товарищу.

Мы спустились вниз, уселись в маленьком баре отеля, и старик, которого я теперь все больше узнавал не только по голосу, но и по манере разговаривать, стал рассказывать историю, стоившую ему семнадцати лет жизни, ужасных лет, разрушивших его тело и опустошивших душу. Это был нелепый и бездарный детектив, с главным действующим лицом Лукрецием Патрашкану, которого рассказчик называл, как и в старые времена, его партийной кличкой Андрей. Суть заключалась в том, что Андрея арестовали и казнили потому, что он и в самом деле собирался совершить преступление — побег из страны. Все подробности были выдержаны в духе фантастической истории, без малейшей попытки обосновать как-то ложь и абсурд. Поразительным было то, что сидевший передо мной в полутемном баре и не притронувшийся к своему стакану человек, которому никто не мог отказать в уме, пытался еще и теперь, когда все уже прошло и туман безумия рассеялся, убедить меня, что в нем, в жестоком безумии, жертвой которого он стал сам, все же заключалась некая логика, даже истина. Похоже было, что он искренне в это верит, хотя и признался, что старается забыть все, что случилось, не думать больше о вещах, имеющих отношение к политике, к любой политике.

— Я теперь занялся математикой,— говорил он.— Ты когда-нибудь слышал о теории графов, комбинаторике? Это страшно интересно и заполняет всю мою жизнь,— сказал он и с усилием поднял свой бокал, но опять не стал пить, его рот кривился от непреодолимой муки, в глазах опять появились слезы.

Математика, конечно, не отвлекла этого несчастного от безумного мира, в который погрузила его румынская тайная полиция — секуритате. Уже после реабилитации ее агенты посетили его под видом налетчиков, как только он начал писать свои воспоминания. Неопознанные «воры» похитили рукопись, а заодно и все деньги, имевшиеся в доме. Но они не смогли помешать ему мыслить.

Это он, первый из моих бухарестских собеседников, настаивал на связи между безумием и той формой, которую приняла румынская «секуритате» при режиме, который был объявлен «социализмом». К этой теории я еще вернусь. Приведу сначала еще одно свидетельское показание жертвы «стратегии салями».

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ» КАТОРЖНИКОВ

Этого человека я знал со студенческих лет, когда он был деятельным участником антифашистского студенческого движения. В годы «Победы социализма» он оказался в тюрьме. В свои первые приезды в Бухарест я его не видел, потому что он еще был «там». Но настал день, когда мы встретились, и он рассказал, как отсидел пятнадцать лет, от звонка до звонка, и только за то, что среди его адвокатской клиентуры были и два деятеля национал-крестьянской партии, которых арестовали, а поскольку они у него бывали, на всякий случай посадили и его. Он рассказал, как кочевал по тюрьмам, побывал и в знаменитой «Зарке», куда его посадили за то, что он отказался принимать участие в социалистическом соревновании. «Да, в социалистическом соревновании каторжников»,— повторил он глухим шепотом, который отдался в моем мозгу криком. Рассказал он, и как добывал камыш для целлюлозных фабрик в Дунайской дельте — особое достижение румынского министра внутренних дел и «секуритате», инициаторов этого дела. О нем много писали в бухарестских газетах, трубили по радио, пока его не пришлось свернуть, когда обнаружилось, что оголяется дельта. Камыш резали зимой, когда плавни замерзали, работали в мороз и пургу, жили и спали тут же на неотапливаемых баржах, в дырявых палатках, откуда по утрам выносили трупы. Побывал этот человек и на свинцовых рудниках в Бая-Маре, где вспыхнул бунт, потому что больше полугода никто там не выдерживал. Каждое «социалистическое производство» давало людские отходы, человеческий шлак, в лагерях люди гибли тысячами, так что тюрьма стала для них идеалом. Рассказал он и о тюрьме Жилава, где одно время он находился в камере, где содержались двести пятьдесят человек. Там стояли три огромные параши, которые всегда «работали» даже в час, когда разносили баланду. В камере не было окон. Вонь и удушье, а за дверью холод, ветер. Каждый день несколько человек умирало, а потом началась какая-то эпидемия, и стали умирать десятки людей. Комендантом тюрьмы был «человек из народа», «выдвиженец», некто Моромет. Он был простым сержантом, но сумел раскрыть какие-то связи между охраной и заключенными, произведен в майоры и назначен комендантом тюрьмы. Из всех человеческих чувств в нем жило одно-единственное: чувство злобы. Он ввел режим террора, избиений, заколотил окна. За эти достижения он был произведен в подполковники и послан командовать другими тюрьмами. Вскоре Моромет совершил несколько прямых преступлений, и его отправили на заслуженный отдых с пенсией полковника.

— И ведь главное что...— продолжал мой собеседник.— Главным правилом или принципом, на котором все держалось, была секретность. Никто не должен был знать, что происходит. Этот принцип утвердила госбезопасность — «секуритате». Меня не раз там допрашивали. Ты бы посмотрел на мордатых, откормленных, невежественных полковников из «секуритате». Почему, ты думаешь, они с такой охотой сажали и коммунистов, бывших борцов с королевским режимом? Поскольку они даже представить себе не могли, что кто-то мог рисковать всем за свои идеи. Они никому не верили и были искренно убеждены, что все, кто утверждает, что боролись за социализм до установления коммунистического правления, подозрительны, всем им место в тюрьме. Насилие и безнаказанность сделали «секуритатистов» маньяками. У меня за эти годы не раз возникало ощущение, что я нахожусь в сумасшедшем доме. Думаешь, теперь что-нибудь изменилось? Как бы не так! Наступил лишь новый этап сумасшествия. Первый этап состоял в попытке построить социализм за несколько лет, то есть втиснуть Румынию в ту схему общественного устройства, которую придумал Сталин и основанную исключительно на насилии, причем все акты насилия, ломки, выкручивания рук, все, что делалось в России на протяжении тридцати лет, у нас было осуществлено чуть ли не за три года, топор опустился на все общество. Что из этого получилось, ты видишь на каждом шагу. Единственным несомненным результатом была личная власть товарищей, которые, расправившись с Патрашканy, уничтожили потом все, что было честного в партии, скомпрометировали идею социализма, породили всеобщий страх и апатию. Наш нынешний Товарищ, пожалуй, хуже всех, хотя он никого пока не казнил и даже реабилитировал жертвы Дежа. Ты помнишь его — Нику Чаушеску?

— Нет. А ты?

— Я его хорошо знал. Ведь он начинал где-то рядом с нами — скромный паренек из деревни, из Олтении. Одновременно я был его «связью» с комсомолом и партией, гонял его по всяким поручениям, иногда подкармливал, он ведь только значился рабочим, но нигде не работал. Мне иногда не верится, что наш нынешний Товарищ — это именно тот паренек, которого я знал когда-то и которому объяснял истины диалектического материализма, разумеется, в упрощенном виде, ведь он был малограмотным, неразвитым деревенским парнем. Он и воспринимал буквально и упрощенно все, что ему говорили старшие товарищи. Так он это понимает и теперь. О, это особый тип — Нику Чаушеску. Хочешь, я нарисую тебе его портрет?

«ТОВАРИЩ И ТОВАРЭША»

— Портрет придется рисовать двойной, ведь он не один, есть еще и она, его жена, товарэша. В чем-то она даже превосходит мужа. Поворотным моментом в их судьбе была внезапная смерть Георгиу-Дежа, который приблизил к себе Нику Чаушеску, считая его неопасным, старательным, послушным, скромным. Таким, вероятно, считал его и Георге Маурер, который и устроил так, чтобы на место умершего Дежа был назначен Чаушеску. Маурер, вероятно, предполагал, что сможет вертеть своим выдвиженцем, как ему заблагорассудится. И грубо ошибся. Именно его, Маурера, Чаушеску выкинул из тележки, как только укрепился в роли «первого товарища». Никто, видимо, не предполагал в этом Товарище дух неукротимого тщеславия и властолюбия. Никому и в голову не приходило, что именно этот не шибко грамотный мужичок отлично усвоит правила игры системы, при которой тот, кто захватил конец веревки, опутывающей всех, может делать все, что ему заблагорассудится. Его жестокий предшественник обладал хотя бы умом и умением выбирать себе в помощники людей, не лишенных способностей. Чаушеску такими качествами не обладает, он бесцеремонно тасует министров, генералов по первому подозрению в нелояльности и окружает себя бездарностями и подхалимами, не умеющими ничего делать, кроме как льстить Товарищу. Дела в стране идут все хуже, зато то, что в Москве назвали «культом личности», разрастается до чудовищных размеров. В Румынии культ приобрел еще и комический характер, на который никто уже не обращает внимания. Ты заглядывал в наши газеты? Титан из титанов, гений Карпат, Чаушеску — героизм, Чаушеску — коммунизм, Чаушеску — гуманизм. Стыдно читать. А ему не стыдно. Что же касается того, как надо управлять государством, то при простоте, узости и малограмотности этого «гения» ему кажется, что все очень просто и ясно, надо только давать решительные указания. И он их дает. Он чудовищно активен, разъезжает без устали, появляется иногда в один и тот же день в разных местах, и всюду его ждут согнанные силой толпы народа, всюду «секуритате» организует взрывы патриотического восторга, а Товарищ дает указания, состоящие из нескончаемого повтора одних и тех же требований, увещаний, заклинаний о том, что необходимо еще больше, еще лучше, еще смелее развивать, укреплять, внедрять, углублять то-то и то-то, большей частью именно то, чего в реальной жизни не существует, как, например, социалистическую демократию или благосостояние народа. Слушатели этих речей, точнее говоря, одной и той же нескончаемой речи, которая в напечатанном виде уже разрослась до двадцати пяти томов уникального по своей бессмысленности Собрания сочинений, напечатанного за счет государства и на иностранных языках, обязаны устраивать оратору овации и скандировать хором славословия под управлением дирижеров из той же госбезопасности. Всем, с кем Товарищ встречается,— депутатам парламента или пионерам, рабочим или инженерам, артистам, садоводам, академикам, всем, всем он сообщает одни и те же прописные истины марксизма, те самые, которые он на заре своей юности усваивал от меня и таких, как я. Мог ли я думать, к чему это приведет? Главная беда в том, что при монополии государства, превратившей всю Румынию в единую контору, за невежество и самонадеянность Товарища, который хочет всем управлять, ничего, в сущности, не понимая и не зная, кроме лозунгов, платят все, все, и страна пришла к катастрофе. Построены фабрики, которые нам не нужны и дают только убытки, люди буквально гибнут от голода и холода, города не освещаются и почти не отапливаются, старые районы Бухареста с замечательными памятниками архитектуры уничтожены, залиты асфальтом. Там строят гигантский пустой проспект и какие-то нелепые здания, которые должны прославить Чаушеску в веках. Но и этого мало. Теперь он затевает уничтожение восьми тысяч румынских сел и переселение крестьян в каменные бараки городского типа. Никто еще не может подсчитать, сколько стариков и детей умирает ежегодно в результате того экономического положения, которое сложилось в «годы света», как официально названы годы правления Чаушеску. Если его не остановят, он окончательно нас погубит. Удивительны его неостывающий горячечный жар, его неутомимое пустословие, его фанфаронство, его глупость, его жестокость. Но, может быть, самая удивительная черта «культа личности» Чаушеску то, что «культ» этот двойной, рядом с Товарищем царствует и его жена, товарэша. Это малограмотная, злая мадам, которая подписывается: академик, доктор, инженер. По простоте душевной она думает, что инженерный диплом и докторская степень, которые ей преподнесли, когда она стала официально вторым человеком в государстве, повышают вес члена Академии наук. Еще хуже то, что она злая, мстительная и, ведая высшими кадрами, снимает или повышает ученых специалистов в зависимости от того, согласны ли они заниматься подхалимажем и терпеть унижения. Свои туалеты она выписывает из Парижа, а когда ездит за границу, вменяет в обязанность румынским послам подробно докладывать, какое впечатление произвели ее наряды. Государственно-партийная деятельность «академика, доктора, инженера» состоит в постоянном присутствии рядом со своим супругом на официальных церемониях, парадах, банкетах, приемах,

митингах, собраниях, не говоря уже о поездках за границу, составляющих особую главу в работе Товарища. Он ездит по всему свету, во все большие и малые, старые и новые государства, где президенты и короли, генсеки и генералы соглашаются его принимать и подписывать договоры о дружбе и сотрудничестве, лишенные практического смысла. Во время этих поездок Товарищ позирует с трехцветной парадной лентой через плечо, с «президентским жезлом» в руке — разукрашенной и отлакированной палочкой, которая могла бы составить счастье любого обожающего игрушки малыша, а Товарэша в великолепном вечернем туалете от Диора. Но если ты думаешь, что дело ограничивается царствующей четой, ты ошибаешься. У Товарища, а также у его супруги множество родственников, у него чуть ли не дюжина братьев, нахрапистых мужиков, которых он произвел в генералы и большие начальники. У них нет ни образования, ни опыта, но это не помешало одному стать первым помощником министра внутренних дел, другой стал помощником министра обороны, третий занимается внешней торговлей, ну, и так далее. А младший сынок правящей четы даже стал чуть ли не официальным наследником престола, то бишь кресла генсека. Таких позорных страниц, как правление семейства Чаушеску, в истории Румынии не было, но я боюсь худшего. Может быть, самая удивительная черта этого ничтожного и вместе с тем страшного человечка, по-видимому, состоит в том, что для него нет даже вопроса: что думает о нем народ, как чувствуют себя люди, ведь румыны все-таки люди. Этот кретин с «жезлом» настолько уверовал в свое величие и всесилие своего аппарата насилия, что фактически только этим аппаратом и занимается, раздувает его до чудовищных размеров. Все это может привести к самым неожиданным, самым печальным последствиям.

БЕЗОПАСНОСТЬ ИЛИ СУМАСШЕСТВИЕ?

И вот последняя моя запись, сделанная после того, как я встретился в Бухаресте с еще одной жертвой насилия, человеком, который тоже отсидел лет двадцать в тюрьмах и лагерях «Социалистической Румынии», но не потерял себя и свою способность к самостоятельному мышлению. На вопрос: что это и почему? — он ответил коротко и однозначно: «Секуритате»! Больной, уже перенесший два инфаркта после реабилитации, он рассуждал так:

— Что такое госбезопасность, наша вездесущая «секуритате»? Это прежде всего досье — важнейший элемент в современной политической жизни. Кто управляет современным миром? Кто в нем прав? Тот, в чьих руках досье. Я всегда боялся людей, которые имеют возможность заводить на других досье и манипулировать ими. Когда меня арестовали в первый раз, это было еще до войны, первое, что я увидел на столе следователя, была пухлая папка моего досье. В сорок восьмом меня опять ждало досье, теперь уже не одна, а целых три папки. Содержание другое, но техника одна. Времена, системы меняются, досье остается. Я думаю, что нынешняя система — это надолго.

— Но ведь она плохо справляется. Прежде всего в экономической области. Ты ведь это знаешь, наверное, лучше меня. С тех пор как я сюда езжу, положение ухудшается.

— Да, система не эффективна. Единая монополия. Когда и экономика, и политика, и культура становятся монополией одной организации, одной группы лиц, это неизбежно ведет к застою, деградации. Активность монополизирована узкой группой людей, иногда это даже один человек, всем остальным разрешается одобрять то, что он делает. Монополию хорошо описал в свое время Маркс, все признаки, о которых он писал, налицо. Все это так, конечно. Но, с другой стороны, когда вся общественная жизнь находится во власти монополии, невозможно возникновение других сил, и потому такое общество в принципе вечно. Есть страшная сила в понятии «один», «единственный». Римляне, захватывая другие страны, свозили их богов в Рим. Но когда появился один — Христос,— римляне были побеждены. Общество во власти монополии становится похожим на одряхлевший мир, в котором никто уже не работает, ничего не изобретают, но жизнь все же продолжается, жизнь остановить нельзя, порой даже кажется, что все нормально. Я недавно составил словарь: «Бэйзик социализм». Оказалось, что четырехсот слов достаточно для его философии, политики, науки, искусства. Общество сталинского типа может обойтись четырьмястами словами — больше ему и не нужно.

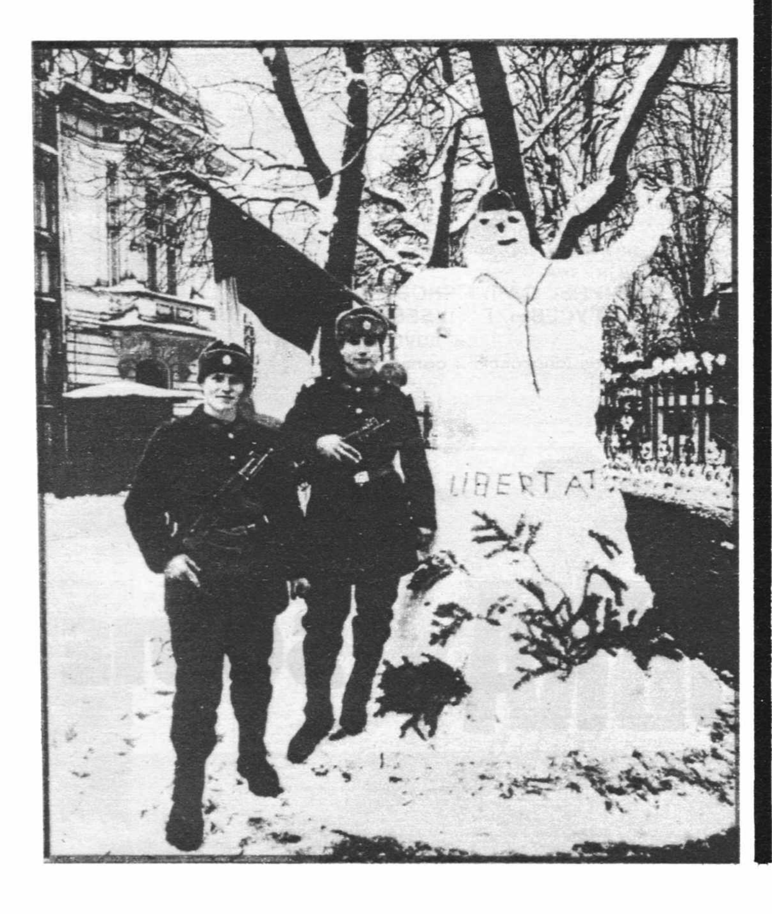
— Что же это, в сущности, такое?

— Я думаю, болезнь, новый вид сумасшествия. Внутри такой системы все постепенно сходят с ума. Первым сходит с ума именно тот, кого называют «первым». Ему кажется, что он всех использует и держит в руках все. На самом деле он не знает, на каком он свете. Его обманывают все. Прежде всего те, кто хочет ему угодить. Наш Первый захотел стать экономически независимым от Советского Союза и для этого строил индустрию. Результат? Он попал в еще большую зависимость: сырье для новых фабрик приходится ввозить даже из Бразилии. А это нам, конечно, не по карману. И так во всем. Может быть, фрейдизм все же прав. Не сам Фрейд, а Адлер, который ввел понятие махтвиле — воля к власти. Вероятно, она, а не либидо определяет человека.

Раза два мой собеседник терял нить мыслей, останавливался и, грустно глядя на меня, говорил:

— Я слабею. В тюрьме я многое забыл из того, что знал. Жизнь, любая жизнь — не только радость, но и боль, не столько наслаждение, сколько страдание. Но то, что я видел, перенес, выходит за рамки того, что люди считают страданием. Тебе кто-нибудь уже рассказывал о «Зарке»? Была у нас такая тюрьма в Аюде. Надзиратели ходили по ней в войлочных туфлях. Полная тишина. Молчание. Люди сидели по десяти лет, ни разу не видя за это время человеческого лица, потому что, когда приносили еду, полагалось сказать: «Здравия желаю!» — и отвернуться лицом к стене. Кстати, подходить к ней не разрешалось, перестукивание исключалось. Но и «Зарка» — это еще не вершина жестокости. Существовала тюрьма, где одно время власть была в руках банды железногвардейцев, которые заявили, что порывают со своим прошлым и приступают к перевоспитанию своих бывших товарищей по «Железной гвардии» по системе Макаренко. Они говорили: то, что мы делаем, этого нет в книге Макаренко, но он изложил свою систему не только в книге, от него еще остались и записи, и вот мы действуем по этим «запискам». Суть «записок» состояла, по словам этих последователей Макаренко, в том, что нужно людей избивать до смерти, заставлять их оплевывать самих себя, пить собственную мочу. Выдерживали такое перевоспитание лишь те, кто доходил до животного состояния и терял всякую чувствительность. Другие умирали или кончали самоубийством. Кто из мудрых сказал, что боль — это всего лишь представление о боли? Он, конечно, не мог себе представить, что произойдет в мире. Всегда существовали люди, которые умели переносить страдания, побеждать страдания, но эти способности не прогрессировали, прогресс наблюдается только в области жестокости. Так что ответ на твой вопрос — почему? — прост, и его можно выразить в трех словах: монополия власти плюс насилие. Главный инструмент насилия — «безопасность». Разумеется, в кавычках. Потому что никакой безопасности ни королевская «сигуранца», ни наша нынешняя «секуритате» никому не обеспечили, даже ее хозяевам и распорядителям. Чем сильнее и обширнее организация «безопасности», тем небезопаснее становится жить. И тем более непредсказуемым становится будущее. Впрочем, в следующий приезд ты меня уже не застанешь.

Так это и было.

ЧЕМ УДИВИТ НАТАША ЗАВТРА?

См. первую обложку

Впервые Наталья Зверева удивила теннисный мир четыре года назад в Ташкенте, где проходило первенство страны. Тогда она стала самой юной в истории советского тенниса чемпионкой СССР. В финальном матче с Лейлой Месхи Зверева придерживалась далеко не эффектной, но весьма эффективной в данном случае тактики. Трудно было представить, что в 15 лет можно разработать столь хитроумный план игры. Но зато легко предположить, что это сделал отец и тренер Наташи Марат Николаевич.

Марат Николаевич из тех тренеров, которые придерживаются принципа «поспешай, не торопясь». Он не требовал от своей дочери сиюминутных успехов (сколько талантов загубила эта порочная практика!), а размеренно вел ее по ступенькам теннисной лестницы. К счастью, «переходный период» у Зверевой не затянулся.

Если победа в Ташкенте еще могла быть воспринята как случайность, то спустя год в Таллинне золотая чемпионская медаль Наташи выглядела закономерно. В ее превосходстве уже никто не сомневался. С тех пор Наталья Зверева возглавляет список лучших теннисисток Советского Союза. Этому немало способствуют ее успехи на международной арене.

Нет нужды перечислять все достижения Наташи в мировом теннисе. Она в числе фаворитов самых крупных турниров. Играла в финале открытого первенства Франции — одного из четырех важнейших соревнований профессионалов. Входила в десятку сильнейших игроков мира.

Самых впечатляющих успехов добилась Зверева в паре с Ларисой Савченко. Наш дуэт в прошлом году выиграл чемпионат Франции. Эти и другие выдающиеся достижения ставят пару Зверева — Савченко на второе-третье место в мире.

Вот отрывки из интервью, дающие некоторое представление о характере Зверевой.

— Чем отличается женский теннис от мужского?

— Тем же, чем женщина от мужчины.

— Когда вы выходите на корт, у вас появляется желание понравиться публике?

— Появляется. Но я не делаю для этого ничего сверхъестественного. Пусть воспринимают меня такой, какая я есть.

— Вы способны улыбнуться после поражения?

— Конечно. Наверное, потому что я оптимистка.

— Что вы любите?

— Добрых, отзывчивых людей.

— А что не любите?

— Несправедливости...

— Хотите стать лучшей теннисисткой мира?

— Хочу.

Лучшей теннисисткой Зверева не стала (во всяком случае, пока), но явно стремится к этому. Один из шагов, предпринятых ею в прошлом году, вновь удивил и наделал немало шума. Находясь в США, Зверева без посредничества Госкомспорта СССР, подписала профессиональный контракт с фирмой «Про Серв». Переполох поднялся великий — подобных прецедентов не было. В те дни у Наташи спросили:

— Вы хорошо продумали свое решение?

— Я все продумала хорошо.

— Надеетесь, ваш поступок может что-то изменить в практике оплаты труда спортсменов?

— Да, надеюсь.

Недавно из Австралии пришла приятная весть: в Канберре Зверева выиграла турнир профессионалов.

А. ПАТРИКЕЕВ

■

К вам обращаются жильцы общежития, находящегося на территории учебного корпуса ГУВД Московской области, в городе Видное. Место это печально известное, так как в годы репрессий здесь была расположена одна из самых страшных тюрем — «Сухановка».

Дом наш двухэтажный, комнаты два на два, два на три метра — бывшие камеры-одиночки. Сейчас много стали писать об этой тюрьме. А нам горько и жутко читать эти статьи, ведь мы, оказывается, живем в стенах, обильно политых кровью невинных людей.

Приезжают к нам многочисленные журналисты, смотрят на наше житье-бытье с недоумением и сокрушаются. Осталось нас в этом здании шесть семей с 11 детьми и трое одиноких. Куда мы ни обращались с просьбой предоставить нам другое жилье, все бесполезно. Очень надеемся, что вы поможете разбить непробиваемую стену равнодушия и безразличия.

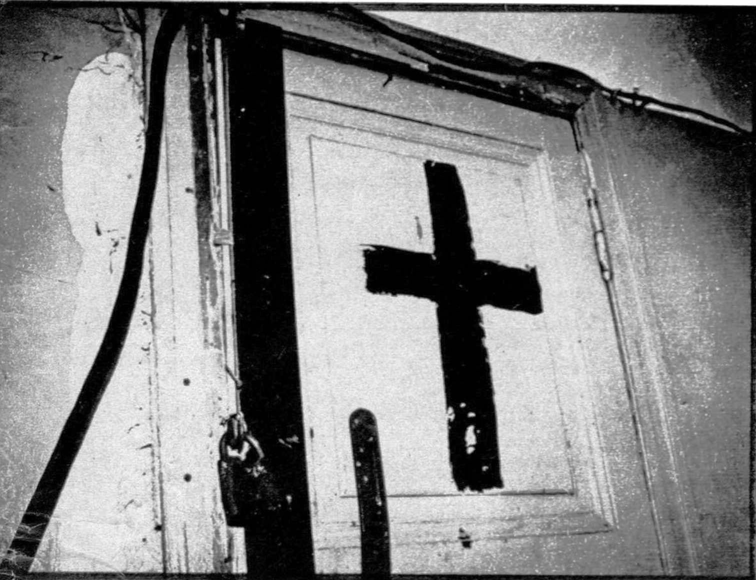
ФОМИНЫ, САЛИМЯНОВЫ, ГУСЕВЫ, ГОЛУБЕВЫ и другие

Видное Московской области

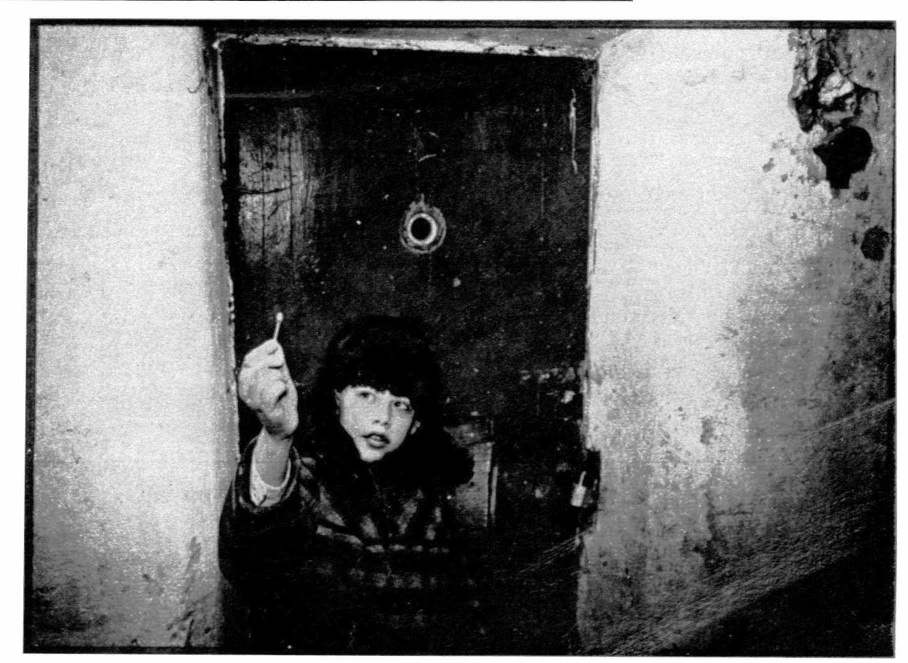
«СУХАНОВКА» 50 ЛЕТ СПУСТЯ

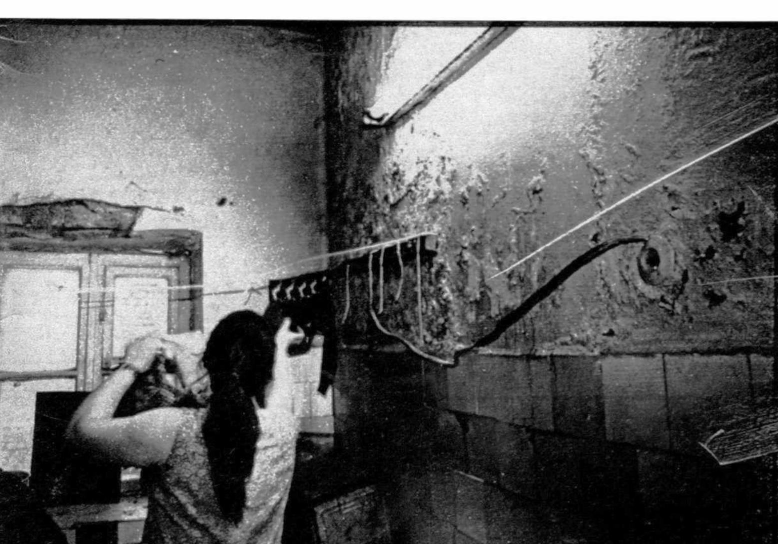

Коридор — детская площадка. А за стеной — учебная площадка школы милиции. И там тоже стреляют.

Говорят, за этой дверью вел допросы Берия.

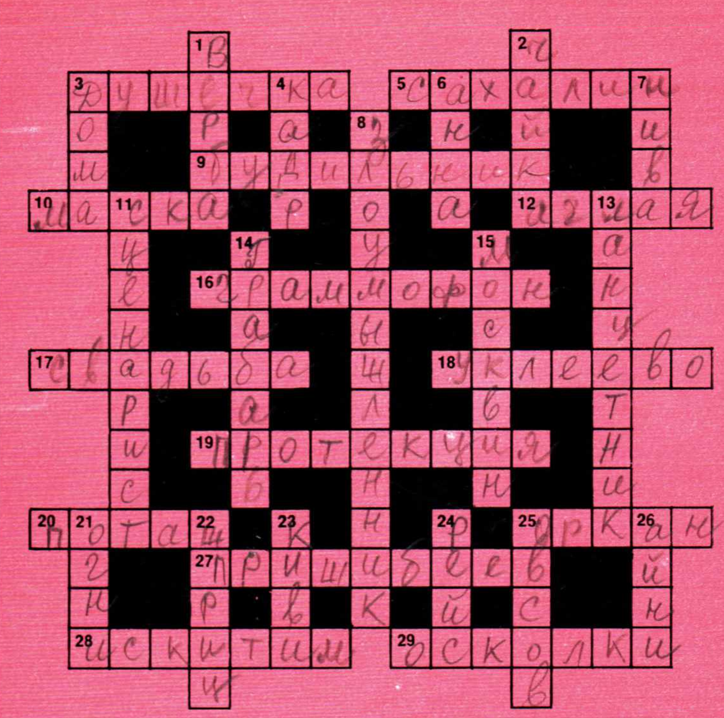

«Глазок» в тюремные подвалы.

Вот так и живем...

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

ВКЛЮЧЕННЫЕ ЗДЕСЬ ЗАГОЛОВКИ И ПЕРСОНАЖИ ПРИНАДЛЕЖАТ ПЕРУ А. П. ЧЕХОВА.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Рассказ, приведший в восторг Л. Н. Толстого. 5. Остров на Дальнем Востоке, посещенный Чеховым. 9. Сатирический журнал, в котором сотрудничал Чехов. 10. Рассказ о самодуре-богаче. 12. Персонаж в рассказе «Убийство». 16. Старинный музыкальный аппарат для воспроизведения записи на пластинке. 17. Рассказ на тему о женитьбе. 18. Село, место действия в повести «В овраге». 19. Рассказ о том, как влиятельный дядя поддерживал непутевого племянника. 20. Бесцветное кристаллическое вещество, применяемое в производстве хрусталя. 25. Польский писатель, современник Чехова. 27. Герой рассказа, произнесший: «Где это в законе написано, чтоб народу волю давать?..» 28. Город в Новосибирской области. 29. Юмористический литературно-художественный журнал, в котором публиковал свои произведения Чехов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Один из «Пестрых рассказов». 2. Пьеса, с триумфом поставленная во МХАТе. 3. Рассказ о вреде курения. 4. Снимок на кинопленке. 6. Героиня рассказа, на тему которого снят кинофильм. 7. Еженедельный иллюстрированный журнал, в котором печатались рассказы Чехова. 8. Рассказ, отнесенный Л. Н. Толстым «к первому сорту». 11. Автор литературных произведений для съемки кинофильмов. 13. Рыбообразное морское животное, напоминающее хирургический инструмент, обитающее в Черном море. 14. Народный художник СССР, искусствовед, современник Чехова. 15. Народный артист СССР, выступавший во МХАТе. 21. Повесть, которую поэт А. Н. Плещеев назвал «прекрасной вещицей». 22. Медицинский инструмент. 23. Финский писатель, современник Чехова. 24. Путь корабля по определенному маршруту. 25. «Лошадиная фамилия». 26. Основоположник таджикской советской литературы, современник Чехова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 9. Пословица. 10. Коллектив. 11. Гелиотроп. 14. Простор. 15. Трибуна. 18. Лиана. 19. Забота. 20. Северн. 21. Брест. 22. Музыка. 24. Вощина. 27. Метро. 29. Сусанин. 31. Философ. 32. Кантабиле. 35. Пушкинист. 36. Каравайка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Товарищ». 2. Классика. 3. Шифер. 4. Бали. 5. Шкот. 6. Элиот. 7. Скруббер. 8. Ливанов. 11. Горнолыжник. 12. Орнаментика. 13. «Просвещение». 16. Алабама. 17. Раствор. 23. Украинка. 25. Народная. 26. Изумруд. 28. Хроника. 30. «Налим». 31. Флора. 33. Титр. 34. Бокс.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

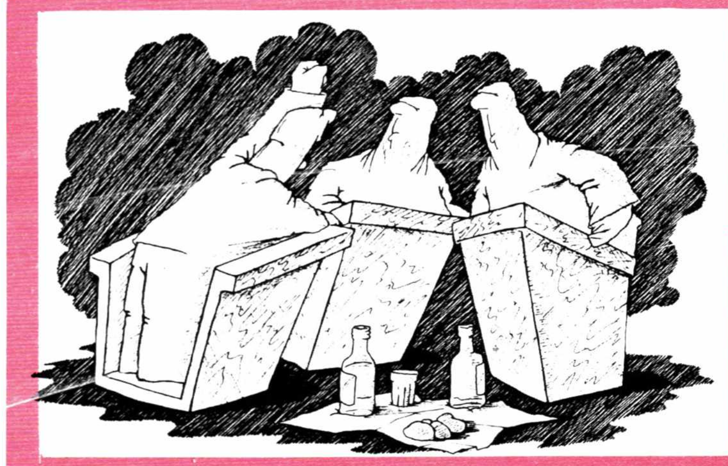

Рисунок Алексея ЧЕРВЯКОВА

ОГОНЁК

video

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ «ОГОНЕК»-ВИДЕО

«ОГОНЕК»-ВИДЕО — ЭТО:

СЕНСАЦИЯ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ

САМАЯ ОСТРАЯ ВИДЕОПУБЛИЦИСТИКА

РЕПОРТАЖ ИЗ ГОРЯЧИХ ТОЧЕК ПЕРЕСТРОЙКИ

ХОРОШИЙ ВКУС И ОБЪЕКТИВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

ТО, ЧТО ВЫ НИКОГДА НЕ УВИДИТЕ НА ЦТ

Заказы на видеовыпуски 1990 года принимаются в неограниченном количестве от организаций.
В заказе просим указать адрес отгрузки с почтовым индексом и точные банковские реквизиты.
Вы имеете возможность оформить годовую подписку на все выпуски в 1990 году.
МОСКВА, 117313, аб/ящик 843. Тел. 212-15-79.